

ТРУДЫ
КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1862.

Н О Я Б Р Ъ.

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КІЕВОНЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

1862.

противъ нихъ, какъ два стада козь¹⁾, а Сириане
наполнили страну. И пришелъ человекъ Божій и ска- 28.
залъ царю израильскому: «такъ говоритъ Иегова: за
то, что Сириане, говорятъ, что Иегова—Богъ горъ, но
не Богъ долинъ, я предаю все это великое мпоже-
ство въ твои руки и узнаютъ они что Я—Иегова».

Семь дней они стояли станомъ одни противъ 29.
другихъ; на седьмой день вступили въ сраженіе, и
израильтяне въ одинъ день поразили сто тысячъ ив-
нитихъ Сирианъ. Остальные побѣжали въ Афеку къ 30.
городу; но городская стѣна унала на остальныхъ
семнадцать тысячъ человекъ. Бѣжалъ и Бен-гадаъ
и ходилъ скрываясь въ городѣ изъ дома въ домъ.
И сказали ему рабы его: «вотъ мы слышали, что цари 31.
израильскіе цари милостивые. Поэтому мы одѣнемся
въ рубища, положимъ веревки на головы свои и пой-
демъ къ царю израильскому; быть можетъ онъ поща-
дитъ жизнь твою». И одѣлись они въ рубища поло- 32.
жили веревки на головы свои, пришли къ царю изра-
ильскому и сказали ему: «рабъ твой Бен-гадаъ го-
ворить: пощади жизнь мою». Ахавъ спросилъ: «и такъ

¹⁾ Слово **רִמְסֵי**, которое переводилъ словомъ *стадо* встрѣчается въ биб-
ліи только одинъ разъ. Основываясь на производствѣ этого отъ глагола **רָמַסְ**—
обнажить, отдѣлать, объясняютъ его въ значеніи небольшого стада, отдѣль-
наго отъ главнаго. Такимъ образомъ, это выраженіе указываетъ и на незна-
чительное число израильтянъ и на расположеніе ихъ—отдаленно.

38. живъ еще братъ мой»? Посланные приняли это за добрый знакъ и поспѣшили подхватить слова его и спросили: «братъ-ли твой Бен-гададъ»? Онъ продолжалъ: «подите возмите его». Бен-гададъ пришелъ къ нему и Ахавъ пригласилъ его войти въ свою колесницу.
34. Тогда Бен-гададъ сказалъ Ахаву: «я возвращу тебѣ города, которые отецъ мой взялъ у твоего отца и ты устрои себѣ *торговья* площади ¹⁾ въ Дамаскѣ, какъ отецъ мой устраивалъ въ Самаріи; а я,—отвѣчалъ Ахавъ—отвущу тебя, какъ союзника. И заключилъ съ нимъ союзъ и отпустилъ его.
35. Послѣ этого одинъ изъ сыновъ пророческихъ, по повелѣнію Іеговы, сказалъ своему товарищу «побей
36. меня!» Тотъ не захотѣлъ бить его, и онъ сказалъ ему: «за то, что ты не послушалъ слова Іеговы, какъ только ты уйдешь отъ меня, растерзаетъ тебя левъ». Тотъ пошелъ отъ него, и левъ встрѣтилъ и растер-
37. залъ его. А пророкъ нашелъ другаго человѣка и сказалъ ему: «прошу тебя, побей меня!» Этотъ по-
38. билъ его, билъ и ранилъ. Тогда пророкъ пошелъ и сталъ на дорогѣ у царя, и покрылся пылью до са-
39. мыхъ глазъ. Когда проходилъ царь, онъ закричалъ

---

¹⁾ Буквально, улицы. Но здѣсь очевидно дѣло идетъ о мѣстахъ для торговли. Халдейскій переводчикъ вмѣсто евр. слова *ḥayṣ* ставитъ *ḥayṣ* — базары.

и сказалъ царю: «я вышелъ на войну, и вотъ, какой-то
человѣкъ привелъ ко мнѣ другаго и сказалъ: «побе-
реги этаго человѣка, и если онъ уйдетъ, то ты бу-
дешь отвѣчать своею жизнью или заплатишь киккаръ
серебра. Но когда рабъ твой былъ занятъ, то тѣмъ, 40.
то другимъ, его не стало». Царь перанльскій сказалъ
ему: «ты самъ произнесъ надъ собою приговоръ».
Но когда тотъ поспѣшилъ стереть пыль съ лица, то 41.
царь перанльскій узналъ его, ибо этотъ человѣкъ
былъ изъ числа пророковъ, и онъ сказалъ царю: 42
«такъ говорить Ягова: за то, что ты выпустилъ изъ
рукъ человѣка, обреченнаго Мнѣ, ты заплатишь свою
жизнию за его жизнь и народомъ своимъ за его
народъ».

И пошелъ царь перанльскій домой смущенный и 43.
разстроенный и пришелъ въ Самарю.

ГЛАВА XXI.

Вотъ что случилось послѣ этаго: у Навоа 1.
изрезлянина ¹⁾ былъ виноградникъ, около дворца
Ахава царя самарійскаго. Однажды Ахавъ сказалъ 2.
Навоу: «отдай мнѣ твой виноградникъ, онъ будетъ

¹⁾ Изрезль городъ въ колѣвѣ псахаровомъ Ис. Нав. 19, 18. По имени
этого города и вся большая долина въ среднѣй земли перанльской называлась
изрезльской.

- у меня фруктовымъ садомъ, потому что онъ близко къ моему дому; а я дамъ тебѣ вмѣсто него лучший виноградникъ, или если угодно тебѣ я заплачу серебра, бромъ, по той же цѣнѣ». Но Навоѣ отвѣчалъ Ахаву: «да не попуститъ мнѣ Іегова отдать тебѣ наследство предковъ моихъ»¹⁾. Ахавъ пришелъ домой смущенный и разстроенный, отъ того, что Навоѣ сказалъ ему: «не отдамъ тебѣ наследства предковъ моихъ», легъ въ постель, обернулся лицомъ къ стѣнѣ и не ѣлъ хлѣба. Тогда пришла къ нему жена его Изевель и сказала ему: «отъ чего это ты разстроенъ духомъ и не ѣшь хлѣба? Онъ отвѣчалъ ей: «отъ того, что я разговаривалъ съ Навоѣомъ Изреэлитяниномъ и сказалъ ему: отдай мнѣ твой виноградникъ за деньги, или если угодно тебѣ, я дамъ вмѣсто него другой виноградникъ. Но онъ отвѣчалъ: я не отдамъ тебѣ моего виноградника». На это Изевель, жена его, сказала ему: «развѣ ты не имѣешь власти надъ израильтянами? встань, поѣшь, развеселись, я дамъ тебѣ виноградникъ Навоѣа Изреэлитянина». Она написала отъ имени Ахава письмо, занечатала печатью его и послала это письмо къ старцамъ и гражданамъ жив-

¹⁾ Законъ дозволенъ была продажа родового наследства только въ случаѣ крайней бѣдности Лев. 25, 15, 28, 25. Но и въ этомъ случаѣ купленная земля могла освободиться въ рукахъ новаго владѣльца только до юбилейнаго года. Изъ отказа Навоѣ видно, что онъ былъ ревностнымъ исполнителемъ закона.

шимъ съ Навооомъ, въ его городѣ. Въ письмѣ же 9.
томъ она написала: «назначьте постъ и посадите 10.
Навооа во главѣ народа, а противъ него посадите
двухъ негодныхъ человекъ и пусть они засвидѣтель-
ствуютъ сказавши:—«ты похулилъ Бога и царя. Тогда
выведите его побейте камнями и пусть онъ умретъ»¹⁾.
Такъ и сдѣлали сограждане его, старцы и граждане, 11.
жившіе въ его городѣ, какъ велѣла имъ Изевель,
какъ писала она въ письмѣ, которое посылала къ
нимъ. Назначили постъ, посадили Навооа во главѣ 12.
народа, привели двухъ негодныхъ человекъ и поса- 13.
дили противъ него. И засвидѣтельствовали негодные
люди о Навооѣ предъ народомъ, говоря: «Навооѣ
похулилъ Бога и царя». Тогда вывели его за городъ,
побили камнями и онъ умеръ. И послали къ Изевели 14.
сказать: «Навооѣ побить камнями и умеръ». Когда 15.
Изевель услышала, что Навооѣ побить камнями и

¹⁾ Въ царствѣ израильскомъ, при вѣчныхъ царяхъ, было страшное смѣ-
шеніе обрядовъ предписанныхъ Моисеемъ, обрядовъ языческихъ и грубаго про-
извола царей. Въ законѣ Моисеевомъ назначенъ былъ одинъ только обществен-
ный постъ въ день очищенія. Лев. 23, 27, 29. Въ послѣдствіи вожди народа
казначали общенародные посты, по случаямъ особенно важныхъ обстоятельствъ.
Исх. Кав. 7, 6. Суа. 20, 26. 1 Цар. 7, 6. и пр. Настоящій случай не представ-
лялъ никакой законной причины для поста и потому легко могъ вызвать ропотъ
строгаго ревнителя закона на не своевременное назначеніе поста. Хитрость
Изевели простирается до соблюденія всѣхъ формальностей закона, почему она
требуетъ двухъ свидѣтелей преступленія, какъ предписано Втор. 27, 6, 7, и хо-
четъ обвинить Навооа на основаніи уважаемаго имъ закона. Исх. 22, 28. Лев.
24 15, 16.

- умеръ, то сказала Ахаву: «встань, возми виноградникъ Навооа Изреэлитянина, который онъ не хотѣлъ отдать тебѣ за деньги. Навооа дѣтъ въ живыхъ, онъ умеръ»¹⁾. Какъ только Ахавъ услышалъ, что Навооа умеръ, тотчасъ собрался идти въ виноградникъ, чтобы завладѣть имъ. И было слово Іеговы къ Іліи тивбитянину... сказано ему: «встань иди на встрѣчу Ахаву царю израильскому въ Самарѣ, онъ теперь въ виноградникѣ Навооа, онъ пришелъ туда, чтобы завладѣть имъ. Скажи ему:— «такъ говоритъ Іегова: ты убилъ и присвоилъ себѣ». *Потомъ* скажи ему: «такъ говоритъ Іегова: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ собаки лизали кровь Навооа, они полизуютъ и твою кровь».
20. И сказалъ Ахавъ Іліи: «нашелъ ты меня врагъ мой!» Ілія отвѣчалъ: «нашелъ, потому что ты продался на то, чтобы дѣлать зло предъ Іеговою... Вотъ Я наведу на тебя зло и совершенно истреблю тебя, уничтожу у Ахава мочащагося къ стѣнѣ и раба и свободнаго въ Израилѣ и предамъ домъ твой, какъ домъ Іеровоама сына Наватова, какъ домъ Бааши сына Ахіева, за оскорбленія, которыми ты оскорблялъ меня и вводилъ въ грѣхъ Израиля».. О Изевели сказалъ

¹⁾ Въ законѣ нигдѣ не упоминается, чтобы имущество казненнаго переходило въ собственность главы народа. Вѣроятно это установленіе у израильтян со времени учрежденія царской власти, хотя, во мнѣніи народа, такая конфискація считалась несправедливою.

Иегова: «собаки съѣдятъ Изевель при входѣ въ Изреэль... умершаго у Ахава въ городѣ съѣдятъ собаки, а умершаго въ полѣ съѣдятъ птицы небесныя». 24.

Не было никого, кто бы подобно Ахаву продался на то, чтобы дѣлать зло предъ Иеговою, потому что Изевель жена его соблазняла его. Онъ поступалъ очень дурно ходя въ слѣдъ идоловъ, совершенно такъ какъ поступали Аммореи, которыхъ Иегова изгналъ отъ сыновъ израилевыхъ. Но когда онъ услышалъ эти слова, то разодралъ одежды свои, надѣлъ на тѣло свое рубище, постылся, спалъ въ рубищѣ и ходилъ смиренно. И было слово Иеговы къ Изіѣ Тишбитянину... сказано ему: «видишь-ли какъ смирился Ахавъ предо Мною? за то что онъ такъ смирился предо Мною, Я не наведу зла въ его время, но при сынѣ его наведу зло на домъ его». 25. 26. 27. 28. 29.

ГЛАВА XXII.

Прошло три года и не было войны между Сирией и израильтянами. На третій годъ Иосафатъ царь іудейскій пришелъ къ царю израильскому. Въ то время царь израильскій сказалъ рабамъ своимъ: «знаете-ли что Рамооъ Галаадскій ¹⁾ принадлежитъ 1. 2. 3.

¹⁾ Рамооъ Галаадскій почти по срединѣ владѣній Гадова колѣна. Втор. 4, 43. 20, 8. При раздѣленіи земли онъ былъ отданъ левитамъ и назначенъ въ

- намъ, а мы не заботимся о томъ, чтобы отнять его
4. изъ рукъ царя сирійскаго. И спросилъ Иосафата: «пойдешь-ли ты со мною, чтобы завоевать Рамоѡъ
  5. Галаадскій?» Иосафатъ отвѣчалъ царю израильскому: «какъ ты, такъ и я, какъ народъ твой такъ и мой, какъ твой кони, такъ и мои». И сказалъ Иосафатъ
  6. царю израильскому: «прошу тебя, спроси теперь слова Иеговы». И собралъ царь израильскій пророковъ, около четырехъ сотъ человекъ, и спросилъ ихъ: «иди-ли мнѣ на войну противъ Рамоѡа Галаадскаго или остаться?» Они отвѣчали: «иди! Господь предастъ его
  7. въ руки царя». Но Иосафатъ спросилъ: «нѣтъ-ли
  8. здѣсь пророка Иеговы спросить бы еще у него». Царь израильскій отвѣчалъ Иосафату: «есть еще одинъ человекъ, чтобы спросить чрезъ него Иегову, но я не навизию его потому, что онъ не пророчествуетъ о мнѣ добраго, а только одно зло, Михей сынъ Имлаевъ ¹⁾ Иосафатъ сказалъ на это: «не говори такъ
  9. царь». Царь израильскій позвалъ одного изъ евну-

чело городовъ убѣжища для невольныхъ убійцъ. Ис. Нав. 20, 8, 21, 37. Въ разитно еще въ послѣдніе годы царствования Соломона этотъ городъ перешелъ подъ власть царей сирійскихъ. О немъ нѣсколько разъ упоминается въ издѣйственной исторіи царей израильскихъ. 4 Цар. 8, 28 и 2 Парал. 22, 5. 4 Цар. 9, 1.

¹⁾ Михей сынъ Имлаевъ, лице отличное отъ Михея, одного изъ 12 малыхъ пророковъ, писанія, которыхъ сохранились въ библии. Первый жилъ ранѣе второго на 150 лѣтъ и пророчествовалъ при Иосафатѣ и Ахавѣ въ землѣ израильской; второй при Иоасамѣ и Ахазѣ въ Иудеѣ.

ховъ ¹⁾ и сказалъ: «позови скорѣе Михея сына
Имлаева». Царь же израильскій и Иосафатъ царь Иудей- 10.
скій сидѣли каждый на своемъ престолѣ, одѣтые въ
царскія одежды, на площади у воротъ самарійскихъ,
и всѣ пророки пророчествовали предъ ними. Цидкiя 11.
сынъ Кенагановъ сдѣлалъ себѣ желѣзные роги и го-
ворилъ: «такъ говоритъ Иегова: такими (рогами) ты
поразишь Сирiю до конца». Такъ же пророчествовали 12.
и всѣ пророки говоря: «иди на Рамоеу Галаадскiй,
Иегова благопоспѣшитъ тебѣ и предастъ его въ руки
царя». Вѣстникъ же который былъ посланъ позвать 13.
Михея, говорилъ ему: «вотъ всѣ пророки единогласно
говорятъ царю хорошее, пожалуйста, пусть и твое
слово будетъ такое же, какъ каждаго изъ нихъ, ска-
жи и ты хорошее». Михей отвѣчалъ: «живъ Иегова, 14.
какъ скажетъ мнѣ Иегова, такъ скажу и я». Когда 15.
онъ пришелъ къ царю, то царь спросилъ его: «Ми-
хей! иди-ли мнѣ на войну къ Рамоеу Галаадскому
или остаться»? И Михей отвѣчалъ ему: «иди Иегова
благопоспѣшитъ тебѣ и предастъ его въ руки царя».
Но царь прервалъ его: «сколько разъ я заклиналъ 16.

¹⁾ צִדְקִיָּה У св. писателей этимъ словомъ означаетъ и известный тѣлес-
ный недостатокъ. Ис. 56, 3. 4 и придворные чиновники, даже имѣющіе женъ.
Бат. 27, 6. 39, 1. Вѣроятно это тождество названій произошло отъ древняго
обычая восточныхъ царей окружать себя этими уродами.

34. него. Въ то же время кто-то случайно натянулъ лукъ и *стрѣла* поразила царя израильскаго, между связями его брони. Тогда царь сказалъ своему возницѣ: «обернись и помоги мнѣ выйти изъ строя, потому что я
35. раненъ». (Въ тотъ день сраженіе было очень сильное и царь стоялъ въ колесницѣ противъ Сиріянъ).
36. Ввечеру онъ умеръ; кровь изъ раны его текла внутрь колесницы. По заходѣ солнца прошла вѣсть по стану: «каждый въ свой городъ, каждый въ свою страну!»
37. И умеръ царь и привезли его въ Самарію и погребли
38. царя въ Самаріи. И омыли колесницу около озера самарійскаго и собаки лизали кровь его и блудницы омыли ее ¹⁾ по слову Іеговы, которое сказалъ Онъ.

39. Прочія дѣла Ахава и все что онъ сдѣлалъ и о домѣ, изъ слоновой кости, который онъ построилъ и о всѣхъ городахъ, которые онъ построилъ, все это записано въ книгѣ ежедневныхъ записей царей изра-

---

¹⁾ Это буквальный переводъ нынѣшняго еврейскаго текста, который какъ видно изъ перевода 70 читался также и въ древности; но нельзя не замѣтить что въ пророчествѣ Іліи какъ оно читается 21, 19 въ цвѣтшемъ евр. текстѣ нѣтъ этого обстоятельства, хотя оно и есть въ переводѣ 70. Конечно, можно думать, что въ евр. текстѣ здѣсь не намѣренный пропускъ. Очень естественно предположить что это обстоятельство выражаетъ крайнюю степень презрѣнія къ Ахаву; впрочемъ заслуживаетъ вниманіе чтеніе халдейскаго парафраста. Въ этомъ мѣстѣ вмѣсто слова וַיִּשְׁחַקְוּ и *блудницы* онъ читаетъ וַיִּשְׁחַקְוּ וַיִּשְׂרְפוּ и *его вооруженіе*. Дѣло только въ томъ, что въ такомъ случаѣ нужно нѣсколько переставить слова.

вльскихъ. И почилъ Ахавъ съ отцами своими и воцарился вмѣсто него сынъ его Ахазья. 40.

Иосафатъ сынъ Асы воцарился надъ Иудеею въ четвертый годъ Ахава царя израильскаго. Иосафату было тридцать пять лѣтъ, когда онъ воцарился и царствовалъ онъ въ Иерусалимѣ двадцать пять лѣтъ. Имя матери его Азува дочь Шилхи. Иосафатъ ходилъ во всемъ по пути отца своего, не уклонялся отъ него, праведно поступая предъ Иеговою. Только высотъ не разрушилъ; народъ еще продолжалъ приносить жертвы и куренія на высотахъ. Иосафатъ былъ въ мирѣ съ царемъ израильскимъ. Прочее о Иосафатѣ и о мужествѣ его, которое онъ показалъ и съ какимъ воевалъ записано въ книгѣ ежедневныхъ записей царей іудейскихъ. Онъ выгналъ изъ своей страны остальныхъ блудниковъ, которые оставались здѣсь во время отца его Асы. Въ Идумеѣ не было тогда царя; управлялъ намѣстникъ. Иосафатъ приготовилъ было корабль Тарсенскій, чтобы послать въ Офиръ за золотомъ; но онъ не ходилъ, потому что разбился въ Геціонъ-гаверѣ. Ахазья сынъ Ахава говорилъ Иосафату: «пусть мои рабы идутъ на корабль съ твоими рабами»; но Иосафатъ не захотѣлъ. И почилъ Иосафатъ съ отцами своими и погребли его съ отцами его въ городѣ предка его Давида. Вмѣсто него воцарился сынъ его Иорамъ. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 49. 50. 51.

52. Ахазья сынъ Ахава воцарился надъ израилемъ въ Самаріи, въ семнадцатый годъ Іосафата царя іудейскаго и царствовалъ надъ израилемъ два года.
53. Онъ худо поступалъ предъ Іеговою, шель путемъ отца своего и путемъ матери своей и путемъ Іеровама сына Наватова, который ввелъ въ грѣхъ Израиля.
54. Онъ служилъ Ваалу и поклонялся ему и оскорблялъ Іегову Бога израилева совершенно также какъ и отецъ его.

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА ЦАРСТВЪ

ИЛИ

ВТОРАЯ КНИГА ЦАРЕЙ.

ЖИЗНЬ СВ. ЮАННА ЗЛАТОУСТА ¹⁾.

I. *Отъ рожденія его до вступленія на константинопольскую кафедру.*

«Меня преслѣдуютъ не изъ за-богатства и не потому, чтобы я сдѣлалъ какое нибудь преступленіе. Если бы было такъ, то я первый долженъ бы былъ отъ этого приходиться въ смущеніе. Меня преслѣдуютъ потому, что я люблю васъ».

Такия слова говорилъ Златоустъ своему народу, отправляясь въ первое изгнаніе. Низверженный клеветниками и симонианами-епископами, осужденный слабоумнымъ императоромъ, бывшимъ по-очередно игрушкою евлуха и женщины, онъ видитъ, что изъ за-него возмущается весь константинопольскій народъ. Мятежъ снова заставляетъ его съ торжествомъ взойти на свою кафедру. Изгнанный во второй разъ, онъ уже отказывается повиноваться «потому что, говоритъ онъ, я отъ одного Бога получилъ свою Церковь; одинъ Богъ можетъ и отнять ее у меня». Десять мѣсяцевъ онъ сопротивлялся приказаніямъ императора, тщательно исполняя обязанности епископа, покровительствуемый толпою, которая, какъ стража, охраняла его домъ; наконецъ, добровольно, но безъ вѣдома народа, предается онъ войнамъ, которые должны были взять и увести его. Уличные беспорядки слѣдуютъ за его отшествіемъ. Его приверженцы,

¹⁾ Изъ сочиненія: S. Jean Chrysostome, considéré comme orateur populaire, par Paul Albert.

называвшіеся Иоаннитами, ищутъ одного убѣжища за другимъ и иные не спасаются отъ смерти. Большая часть изъ нихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ отказывается принять Арзація—его пресемника и имѣть съ нимъ общеніе. Два императорскихъ едикта пужно было для того, чтобы принудить ихъ къ этому.

Самъ же онъ, влчимый по пустынямъ Понта, переселенный изъ селенія въ селеніе, страдаетъ отъ жестокаго обращенія и усталости, но мужество его не ослабѣваетъ ни на минуту; и ссылка и смерть не лишаютъ его ни друзей, ни враговъ. Почему же одинъ и тотъ же человѣкъ для однихъ былъ предметомъ глубокой и упорной ненависти, между тѣмъ какъ другіе любили и защищали его до самой смерти? Среди развращеннаго двора императорскаго, измѣнниковъ и льстецовъ—епископовъ, онъ былъ смѣлымъ представителемъ независимости и достоинства епископа, неустранимымъ защитникомъ бѣдныхъ и угнетенныхъ; человѣкъ строгой добродѣтели, пылкой ревности, сильнаго, несокрушимаго характера, — Златоустъ естественно былъ врагомъ власти, пороковъ которой онъ не щадилъ, — и духовенства, злоупотребленія котораго онъ исправлялъ. Сочувствіе же его къ бѣднымъ, опыты и выраженія его горячей любви къ нимъ и характеръ краснорѣчія дали его по преимуществу народнымъ ораторомъ.

Его жизнь дѣлится на двѣ части: первая обнимаетъ время отъ рожденія до вступленія его на константинопольскую кафедру (347—397). Бѣдная замѣчательными событіями, она служитъ приготовленіемъ ко второй части: по сему мы о ней скажемъ немного. Вторая обнимаетъ собою девять годовъ (398—407), но это короткое пространство времени было самою дѣятельною порою въ жизни Златоуста. Пятьдесятъ лѣтъ проведенныя имъ въ Антіохіи, были какъ бы трудовымъ уединеніемъ, гдѣ онъ образовалъ и развилъ свой умъ, питая при этомъ душу высокими мыслями и управляясь въ подвигахъ

добродѣтели. Впоследствии увидимъ, какую силу почерпнулъ онъ отсюда для испытаній, которыя ему встрѣтились въ жизни.

Златоустъ родился въ Антиохіи въ 347 году. Родители его знатнаго происхожденія: отецъ, Секундъ командовалъ войскомъ въ Сиріи. Мать называлась Апфуса. Оба были христіане. Христіанство въ то время уже не было религіею только бѣдныхъ и угнетенныхъ. Язычники съ удивленіемъ смотрѣли на Амвросія и Павла Поланскаго, высокихъ по рожденію, отказавшихся отъ почестей и земнаго счастья, чтобы принять религію, учившую презирать все это. Подобные примѣры показали на востокѣ Василій, Флавіанъ, Златоустъ, св. Нилъ. Эти блестящія побѣды дали новый авторитетъ религіи, недавно преслѣдуемой и презираемой: и великіе люди принявшіе ее, были принимаемы и у народа съ великимъ уваженіемъ и признательностью. Съ радостью смотрѣли на ихъ смиреніе, какъ на жертву, приносимую ими для своихъ меньшихъ братій. Народъ всегда умѣетъ отдавать уваженіе своимъ любимцамъ или покровителямъ, хотя бы они были не ихъ сферы и стояли выше ихъ.

Мать Златоуста, оставшаяся вдовою на двадцатомъ году съ двумя дѣтьми, не пожелала вступить во второй бракъ: она посвятила всю себя заботамъ о воспитаніи своихъ дѣтей съ такою преданностію, что даже самъ Ливаній удивлялся этому. «Боги безсмертные, восклицаетъ онъ, какія женщины у этихъ христіанъ». Эти новыя добродѣтели удивляли и очаровывали міръ.

Историки пытаются еще въ дѣтствѣ великихъ людей видѣть первоначальныя зародыши того характера, который развивается у нихъ позже. Можно повѣрить и Сократу, когда онъ приписываетъ Златоусту душу пылкую, непреклонную, не чуждую гордости и раздражительности, и при этомъ великую свободу рѣчи. Никто, конечно, никогда не заподозрѣвалъ чн-

стоты нравовъ Златоуста; но нельзя сказать, чтобы онъ обнаружилъ въ себѣ мягкую и привлекательную сторону добродѣтели. Не смотря на его искреннюю скромность, онъ былъ гордъ и суровъ въ обращеніи съ тѣми, которые стремились стать выше другихъ или владѣли нѣкоторыми преимуществами надъ другими или же надъ нимъ самимъ. Онъ любилъ власть и искалъ ея; онъ имѣлъ многихъ приверженцевъ, но не видно, чтобы у него были задушевные друзья. Его сердце было нѣжно, но характеръ суровый: такіе люди не терпятъ тѣхъ, кто имъ противится; и кто имъ не хочетъ покоряться, тотъ ихъ ненавидитъ.

Златоустъ получилъ въ Антиохіи такое же точно образованіе, какое Василій великій и Навіанзинъ должны были получить въ Афинахъ. Декретъ Юліана закрылъ въ то время христіанскія школы. Златоустъ учился риторикѣ у Ливанія, а философій—у Андрогачія. Первый изъ этихъ учителей извѣстенъ, какъ искусный риторъ и честный человѣкъ; о второмъ ничего не знаемъ. Ливаній питалъ великое уваженіе къ своему ученику, любилъ его, и, какъ Василій, надѣялся имѣть его своимъ преемникомъ. «Но христіане похитили его у меня», говоритъ онъ съ печалью. Въ это время христіане похищали все. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочитать жалобно-защитительную рѣчь Ливанія о риторахъ, которыхъ жители Антиохіи заставляли почти умирать съ голоду: они оставляли ихъ ради проповѣдниковъ, точно такъ, какъ школы ради церквей. Златоустъ, какъ видно, мало пользовался уроками Андрогачія. Онъ въ самомъ дѣлѣ ничего философскаго не имѣлъ въ складѣ своего ума: знаніе отвлеченностей не интересовало его и всегда относился онъ съ пренебреженіемъ къ Пифагору, Платону, Аристотелю и даже Сократу. Такое настроеніе, такое предубѣжденіе противъ философій, въ которыхъ онъ не прочь былъ иногда сознаться, какъ въ слабости духа, объяс-

няетъ почти исключительно нравственный характеръ его проповѣдничества. Но за то онъ страстно любилъ краснорѣчіе. Вступивши сначала въ должность адвоката, онъ проходилъ ее съ успѣхомъ. Въ это время онъ составилъ въ честь Валентиніана I-го панегирика въ формѣ разговора, которому удивлялся Ливаній. Это былъ рѣдкій ораторскій дебютъ, подобный тому, какой имѣлъ блаженный Августинъ. Оба они съ этого времени какъ бы нашли свою дорогу. Но они не остановились на долгу на этомъ пустомъ, ложномъ и бесполезномъ, но почти единственномъ въ то время краснорѣчьи, существовавшемъ внѣ христіанства. Златоустъ вышелъ отсюда первый и сталъ на сторону тѣхъ неученыхъ людей, которые, по выраженію Августина, возвышаются и похищаютъ небо. «*Surgunt indocti, et coelum rapiunt*».

Въ 369 году Златоустъ принялъ крещеніе: ему было тогда двадцать два года. Мелетій, епископъ антиохійскій сдѣлалъ его чтецомъ. Онъ вошелъ въ церковь и никогда болѣе не выходилъ изъ нея; оставилъ Демосоепа, реторику, адвокатство и преданъ изученію св. Писанія. Но онъ жилъ еще въ мірѣ, — а его звало къ себѣ уединеніе. Онъ хотѣлъ бѣжать въ пустыню съ мыслию о Богѣ, и тамъ укрѣплять свою душу и возвышать свой умъ. Просьбы и слезы матери удержали его отъ этого. Но онъ и въ мірѣ велъ строгую пустынноческую жизнь со всѣми аскетическими принадлежностями. Два друга, — Василиій и Θεодоръ, изъ коихъ одинъ впоследствии былъ епископомъ селевкійскимъ, а другой малюетскимъ раздѣляли съ нимъ одинокую и трудовую жизнь. Последний, болѣе слабый характеромъ, возвратился было къ суетѣ людской. Прекрасное письмо, написанное ему Златоустомъ, возвратило его Церкви.

Въ слѣдующій годъ изгнаніе Мелетія и его приверженцевъ сдѣлало праздымъ многія епископскія каѳедры. Великій ужасъ обнялъ Василия и Златоуста: не одишь пустынный вы-

званъ былъ изъ своего уединенія, чтобы исполнить обязанности епископа, такъ опасныя въ тѣ времена. Благочестивый обманъ Златоуста содѣйствовалъ къ тому, что эта опасная и тяжелая почеть пала на голову его друга, между тѣмъ какъ самъ онъ избѣжалъ ея. Никто, однакожь, не понималъ лучше Златоуста обязанностей этого великаго званія, но онъ считалъ себя недостойнымъ исполнять ихъ. Его трактатъ «о священствѣ», явившійся въ 372 году,—это самое безукоризненное и самое совершенное изъ его произведеній, не заключающъ въ себѣ ни одного такого наставленія и правила, которому бы онъ самъ не слѣдовалъ позже. Онъ негодуеть здѣсь на тѣ постыдныя пронырства, какими домогались должностей, чтобы потомъ безчестить ихъ.

«Перенеситесь въ какое нибудь изъ тѣхъ торжественныхъ собраній, гдѣ совершается избраніе епископа: сколько людей, сколько язвительныхъ рѣчей, заподозрѣвающихъ репутацію священника! Дѣлается на партіи, никого не слушаютъ; каждый хочетъ своего созданія. Меньше всего занимаютъ тѣмъ кандидатомъ, который имѣеть всѣ нужныя качества и, значитъ, который бы долженъ быть единственнымъ предметомъ разсужденій. Подаютъ голосъ за одного, потому что онъ знатнаго рода; — за другаго, потому что богатъ и можетъ обойтись безъ доходовъ церковныхъ,—за третьяго, потому что имѣютъ съ нимъ родственныя связи и знакомства,—за четвертаго потому, что онъ умѣлъ лестно снискать вашу благосклонность: но есть ли добродѣтели, нужны ли таланты въ кандидатѣ?—Объ этомъ менѣе всего заботятся».

Златоусту пришлось видѣть въ Константинополѣ много другихъ безпорядковъ и исправлять печальныя злоупотребленія. Онъ требуетъ отъ будущаго епископа не только твердаго благочестія, чистоты поведенія, но и глубокаго знанія, опытности и краснорѣчія. Въ этомъ видѣнъ ораторъ, много разъ слышавшій

рукоплесканія. Онъ хочетъ также, чтобы епископъ былъ первый другъ бѣдныхъ, покровитель вдовъ и сиротъ. Здѣсь вы узнаете уже неутомимаго проповѣдника любви, основателя госпиталей, строгаго преобразователя нравовъ духовенства, врага всѣхъ несправедливостей.

Антіохійское уединеніе не удовлетворяло Златоуста: его мысль снова стремилась въ пустыню; онъ постигшиишь убѣжать отъ того печальнаго зрѣлища, которое тогда представлялъ собою міръ: всюду анархія, безнорядки, возмущенія. Варвары стремятся какъ волны со всѣхъ сторонъ на имперію. Это не одни Франки и Готы съ страшнымъ королемъ Гермакрихомъ, который сражался до сто-десяти-лѣтней старости: дикія орды Гунновъ переправляются черезъ море и наводняютъ собою востокъ. Церковь также носила войну въ своемъ нѣдрѣ. Даміась и Урсинъ съ оружіемъ въ рукахъ оспаривали другъ у друга римскую катедру, и кровь лилась ручьями. Аріанство, осужденное въ Никее, но теперь покровительствуемое императорами Констанціемъ и Валентомъ, съ энергіею всюду боролось: созывало соборы, отрѣшало отъ должностей православныхъ епископовъ, назначало имъ преемниковъ, производило постоянныя, часто кровавыя, волненія. Въ самой Антіохіи явился расколъ. Мелетій низложенъ съ своей катедры. Наконецъ, пристанища, куда удалялись монахи, были наводняемы воинами императоровъ, и монашествующіе принуждены были становиться въ ряды арміи. Валентъ, изгнанный изъ Константинополя всеобщимъ пресрѣніемъ, остановленный на своемъ пути пустынною Исаакомъ, предрекииъ ему смерть, погибъ безславно въ Андріанополѣ, увидѣвши поражение своихъ легионовъ.

Среди такихъ возмущеній, очень естественно, что душъ жаждущія мира, съ радостію удалялись въ пустыни. Златоустъ посвятилъ себя пустынной жизни на четыре года (374—378).

Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ гоненія, воздвигнутаго Валентомъ на монаховъ; и здѣсь же онъ оцѣнилъ счастье жизни, посвященной труду, молитвѣ и размысленію. Онъ такимъ образомъ сдѣлался адвокатомъ монашеской жизни. Ему угодно было начертить вѣрную картину занятій пустынниковъ и ихъ добродѣтелей. «Свободные отъ суетныхъ интересовъ, которыми поглощается вся дѣятельность другихъ людей,—безъ отечества, безъ семейства, безъ имущества, они живутъ только для Бога и спасенія своей души. Есть ли жизнь, болѣе счастливая? Нѣтъ,—не исключая даже и жизни самаго царя. Онъ не принадлежитъ себѣ, а своимъ подданнымъ; тысяча занятій отвлекаютъ его отъ себя, тысяча тревогъ мучатъ его, и искушенія, рождающіяся отъ безграничной власти, подвергаютъ его безпрестаннымъ падешіямъ». Два сочиненія его ¹⁾, плодъ уединенія, скорѣе выражаютъ стремленіе къ тому покою, какой монахъ находитъ въ пустынѣ, чѣмъ представляютъ серьезный трактатъ о монашеской жизни. Картины въ нихъ привлекательны; слогъ дышетъ сладостію, полною очарованія: это родъ описательно-защитительной рѣчи. Авторъ хвалитъ удовольствіе, которое онъ идетъ вкусить; онъ не знаетъ радостей, часто горькихъ въ жизни общественной, иногда бурной, вызывающей на трудныя обязанности. И сверхъ того, это спокойствіе, въ жертву котораго приносятся всѣ земныя блага и законныя пожеланія,—это спокойствіе нерѣдко убѣгаетъ отъ несчастнаго, приносящаго съ собою въ пустыню слабость духа, скуку и бездѣйствіе. Вотъ страшный примѣръ этому, бывшій въ тѣ времена!

Стагирь, молодой человекъ, благороднаго происхожденія, отказался отъ міра и, противъ воли своего семейства, поступилъ въ монашество. Но привычка къ гордости и изнѣженности слѣдовали за нимъ и въ монастырь. И здѣсь у него

¹⁾ Противъ отвергающихъ монашескую жизнь; ²⁾ Сравненіе царя и монаха.

было мало усердія къ молитвѣ, совершенное невниманіе къ совѣтамъ и упрекамъ старшихъ, постоянное безпокойство души. Въ этомъ бѣдственномъ состояніи, Стагирь подвергся вліянію демона: таково, по крайней мѣрѣ, было объясненіе, которое тогда давали этой странной, нравственной болѣзни, называвшейся позже меланхоліею. Его страданія сдѣлались нестерпимы: душевная боль скоро отразилась на тѣлѣ. Напрасно онъ съ жаромъ предавался строгимъ аскетическимъ подвигамъ: ни посты, ни умерщвленіе плоти, ни молитвы не могли облегчить тяжести его состоянія. Златоустъ написалъ къ нему «Три книги о Провидѣніи». Въ этомъ сочиненіи, представляющемъ изъ себя длинное утѣшеніе, краснорѣчивый Златоустъ рѣзко обнаруживаетъ тотъ характеръ утилитарности, который его особенно отличаетъ. Это длинное ораторское развитіе двухъ идей: 1) что Богъ искушаетъ тѣхъ, кого любить, 2) что страданія служатъ спасенію души. Нѣкоторый родъ смягченнаго стоицизма дѣлаетъ это слово пріятнымъ и вмѣстѣ сильнымъ. Здѣсь можно находить тѣ длинные рассказы и тѣ удачно выбранные примѣры, которые были однимъ изъ главныхъ источниковъ доказательства Златоуста. Но эти же строки дышатъ неподдѣльнымъ чувствомъ, симпатіею, дружескою преданностію и самымъ искреннимъ состраданіемъ. Это не трактатъ и не диссертация,—это рядъ бесѣдъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Форма ораторская, но не философская, не дидактическая. Такова она во всѣхъ сочиненіяхъ Златоуста; такую она является даже въ трактатѣ, составленномъ Златоустомъ при концѣ его жизни, въ ссылкѣ, въ трактатѣ совершенно стоическомъ: «о презрѣніи страданій»; такова она даже въ письмахъ, которыя онъ писалъ къ Олимпіадѣ и епископамъ, оставшимся ему вѣрными.

Это сочиненіе (о провидѣніи) написано въ 380 году. Златоустъ принужденъ былъ оставить пустыню; излишнее воз-

держаніе разстроило его здоровье; онъ говоритъ Стагиру о жестокихъ болѣзняхъ головы, которыя заставили его искать спокойнаго пріюта. Онъ не долгое время, однакожь, наслаждался спокойствіемъ. Мелетій, епископъ антиохійскій, въ томъ же году поставилъ его діакономъ. Извѣстно, какъ важна была въ первенствующей Церкви эта должность, повидимому столь ничтожная. Діаконъ былъ слугою бѣдныхъ, раздавателемъ милостыни, надзирателемъ и стражемъ у дверей храма. Проловъ ему не была дозволена. Онъ также не совершалъ таинствъ. Но епископъ часто возлагалъ на него временныя обязанности. Должность трудная, требовавшая безотчетной покорности на всякое время, но за то самое лучшее приготовленіе къ должности епископа и упражненію въ обязанностяхъ любви! Быть естественною опорой бѣдныхъ, изучать ихъ несчастія, видѣть собственными глазами крайность нужды, находить причины этому часто въ жадности и жестокости богачей, въ безжалостныхъ и несправедливыхъ притѣсненіяхъ правительства, являться къ немощнымъ и слабымъ какъ бы видимымъ орудіемъ церкви, получать пріятную склонность—быть любимымъ и благословляемымъ отъ тѣхъ, которые страдаютъ:—какая роль для человѣка, котораго сердце было такъ нѣжно и который такъ страстно ненавидѣлъ неправду! Пять лѣтъ исполнять Златоустъ должность діакона. Уединеніе, въ которомъ онъ провелъ четыре года, могло охладить въ немъ, чрезъ исключительную заботу о себѣ самомъ и своей святости, теплоту его сердца и любовь къ другимъ. Легко забывать несчастныхъ, когда не видишь ихъ. Діаконство снова перевело его въ среду дѣйствительной жизни и открыло его глазамъ ея страдапія и несправедливости. Такимъ образомъ онъ прошелъ двойное воспитаніе,—воспитаніе пустыни, которая укрѣпляетъ и возвышаетъ духъ, и воспитаніе жизни общественной, которая показываетъ человѣку человѣка и даетъ ему знаніе страстей, интересовъ,

бѣдствій и пороковъ. Печальное знаніе, но необходимос для того, кто хочетъ имѣть какое нибудь вліяніе на подобныхъ себѣ. Первое серебро, которое Златоустъ отдалъ бѣднымъ, — это его собственное; съ этого дня до самой смерти онъ ничего не имѣлъ; можно сказать, что это былъ первый бѣднякъ въ церкви антиохійской.

Въ 386 г. Златоустъ посвященъ былъ преемникомъ Мелетія — Флавіаномъ во священника. Ему было тогда почти сорокъ лѣтъ.

Его долгое образованіе, его добродѣтели и блестящій талантъ не дозволяли ему долше отправлять низшія обязанности діакона. Флавіанъ, добрый и тихій старецъ, возложилъ на него обязанность проповѣдничества. Евсевій, архіепископъ кесарійскій, далъ ту же почесть Василю, также простому священнику; но онъ не могъ смотрѣть безъ зависти на торжество такого краснорѣчія, которое заставляло забывать его собственное. Флавіанъ не зналъ этой низкой страсти; и скромность Златоуста щадила болѣзнь старца, который естественно могъ опасаться при этомъ, что его еще въ живыхъ забросаютъ эти восточные греки, такъ легкомысленные и такъ страстно любящіе краснорѣчіе. Первая рѣчь, произнесенная имъ есть не болѣе, какъ замысловатая и остроумная похвала епископу. Если народъ, восхищенный словами новаго оратора, казалось, почти забывалъ робкаго и молчаливаго старца на его епископской кафедрѣ, то Златоустъ тѣмъ, которые рукоплескали ему, указывалъ на духовнаго вождя города и побуждалъ народъ преклоняться предъ сугубымъ авторитетомъ старости и добродѣтели. Если бы Флавіанъ подобенъ былъ Евсевию, то Златоустъ не вынесъ бы ни его напыщенной гордости, ни его зависти: его великая душа, любящая господство, готова была отдавать уваженіе, но въ томъ случаѣ, когда это уваженіе требовалось не гордостію и тщеславіемъ. Нужно также признать за нимъ и

то, что онъ еще въ это время не испыталъ того опьяненія отъ криковъ народа, которому онъ такъ часто поддавался въ послѣдствіи, — и той ненависти, которая стережетъ блестящую славу и старается заподозрѣвать ее у тѣхъ, кто ей поклоняется. Онъ былъ еще свѣжъ, полонъ душевнаго жара, вѣрилъ въ свой геній, окруженъ удивленіемъ и слышалъ рукоплесканія. Ему все улыбалось той карьерой, на которой онъ позже долженъ былъ встрѣтить столько опасностей, столько враговъ и столько искушеній!

Одиннадцать лѣтъ проповѣдывалъ Златоустъ въ Антиохіи, безъ всякаго перерыва, если только не препятствовало этому здоровье. Бесѣды имъ произнесенныхъ — не изчислимое множество. Многія изъ нихъ не собраны; почти всѣ были говорены экспромтомъ. Нельзя опредѣлить, какія изъ нихъ принадлежать ко времени священства, и какія ко времени епископства. Но извѣстно, что онъ проповѣдывалъ часто всякій день, и обыкновенно три раза въ недѣлю. Какая дѣятельность, какая ревность! Какихъ людей возбуждала тогда энергія христіанства! Критика слаба и безсильна предъ этими произведеніями генія и вѣры, явившимися въ свѣтъ съ такою силою и съ такою быстротою!

Здѣсь нельзя отдѣлять оратора отъ слушателя. Связь между ними самая тѣсная. Златоустъ родился и воспитанъ былъ между тѣми, которымъ онъ проповѣдывалъ: онъ знаетъ ихъ нравы, привычки, тайныя наклонности и во многомъ сходится съ ними. Санъ, въ который онъ былъ облеченъ, авторитетъ, который имѣлъ, геній возвышаютъ его надъ народомъ, который тѣспится къ нему во храмъ, — однакожь онъ не отдаляется отъ него. Напротивъ, онъ все болѣе и болѣе приближается къ нему, чтобы лучше знать его, чтобы вѣрнѣе понимать причины, привлекающія его къ нему и за тѣмъ болѣе безопасно управлять имъ.

Городъ Антиохія былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ имперіи; въ немъ насчитывали до 200,000 жителей, изъ которыхъ двѣ трети были христіане. Митрополія Сиріи, древняя резиденція царей, преемниковъ Александра, который, говоря, положилъ основаніе ей, пользующаяся выгоднымъ, очаровательнымъ и цвѣтущимъ мѣстоположеніемъ, богатая памятниками, театрами, школами, — Антиохія славилась и въ лѣтописяхъ христіанскихъ. Св. Петръ учредилъ тамъ свою кафедрю, св. Павелъ долго проповѣдывалъ въ ней: и именно въ Антиохіи ученики Иисуса Христа впервые получили имя христіанъ. Безчисленный сонмъ мучениковъ ея, изъ коихъ славнѣйшіе св. Игнатій и св. Вавила, пролили здѣсь кровь свою за вѣру и какъ бы уничтожили новою славою знаменитыя воспоминанія древняго города. Она была населена народомъ легкомысленнымъ и разсѣяннымъ, любящимъ цирки и театры и вообще развращеннымъ. Но это развращеніе греко-восточнаго города не было развращеніемъ Рима и Милана. Дѣйствіе христіанства на западъ много способствовало къ смягченію нравовъ, — на востокъ — къ очищенію ихъ. Римское общество было всегда болѣе сурово и жестоко къ рабамъ, женщинамъ и дѣтямъ: эти дикія души жаждали удовольствій грубыхъ и кровавыхъ — сраженія зебрей и драки людей. Еллинскій народъ, напротивъ, съ ужасомъ отвращается отъ этихъ кровавыхъ удовольствій: въ Афинахъ никогда не было гладиаторовъ. Развратъ здѣсь былъ болѣе изященъ, хотя, быть можетъ болѣе глубоокъ. Естественная изыбженность жителей, какъ выродившихся Афинянъ, поддерживаемая была теплотою и пріятностію климата ¹⁾, пріят-

¹⁾ Теплота климата располагала ихъ къ удовольствіямъ роскоши и легкомыслія. Они соединяли веселое расположеніе грековъ съ женственною мягкостію Сирійцевъ: у нихъ не было иного закона, кромѣ моды; удовольствіе было единственнымъ ихъ занятіемъ; изящество одеждъ и движеній — единственный предметъ ихъ соревнованій; они уважали искусство роскоши, обращали въ смѣхъ

нымъ удобствомъ жить почти безъ всякаго труда въ странѣ плодородной, всеобщую исключительностію къ утонченному пороку и неограниченною свободою предаваться всему, что нравится. Востокъ былъ также отечествомъ суевѣрій. Политеизмъ изъ Сиріи и Египта извлекъ тѣ странныя божества, которыя въ послѣднее время имперіи сошлись въ Римъ, чтобы тамъ погибнуть вмѣстѣ съ богами Лаціума. Антиохія владѣла еще извѣстнымъ количествомъ языческихъ храмовъ: при вратахъ ея возвышался храмъ Аполлону. Магія и чародѣйство находили здѣсь много адептовъ и приверженцевъ. Златоустъ рассказываетъ, что, въ его юности Валентъ приказалъ сжечь всѣ ихъ книги. Это была страшная смѣсь суевѣрій самыхъ различныхъ. Христіане, язычники, іудеи сужали ими другъ друга и замѣщивали одинъ у другаго обряды и церемоніи. Но выходя изъ церкви, они бѣжали въ синагогу подѣ тѣмъ предлогомъ, что тамъ остаются еще книги закона. Въ день январскихъ календъ они предавались всѣмъ возможнымъ удовольствіямъ, въ надеждѣ, что начавшійся годъ весело и продлится. Отношеніе между полами подчинено было гражданскому закону, но законъ терпѣлъ наложничество. Роскошь одеждъ, мебели, пировъ была доведена до крайности. Страсть къ театру, забавы цирка, бѣги на извѣстныхъ колесницахъ были развиты въ такой почти степени, въ какой мы видимъ это также и Константинополѣ. Но этотъ народъ, бездѣятельный, жадный до удовольствій, при поврежденіи своихъ нравовъ, отличался въ тоже время наивностію, которая обезоруживала всякую критику, — и страстнымъ удивленіемъ къ произведеніямъ ума и духа.

самыя серьезныя и строгія добродѣтели, презрѣніе къ скромности женщявъ и старости свидѣтельствовавая объ ихъ развращеніи. Сирійцы страстно любили зрѣлища: они истрачивали на публичныя заведенія значительную сумму городского дохода, и смотрѣли на великія забавы, театры и цирки, какъ на счастье и силу Антиохіи, (Гиббонъ Гл. 24).

Таковъ былъ всегдашній характеръ греческаго генія. Народъ страстно предавался общественнымъ удовольствіямъ, но съ энтузіазмомъ въ тоже время аплодировалъ тѣмъ живымъ рельефнымъ картинамъ, въ которыхъ Златоустъ рисовалъ его пороки. Онъ любилъ прекрасное, но, къ несчастію, не умѣлъ отличить его отъ добраго. Съ живымъ воображеніемъ, съ душою открытою для всѣхъ впечатлѣній, онъ скоро понималъ, скоро убѣждался и скоро также возвращался къ старымъ привычкамъ. Когда запальчивый проповѣдникъ начиналъ громить пороки легкомысленнаго народа и смущать его сильными порывами своего краснорѣчія, онъ спокойно отвращался отъ него и оставлялъ раздосадованнаго оратора одного проповѣдовать въ безлюдной церкви. Онъ требовалъ отъ проповѣдника той благоразумной снисходительности, которая не исключаетъ и справедливости. Желаящій ему нравится, дѣйствовать на его слухъ и убѣжденіе, долженъ былъ, дѣйствуя противъ него, быть въ тоже время вмѣстѣ съ нимъ. Эти христіане хотѣли быть спасены, но не иначе, какъ извѣстнымъ образомъ: безъ пассива, мало по малу, такъ чтобы доставало времени отрѣшиться отъ привычекъ, долго любимыхъ ими. Они согласны были слѣдовать по указанному пути, но не хотѣли чтобы принуждали ихъ къ тому: они любили истину, но въ тоже время желали, чтобы она не представляла ничего непріятнаго; они не могли также допустить, чтобы добродѣтель являлась мрачною и суровою.

Предъ такими то слушателями проповѣдывалъ Златоустъ въ продолженіи одиннадцати лѣтъ. Вотъ въ этой то средѣ родилось то краснорѣчіе, понятія о которомъ ничто не можетъ дать въ настоящее время. Будучи вѣрнымъ отраженіемъ разлагавшагося общества, оно и теперь намъ кажется чѣмъ то страннымъ, беспорядочнымъ, болѣзненнымъ: въ немъ столько внезапныхъ восторговъ, столько непонятныхъ для насъ печал-

тей! Тамъ не найдете той свѣтлой и безиристрастной красоты, которая отличаетъ совершенныя произведенія; вдохновенное, питаемое происшествіями каждаго дня, нуждами каждаго часа, прихотями подвижной толпы, оно течетъ отрывисто, и быстрыми переходами отъ возвышеннаго къ обыкновенному, отъ страшнаго къ комическому, отъ тихаго къ бурному. Это—не сочиненіе празднаго ритора, незнающаго жизни и людей, который въ пышныхъ фразахъ развиваетъ одни общія и безполезныя мѣста: это вылившаяся изъ сердца картина эпохи, въ которую люди и событія управляются случаемъ и непостоянствомъ. Безпорядки въ гражданскомъ обществѣ, политикѣ, вѣрованіяхъ и нравахъ; шайбѣ междоусобная война, завтра нападеніе варваровъ; раздоры въ церкви, мучительная невѣстность будущаго, бѣдность, безпечность, въ которую люди впадаютъ столь легко, когда ихъ существованіе и благо находятся въ опасности, кака-то робость и роковое отчаяніе предъ лицомъ неизбежныхъ бѣдствій: вотъ тѣ времена, вотъ тѣ люди, между которыми возвышался голосъ христіанскаго оратора! Это общество, къ которому онъ идетъ преподавать божественныя наставленія, видитъ каждый день уменьшеніе своихъ членовъ; это такое время, когда города дѣлаются безлюдными, а пустыни наполняются народомъ. Безправственность, душевная усталость, неумѣренная жажда мира низвергаютъ въ пустыни цѣлѣя бездны несчастныхъ и очень слабыхъ для того, чтобы переносить тяжесть и суету обязанностей жизни общественной; остаются только тѣ правдиво-больше, которые стараются притупить свои чувства къ страданіямъ. Вотъ для этихъ-то Златоустъ оставилъ миръ единенія. Онъ хотѣлъ укрѣпить и утѣшать тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя.

Чтобы исполнить эту благодѣтельную миссію, ему необходимо было не случайно только проповѣдывать въ аудиториі дворца или въ церкви, куда любопытство привлекало сегодня

одну толпу праздныхъ, а завтра— другую толпу, руководящуюся капризомъ моды и фантазіи, и не слушающую болѣе раза проповѣдника, котораго она не знаетъ и который самъ ее не знаетъ. Ему необходимо было имѣть тѣсное общеніе со всѣми этими людьми, говорить съ ними каждый день, знать имена ихъ, привычки, тайныя наклонности и слабости сердца. Ему надобно было по выходѣ изъ храма слѣдить за ними и въ частной жизни, знать, что дѣлаютъ они до прихода въ церковь, и что дѣлаютъ по выходѣ изъ нея, и— тогда, когда не приходятъ сюда; словомъ, онъ не долженъ былъ терять ихъ изъ виду ни на минуту; и все это нужно было дѣлать такъ, чтобы упорная наблюдательность его любви не могла никого оскорбить, или показаться чѣмъ то въ родѣ ироніи. Наконецъ, ему необходимо было, чтобы вся эта толпа и особенно бѣдняки, которымъ никто не сочувствовалъ, почувствовали себя глубоко-любимыми, и пожелали вѣрится этому человѣку, принявшему на себя заботу объ ихъ душахъ, чтобы они считали его добрымъ, искреннимъ, преданнымъ и видѣли въ немъ друга, отца и покровителя.

Эту обязанность покровителя слабыхъ Златоустъ исполнять до самопожертвованія своей жизни. Это онъ засвидѣтельствовалъ разъ въ Антиохіи, извѣстно съ какими успѣхами, по случаю возмущенія жителей противъ Θεодосія.

Я не буду рассказывать о различныхъ обстоятельствахъ этого извѣстнаго эпизода; о томъ слабомъ оскорбленіи ¹⁾ возбуждившемъ мысль о жестокомъ мщеніи въ императорѣ, и намѣреніи всецѣло уничтожить городъ и его жителей. Какая была роль Златоуста въ этомъ обстоятельствѣ?

Простой священникъ не имѣлъ иной силы, кромѣ силы слова: и сила исторіи сохранила память объ этомъ неважномъ воз-

¹⁾ Народъ испровергъ статую Флавиана, матери бѣдныхъ и больныхъ, въ которыхъ она ходила сама лично. (См. Θεодор. кн. 5, гл. 28).

мущенин, то этимъ обязано оно единственно краснорѣчію Златоуста, которое спасло его отъ забвенія. Рѣчь Флавіана— вот и все, что осталось отъ происшествія, которое было страшнымъ предвѣстникомъ ужаснаго опустошенія Фессалоникъ. Въ тѣхъ бѣдствіяхъ роль Церкви была удивительна. Она одна могла противодѣйствовать осуществленію жестокихъ намѣреній деспотовъ. Ея счастливое вліяніе не только могло обезоружить Θεодосія, но оно проводило даже въ варварское законодательство духъ справедливости и гуманности, неизвѣстный тогда. Она одна спасла и Антиохію чрезъ великодушное посредничество своихъ пустынныхъ, чрезъ посольство Флавіана и краснорѣчіе Златоуста. Пустынники сходятъ съ горъ, являются въ городъ, преданный уже быстрымъ исполненіямъ императорскаго суда и не боятся удерживать исполнителей отъ дѣла крови. Одинъ изъ нихъ произнесъ такіа смѣлыя слова:

«Императорскія статуи испровергнуты, но онѣ тотъ часъ же могутъ быть и восстановлены. Ошибка можетъ быть также скоро поправлена, какъ и сдѣлана. Но если вы разрушите живой образъ Божій, можете ли вы когда нибудь исправить этотъ ущербъ? Можете ли вы воскресить тѣхъ, которые умерщвлены? Какъ вы заставите души ихъ войти въ тѣла, изъ которыхъ вы заставили ихъ выйти?» 1)

Этому мужественному посредничеству Златоустъ противопоставляетъ трусость философовъ, которые первые оставили городъ. «Гдѣ теперь эти мнимые философы, которые только по костюму похожи на философовъ, которые носятъ длинныя мантии и щеголяютъ своими длинными бородами, съ палками

---

¹⁾ Θεодоритъ (книг. 5 гл. 19) приписываетъ этому пустыннику, котораго звали Македоніемъ, слова болѣе смѣлыя: «друзья мои», говоритъ онъ, идите къ императору и скажите ему отъ моего имени: «ты императоръ, но ты же и человекъ».

въ правой рукѣ. Гдѣ тѣ презрѣнные циники, эти люди болѣе низкіе, чѣмъ собаки, подстерегающія кость на столѣ своего господина, — эти люди, которые думаютъ только объ удовлетвореніи своей чувственности».

«Пришла опасность. Они все оставили городъ, они убѣжали изъ него съ большою поспѣшностію, они пошли искать безопасности въ глубинѣ пещеръ».

Вотъ примѣръ того сильнаго краснорѣчія, тѣхъ энергическихъ и тяжеловѣсныхъ образовъ, которые такъ нравились народу! Послѣ этого ничего не стоило похвалить пустынниковъ: достаточно было противоположить ихъ мужество трусости философовъ, ясно представить пустоту тѣхъ нравственныхъ теорій, которыя обольщаютъ умъ, не проникая въ душу, и чрезъ это показать предъ глазами вѣрующихъ превосходство евангелія предъ всеми философскими системами.

Флавіанъ отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ предупредилъ начальство, снѣшившее довести Θεодосію о подробностяхъ бунта, какъ будто Самъ Богъ хотѣлъ, чтобы любовь скорѣе явилась, чѣмъ мщеніе. Допущенный къ императору, Флавіанъ пролилъ слезы, произнесъ нѣсколько тѣхъ простыхъ, но сильныхъ, словъ, которыя слышны бывають въ устахъ даже не краснорѣчивыхъ людей, если душа ихъ наполняется глубокимъ чувствомъ ¹⁾. Θεодосій простилъ ихъ, вспомянувъ о Христѣ, который съ высоты своего креста просилъ у Отца милосердія людямъ.

Какая же доля выпала Златоусту въ этомъ дѣлѣ спасенія? Пустынники смягчали суровость начальства; Флавіанъ укротилъ гнѣвъ императора; Златоустъ же, оставшись одинъ духовнымъ вождемъ Антиохіи, утѣшалъ и укрѣплялъ народъ. Этого мало:

¹⁾ Созоменъ (кн. 7. гл. 23) рассказываетъ, что Флавіанъ пѣлъ во время императорскаго обѣда стихи, въ которыхъ Антиохія выражаетъ отчаяніе и покаяніе.

онъ снасъ его отъ крайняго отчаянія. Неизвѣстно, куда страхъ увлекъ бы рабовъ, не могшихъ дать себѣ отчета въ своей прежней дерзости? Растерявшихся, готовыхъ уже бѣжать изъ города, Златоустъ привелъ въ церковь, за порогомъ которой кончается власть судей: онъ обратилъ къ Богу и мысли о спасеніи возмущенные умы. Мечальная помощь, скажутъ, слабое утѣшеніе, даже тѣхъ, которые съ часу на часъ ожидаютъ себѣ смертнаго приговора. Но могъ ли сдѣлать что нибудь иное проповѣдникъ? Хранить молчаніе, оставить своихъ согражданъ и братьевъ въ неисходной тоскѣ, — это было бы преступленіемъ. Онъ же остался съ ними, поддерживалъ въ нихъ надежду, особенно напоминалъ имъ объ обязанностяхъ, забвеніе которыхъ было причиною ихъ преступленія. Онъ умѣлъ въ одно и тоже время утѣшать и исправлять. Не давая забывать, что смерть виситъ надъ ихъ головами, онъ убѣждалъ ихъ жить такъ, какъ будто они были безопасны на завтрашній день. Онъ вспоминалъ имъ при этомъ ужасы наказанія и награды раскаянія. Можетъ быть, такіа утѣшенія остались бы безплодными въ наше время по холодности вѣры или потому, что не легко встрѣчать Златоустовъ; но тогда они имѣли силу. Серьезность опасности, страхъ часто заставляють принимать неожиданные повороты: при видѣ смерти, религія всегда вступаетъ въ свои права; самые закоренѣлые невѣры и самые жестокіе преступники смягчаются и измѣняются.

Таковы были антиохійскіе христіане. Миновала опасность; они, безъ сомнѣнія, сдѣлались тѣмъ же, чѣмъ были прежде. Но при этомъ все таки очень почтенна роль того, кто, хотя на нѣсколько дней, измѣняетъ толпу, обыкновенно такъ легкомысленную и такъ равнодушную къ дѣламъ спасенія!

Итакъ Антиохія была пощажена, т. е., неразрушена. Ей возвратили ея титула, привилегіи митрополи, ея годовыя раздачи хлѣба. Ея театры и цирки были открыты снова. А

сколько гражданъ было заключено въ темницы, сколько лишено своихъ имуществъ, сколько перемучено и даже предано смерти? Императорская милость предварена была страхомъ и казнями; она явилась, когда казни уже какъ бы истоцились.

Нѣтъ ли въ бесѣдахъ Златоуста, произнесенныхъ имъ въ это время въ Антиохіи, — смѣлыхъ выраженій или хоть одного рѣзкаго намёка противъ людей власти и вельможъ двора, склонныхъ мстить и за мелочи и при томъ такимъ страшнымъ образомъ? Въ простомъ священникѣ нельзя ли видѣть уже безстрашнаго противника Евтропія, Гайна и Аркадія? Нѣтъ! Антиохія была виновна, императоръ находится въ отсутствіи, народъ былъ въ смущеніи. Златоустъ не могъ ни о чемъ болѣе говорить своимъ слушателямъ, какъ только объ ихъ опасеніяхъ, надеждахъ и обязанностяхъ. Но воспоминавая объ этомъ страшномъ кризисѣ, онъ осуждалъ слишкомъ суровыя угрозы Θεодосія и не могъ безъ волненія представлять отчаянія антиохійскихъ гражданъ, ждавшихъ себѣ казни и смерти отъ раздраженной воли обиженного властителя.

Славная рѣчь Флавіана къ Θεодосію сочинена была Златоустомъ. Это замѣчательный памятникъ краснорѣчія того времени: бесѣда на Евтропія гораздо ниже ея. Эта рѣчь изъ малого числа тѣхъ, которыя были имъ написаны, или, по крайней мѣрѣ, составлены прежде, нежели произнесены. Важность обстоятельствъ, величіе предмета дали слогу ту ровную возвышенность, тотъ строй и складъ мыслей и чувствъ, какихъ не найдемъ ни въ одномъ изъ его сочиненій. Здѣсь онъ припоминалъ нѣчто изъ своихъ школьныхъ лекцій, и не побоялся призвать искусство на помощь религіи: въ немъ христіанство соединялось съ высокимъ образованіемъ. Счастливая гармонія, очень рѣдкая у св. Отцевъ, которые по большей части искусство приносятъ въ жертву пользѣ и не иначе считаютъ себя истинными христіанами, какъ только въ то время, когда говорятъ

безъ всякаго искусства. Очень интересно сдѣлать сближеніе между этою рѣчью Златоуста и подобнымъ словомъ Ливанія. Зосима приписываетъ слову Софиста счастье Антиохіи. Мы сомнѣваемся въ этомъ, не унижая, впрочемъ, добраго поступка Ливанія. Для иеусусной рѣчи недостаточно однихъ добрыхъ чувствъ: къ «*vir bonus*» нужно присоединять «*diciendi peritus*». Конечно, славный софистъ умѣлъ говорить, но при этомъ случаѣ онъ говоритъ, такъ сказать, ложно. Его рѣчь могла бы очаровать Юліана; но она должна была показаться холодною и маловажною для Θεодосія, государя христіанскаго. Въ это время всякая истина, даже истина ораторская, была истиною христіанскою. Новая религія, не измѣняя коренныхъ началъ науки, совершенно измѣнила доказательства ея, всегда измѣняющіяся вмѣстѣ съ людьми. Рѣчь Ливанія есть рядъ анахронизмовъ и сборъ пеловкихъ оборотовъ: это длинная и очень длинная просительная рѣчь съ полнымъ количествомъ всѣхъ риторическихъ дѣлений: приступа, предложенія, повѣствованія, утвержденія и т. д. Образцемъ этихъ пеловкихъ приемовъ можетъ служить повѣствованіе. Наминать раздраженному государю объ оскорбленіяхъ, ему нанесенныхъ, анализировать и описывать ихъ, чтобы потомъ какъ нибудь смягчить ихъ: какое незнаніе сердца челоѣческаго и особенно сердца царева! Съ какимъ гораздо большимъ искусствомъ поступаетъ Златоустъ, признавая и даже преувеличивая преступленія антиохійцевъ, чтобы достигнуть чрезъ это ничего инаго, какъ только состраданія. Греческій риторъ разбираетъ и приводитъ доказательства. Христіанскій ораторъ прямо касается сердца и, возбуждая слезы, вызываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прощеніе.

Возмущеніе антиохійцевъ случилось на 2-мъ году священства Златоуста. Это единственно-замѣчательное событіе, свидѣтелемъ котораго былъ онъ въ своемъ родномъ городѣ. Слѣдующія затѣмъ девять лѣтъ до его вступленія на констан-

типопольскую кафедру были посвящены имъ исключительно проповѣдничеству.

II. Златоустъ въ Константинополѣ (397—407).

I. Златоустъ никогда не хотѣлъ оставлять Антиохіи. Въ одномъ изъ тѣхъ порывовъ иѣжности, которымъ такъ часто онъ предавался, онъ объявилъ, что желалъ бы и жить и умереть среди жителей роднаго города. Это желаніе его не исполнилось. По смерти Нелтарія, сдѣлалась праздною константинопольская кафедра. Златоустъ былъ призванъ на нее, или лучше и вѣрнѣе, его заставили хитростію принять ее.

Тогда всемогущій Евтропій зналъ Златоуста, видѣвши его во время путешествія своего по востоку, и, надѣясь, безъ сомнѣнія, найти въ простомъ священникѣ, котораго думалъ осчастливить, послушное себѣ орудіе, онъ убѣдилъ Аркадія взять его. Златоустъ былъ внезапно схваченъ и привезенъ въ Константинополь. Но Евтропій и Аркадій ошиблись въ немъ: они не знали вполнѣ Златоуста, и самъ онъ не зналъ ни двора, ни византійскаго императора, ни нравовъ и состоянія духовенства, болѣе заботящагося объ угожденіи властямъ, чѣмъ о сохраненіи собственнаго достоинства и независимости. Не такого архіепископа хотѣли эти священники. Этотъ чужеземецъ, человекъ изсушенный строгою жизнію, такъ бѣдный и вмѣстѣ независимый, этотъ христіанинъ такой смиренный, что обманомъ нужно было возвести его на константинопольскую кафедру, былъ совершенно не похожъ на тамошнихъ епископовъ, свѣтскихъ и честолюбивыхъ, которые сами искали доставшейся ему почести, и для достиженія ея считали всѣ средства позволёнными. «Можно было видѣть въ то время, говорить Палладій, цѣлую толпу претендентовъ на это достоинство, о которыхъ даже никто и не думалъ, — людей, недостойныхъ названія людей, имѣющихъ титуло священства, но недостойныхъ

священства; одни осаждали переднія двора, другіе сорили золотомъ, третьи готовы просить на колѣняхъ благосклонности народа; но народъ, возмущенный ихъ низостями, усердно просилъ императора избрать пастыря, достойнаго своего сана.

Такимъ образомъ императору принадлежало право назначенія на епископскія каѳедры, покрайней мѣрѣ, важнѣйшія изъ нихъ. Удаленіе принципа народнаго избранія ввело въ Церковь интриги и подкупы; скоро духовенство потеряло вмѣстѣ съ своею независимостію и часть своего нравственнаго авторитета, и все больше удалялось отъ народа, котораго оно должно было быть представителемъ и въ случаѣ нужды защитникомъ, — удалялось для того, чтобы приблизиться къ царю, которому такъ льстило и рабоблгостовало. Раздѣленія двухъ властей на востокѣ никогда не существовало ни въ принципѣ, ни на дѣлѣ. Въ этой странѣ, управлявшейся прежде деспотически, демократическая энергія христіанской религіи, такъ сильная въ первые вѣка христіанства, не успѣла искоренить вѣковыхъ привычекъ зависимости и плачевнаго смѣшенія земныхъ вещей съ небесными. Константинъ, его дѣти, Θεодосій управляли Церковію такъ же самоуправно, какъ и имперією: церковь очень часто сама должна была просить ихъ посредничества. И вотъ за намѣреніе разорвать эту неблаговидную связь рабоблгной Церкви съ государствомъ, духовенства съ дворомъ и уничтожить происходящіе отсюда беспорядки, Златоустъ умеръ въ ссылкѣ. Духъ деспотизма и рабства соединились для ниспроверженія препятствія, которое пыталось разъединить ихъ. Болѣе ненавидѣли и болѣе старались очернить Златоуста подвѣдомые ему духовные и довольно-значительное число монаховъ. При первомъ преслѣдованіи его почти все духовенство приняло сторону его враговъ.

Архіепископъ Нектарій, которому преемствовалъ Златоустъ, возведенъ былъ на епископскую каѳедру Θεодосіемъ. Это

былъ старикъ, принадлежащій къ числу сенаторовъ и неимѣющій никакого другаго достоинства, кромѣ своего сана. Его крестили единственно для того, чтобы сдѣлать еписколомъ. Такимъ преемникомъ Θεодосіи замѣстилъ Григорія Назіанзина. Этотъ великій человекъ, при своемъ строгомъ характерѣ и при своей твердой несокрушимой вѣрѣ, умѣлъ возвысить православіе и тѣмъ возбудить утихшій было въ Церкви раздоръ между аріанами и православными. Императоръ отставилъ его. Нестарій, избранный для водворенія мира въ церкви константинопольской, былъ вполне вѣренъ своей роли, которую онъ исполнялъ шестнадцать лѣтъ для удовольствія царя, если не для назиданія христіанъ. Когда онъ умеръ, миръ царствовалъ въ Церкви. Аріанство и многобожіе были почти подавлены. Оцѣны Θεодосіи скоро рѣшили дѣло. Этотъ суровый воинъ внесъ въ дѣло вѣры ту энергическую рѣшительность, съ какою онъ выступалъ, какъ противъ собственныхъ враговъ, — такъ и враговъ Церкви ¹⁾. Жаръ богословскихъ преній значительно охладѣлъ. Проходило уже то время, когда булочникъ на вопросъ о цѣнѣ хлѣба отвѣчалъ цѣлою тирадою «о сотворенномъ и несотворенномъ» или же «о превосходствѣ уности Отца надъ уностію Сына». Такимъ образомъ, если преемнику

¹⁾ Вотъ одинъ изъ его указовъ: наше доброе желаніе, чтобы всѣ народы, управляемые нашею милостію и благоразуміемъ, исповѣдывали св. вѣру, которой ап. Петръ училъ Римлянъ и которой тщательно сохраненныя преданія проповѣдуются теперь преосвященнымъ Дамасомъ и Петромъ антиохійскимъ — епископомъ апостольской святости. Согласно ученію апостоловъ и евангелія, мы должны вѣрить въ одно божество Отца, Сына и св. Духа, совершенно равнаго достоинства и св. Троицу. Мы уполномочиваемъ учениковъ такого ученія называться вселенскими, православными. И такъ какъ мы полагаемъ, что всѣ другіе слѣдя и неразумны, то клеймимъ ихъ ненавистнымъ именемъ еретиковъ и запрещаемъ собраніямъ ихъ называться церквами. Независимо отъ Божіаго суда, они должны терпѣливо сносить и тѣ наказанія, которыя опредѣлитъ имъ наша власть, руководимая небесною мудростію. (Кодек. Θεод. т. XVI, зак. 2). По Губб. гл. 27.

Нектаріи можно было встрѣтить враговъ, то въ церкви православной. Ему нечего было опасаться того, чего могъ опасаться Григорій Назіанзинъ, видѣвшій силу Аріанъ при вступленіи на константинопольскую кафедру. Но злыя страсти, грасидіи за самихъ себя, всегда стараются скрыть себя подъ благовиднымъ покровомъ; потому и епископы востока вооружались на Златоуста во имя цѣлости и неповрежденности вѣры. Они обвинили его въ оригенизмъ и подложили благовидную священную основу ненависти императора. Но намъ нужно оставаться въ сторонѣ это пустое обвиненіе и поискать настоящихъ причинъ неудовольствія и злобы, которыхъ не сильны были погасить ни ссылка, ни смерть.

Златоустъ былъ реформаторъ.

Онъ вмѣшивался въ политическія событія своего времени, оказывалъ Аркадію не малыя услуги, которыхъ трусость и неблагодарность никогда не прощаютъ.

Онъ энергически боролся противъ пороковъ, развращенности и развожь, двора и императрицы.

Въ своихъ дѣлахъ, какъ и словахъ, онъ часто былъ суровъ, безпощадно строгъ и неумѣренъ. Подобно тѣмъ медикамъ, съ которыми онъ такъ часто сравнивалъ себя, онъ зналъ одно сильныя лекарства: онъ прямо отрѣзалъ тѣ больныя члены, которые, при большемъ терпѣніи и умѣренности, онъ могъ бы сохрѣвать и излечить.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КЛИРА.

2. Зло было велико. Блаженный Иеронимъ горько оплакиваетъ пороки римскаго духовенства и особенно его жадность. Въ Константинополѣ распущенность его была еще въ большихъ размѣрахъ. Близкія отношенія ко двору, удовольствія столицы, благосклонность правительства, богатства церквей, легкость нравовъ, свойственная востоку и наконецъ слабое пра-

вленіе Нектарія, все это чрезвычайно ослабило нравы и дисциплину духовенства. Необходимость реформы была очевидна. Но сколько препятствій долженъ былъ встрѣтить преобразователь! Сколько ненависти могло скопиться противъ него!

Люди, отказавшіеся отъ свѣта и потомъ вновь приставшіе къ нему, обыкновенно увлекались или любовію къ женщинамъ или страстію къ богатству. Вотъ два подводныхъ камня, о которые въ то время разбивались самыя твердыя намѣренія и самое надежное благочестіе. Общественное злословіе съ жадностію хватается за самыя ничтожныя поводы къ подозрѣнію, и духовное лице, хотя бы невинное, по возбуждившее худше толки о себѣ никогда не оправдается предъ нимъ. Но въ константинопольское духовенство вралось злоупотребленіе особаго рода: и его нравственный авторитетъ былъ очень ослабленъ. Извѣстно, съ какою заботливостію Церковь наблюдала за невинностію дѣвъ и чистотою вдовъ. Въ тѣхъ пріютахъ, которые она открывала имъ, царствовали порядокъ самый совершеннѣйшій, скромность и какъ бы особая атмосфера чистоты и внутренней сосредоточенности, сохранявшая для Бога, какъ тѣхъ, которыя бѣжали отъ міра, гдѣ онѣ видѣли себя одинокими, такъ и тѣхъ, которыя не хотѣли знать его, боясь пристраститься къ нему. Такія общества, многочисленныя вначалѣ, мало по малу стали сокращаться: онѣ наполнялись почти однѣми вдовами и бѣдными дѣвками. Принадлежавшія къ богатымъ фамиліямъ и владѣвшія значительнымъ имуществомъ жили въ мірѣ и, вполнѣ наслаждаясь удовольствіями и почестями, доступными имъ по ихъ состоянію, увольнялись отъ подвиговъ самоумерщвленія и скуки монастырской жизни ¹⁾. Но весьма часто одинъ только

¹⁾ Въ то время извѣстны были два рода монахинь: однѣ жили обществами въ монастыряхъ подъ надзоромъ старейцы, которая называлась игуменьей; другія жили часто въ домахъ своихъ родителей, гдѣ онѣ служили Богу также, какъ

признакъ указывалъ ихъ званіе, именно тотъ, что при нихъ жило духовное лицо; и это было соблазномъ. Какова, въ самомъ дѣлѣ, была роль этого челоуѣка въ домѣ молодой дѣвицы, богатой, всецѣло занятой удовольствіями, туалетомъ, и преданной обычаямъ свѣта. Изъ тѣхъ, которыя были бѣднѣе, но не хотѣли идти въ монастырь, большая часть находила пристанище въ домахъ духовныхъ лицъ, и ихъ называли «духовными сестрами».

Соблазнъ былъ сугубый: дѣвицы и духовные не были вѣрны правиламъ дисциплины. Златоустъ старался прекратить эти безпорядки. «Большая часть духовенства, говоритъ Палладій, была заражена этимъ ядомъ и страдала этою горячкою, и съ терпѣніемъ выслушивала бесѣды святаго.» Ничто не останавливало его. Онъ не ограничился тѣмъ, что запретилъ духовнымъ имѣть эти двумысленныя сношенія: онъ издалъ въ свѣтъ объ этомъ предметѣ два небольшіе трактата, я могу сказать, два славныя произведенія, истинно образцовыя по духу, силѣ, чувству и краснорѣчію. Случается иногда встрѣчать въ пустынникѣ, какъ блаженный Іеронимъ, удалившемся отъ бури страстей и свѣта, такое глубокое знаніе души, такой тонкій и проницательный анализъ чувствъ, которыя по своей текучей и неуловимой природѣ, какъ будто ускользаютъ отъ всякаго наблюденія. Мы позволяемъ сдѣлать краткій анализъ одного изъ этихъ двухъ трактатовъ. Мы хотимъ показать въ новомъ видѣ геній Златоуста, такъ гибкій и такъ легкій. Мы встрѣтимъ здѣсь не столько блестящаго оратора, сколько многословнаго,

---

и жившаго въ монастыряхъ. Знатныя имѣли при себѣ другихъ дѣвъ обязанныхъ служить и сопутствовать имъ, когда онѣ являлись въ публикѣ. Невидно, чтобы онѣ обязывались отказываться отъ своего имущества и давать обѣтъ нищеты, подобно тому, какъ онѣ отказывались отъ брака, по обѣту цѣломудрія; ибо онѣ давали обѣтъ предъ алтаремъ, въ присутствіи епископа, во время совершенія св. Таинства.

не слишкомъ слѣдующаго за порядкомъ мыслей декламатора. Это моралистъ тонкій, деликатный, глубокій, болѣе похожій на Лабруйера, чѣмъ на Бурдалу.

Авторъ начинаетъ изслѣдованіе съ того, «въ какихъ случаяхъ можно жить вмѣстѣ съ женщинами?» Онъ находитъ ихъ два: бракъ и прелюбодѣянiе. «Но съ недавняго времени, присовокупляетъ онъ, явился третій случай. Люди имѣютъ при себѣ дѣвицъ, которымъ они ни сурруги, ни любовники. За чѣмъ они держатъ ихъ при себѣ? На это, говорятъ, есть много резоновъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ!»

«Общество женщинъ, независимо отъ всякаго законнаго или незаконнаго сожителства, имѣетъ за собою большую прiятность».

«Если бы было не такъ, то духовные изъ за чего бы подвергали себя подозрѣнію и худымъ толкамъ? Да, это обращеніе съ женщинами имѣетъ за собою прiятность болѣе живую и болѣе заманчивую, чѣмъ даже самый бракъ. Въ бракѣ чувства скоро успокоиваются и насыщаются, но любовь, внушаемая дѣвицею, увлекаетъ, но не насыщаетъ: она постоянно разгарается и дѣлается болѣе и болѣе живою.

«Нужно вообразить картину горькаго состоянiя этихъ несчастныхъ. Они уподобляются голодному человѣку, который имѣетъ предъ глазами великолѣпный, роскошный обѣдъ, но не смѣетъ прикоснуться къ нему. Этого вида сильнѣе заставляеть чувствовать мученіе голода. Тоже самое бываетъ и съ этими духовными. Видѣть всегда то, къ чему нельзя прикоснуться, или касаться того, чѣмъ нельзя владѣть,—это страшная мука! Желаніе разгорается постоянно сильнѣе и сильнѣе. За чѣмъ они ищутъ такихъ мучительныхъ испытанiй? Это признакъ того, что ихъ болѣзнь дошла до крайности».

«Но, говорятъ, въ нихъ не возбуждаются пожеланiя». «Вотъ счастливые люди», отвѣчаетъ Златоустъ, «съ своей стороны я

очень желалъ бы владѣть такою силою. Можно вѣрить, что есть и такіе люди; но я, желалъ бы убѣдиться въ томъ, чтобы молодой человекъ во всемъ цвѣтѣ лѣтъ, живущій съ молодою дѣвицею, сидящій съ нею, раздѣляющій съ нею столъ, каждый день обращающійся съ нею, (я не говорю уже о прочемъ: эти постоянные смѣхи и восторженная веселость, слова, полная нѣги, и всѣ другія увлеченія, о которыхъ совѣстно говорить), чтобы живя, говорю я, въ одномъ и томъ же домѣ, сидя съ нею за однимъ столомъ, разговаривая совершенно свободно, — онъ не испытывалъ того, что испытываетъ человекъ; чтобы онъ всегда былъ чистъ отъ худыхъ пожеланій и не чувствовалъ никакой страсти: вотъ въ чемъ я хотѣлъ бы убѣдиться! Но нельзя въ этомъ убѣдить. Пусть же охуждаютъ меня и называютъ безстыднымъ!»!

«Тутъ еще нѣтъ зла; тутъ только соблазнъ».

Но за чѣмъ жить съ дѣвою? Нѣтъ иной причины этому сожитію кромѣ любви и пожеланія. По Златоусту, и въ самомъ дѣлѣ, невозможно, чтобы человекъ рѣшился имѣть общеніе съ женщиною, существомъ ничтожнымъ, опаснымъ, презрѣннымъ, если не по увлеченію страсти. Печальный языкъ въ устахъ сына такой матери! Но не забудемъ, что мы имѣемъ дѣло съ востокъ, и время эманципаціи женщины въ обществѣ тогда еще не наступало.

«Но эти дѣвы», отвѣчали духовные, имѣютъ нужду въ защитникѣ, опекунѣ, правителѣ, словомъ ходатаѣ».

«Извиненіе, отъ котораго должно краснѣть», восклицаетъ Златоустъ. Какъ! Духовные дѣлаются управителями, ходатаями женщинъ?»

«Это значитъ то, что они имѣютъ репутацію людей корыстолюбивыхъ, льстецовъ, паразитовъ, рабовъ женщинъ». Възъ заботы, достойныя христіанина!

«Какъ же вы рѣшастесь на лишеніе и бѣдность, вы, которые стараетесь о богатствѣ дѣвицы, которое она сама должна презирать?»

«Но она бѣдна, говорите вы, «я ей помогаю». Ты, заботясь о ея тѣлѣ, губишь ея душу». «Прекрасная любовь! И сверхъ того, нѣтъ ли бѣдныхъ мужескаго пола? Почему бы тебѣ не собрать ихъ? Но вамъ пужны женщины. Есть и женщины старыя, слабыя, слѣпыя. Ваша любовь имѣла бы болѣе цѣны и достоинства».

«Но этихъ старыхъ женщинъ вы не захотите видѣть и во снѣ: вы всюду ловите тѣхъ, которыя красивы и молоды».

«Вы говорите: мнѣ нужна женщина для управленія моимъ домомъ. Почему? Развѣ у васъ есть толпа молодыхъ варваровъ-невольниковъ, которыхъ вы обязаны образовать? Или вы имѣете обширное хозяйство, много одежды, которую нужно хранить въ порядкѣ? Или даете вы большіе щиры? Или дѣлаете большіе расходы? Нѣтъ! Она уберетъ мою постель, позаботится о платьѣ, зажжетъ мнѣ огонь. Но развѣ не можеть сдѣлать для тебя всего этого какойнибудь братъ? Это было бы во первыхъ болѣе экономно, и за тѣмъ болѣе прилично. Приходить къ вамъ, и находить въ передней женскія чулки, поясы, прялку, челнокъ для тканья, шпильки и проч.».

«Если она богата, то бываетъ иначе. Человѣкъ духовный находится среди толпы молодыхъ служанокъ. Онъ проводитъ время въ ссорѣ съ ними, онъ идетъ къ мастеру золотыхъ дѣлъ съ женскими драгоценностями, онъ идетъ спросить его: готово ли зеркало для его госпожи, оправленъ ли сосудъ для благовопія, конченъ ли футляръ для перстня? Ибо туалетъ дѣвъ теперь изысканнѣе туалета свѣтскихъ дамъ. Отсюда идетъ къ продавцу духовъ, чтобы купить ихъ для пса. Часто въ угоду своей госпожи, онъ не откажется обидить бѣдняка, встрѣчающагося ему на дорогѣ. Отъ продавца духовъ идетъ къ про-

давцу ковровъ и матерій. Женщины, въ самомъ дѣлѣ, не она-саются господствовать надъ этими бѣдняками: они очень покорны, болѣе другихъ рабовъ готовы повиноваться. — Онъ бѣгаетъ изъ лавки въ лавку часто до самой ночи, не принимая пищи».

«А за тѣмъ слѣдуютъ ссоры съ другими слугами. Они окольными путями распускаютъ о нихъ клевету, не имѣя возможности мстить имъ иначе».

«Такимъ образомъ они дѣлаются предметомъ худыхъ толковъ на площадяхъ, на улицахъ, въ лавкахъ и даже въ церкви».

«Какъ будто для того, чтобы всякое мѣсто видѣло и позоръ и постыдное рабство, они обнаруживаютъ его даже въ этомъ святомъ и страшномъ мѣстѣ: и тѣмъ, что достойно обвиненія, они тщеславятся вмѣсто того, чтобы стыдиться этого. Они берутъ этихъ дѣвъ у дверей церкви; исполняютъ должность свнуховъ, прочищаютъ имъ дорогу, отстраняя тѣхъ, кто заслоняетъ ее; и дѣлаютъ это съ видомъ тщеславія: они не краснѣютъ, но гордятся. Даже въ самую торжественную и страшную минуту совершенія св. таинства, можно видѣть, какъ они предлагаютъ имъ тысячи мелкихъ услугъ и тѣмъ навлекаютъ на себя тысячу обвиненій со стороны стороннихъ людей-наблюдателей».

«Изъ-за нихъ они не радѣютъ о божественной службѣ. Они ревнивы. Когда смотритъ кто либо на этихъ дѣвъ съ любопытствомъ, они тотъ часъ же готовы отягчить ему».

«Это постоянное обращеніе съ женщинами расслабляетъ, изнѣживааетъ и дѣлаетъ человѣка вѣтренимъ. О чемъ поговорить съ ними, если не о пустякахъ, въ которыхъ проходитъ вся жизнь ихъ? Такимъ образомъ сильный атлетъ, вооруженный для борьбы духовной, распоряжается вертенами, челюками, шерстію и пр. Такъ гибнутъ души: мушьяны и женщины становятся одинъ для другаго предметомъ осужденій: одни, прене-

брегая своимъ истиннымъ долгомъ, другіе, не думая больше ни о чемъ, какъ только о томъ, чтобы правиться, посвящая всѣ усилія для того, чтобы удержать при себѣ своихъ рабовъ».

Наконецъ, и это послѣдній, страшный ударъ Златоуста! «Если вы такимъ образомъ надѣетесь понравиться женщинамъ, то обманываетесь: онѣ презираютъ тѣхъ, кто дѣлается ихъ рабами, онѣ любятъ только тѣхъ, на кого онѣ смотрятъ, по отношенію къ себѣ, какъ на своихъ господъ».

Можно судить, какое дѣйствіе произвели эти открытія. Архіепископъ не боняся обнаруживать слабости и пороки всего духовенства. Краснорѣчивыя изображенія, подробности, поразительныя по своей мѣткости и смѣлости беззащитнаго слова, неумолимая пронія, логика все разбивающая, — какое сильное возбужденіе для несчастныхъ, усмсленныхъ ласками прислужничества! Быть преданнымъ публичному злословію не врагомъ, не еретикомъ, не свѣтскимъ человекомъ, завидующимъ ихъ вліянію на женщинъ, но своимъ духовнымъ вождемъ, человекомъ добродѣтели неукоризненной, видѣть себя принужденнымъ отстать отъ всѣхъ пріятностей такихъ оболстительныхъ отношеній и повиноваться, не смѣя поднять протеста: какая ненависть должна была скопиться въ ихъ сердцахъ! И это-то дѣлаетъ для насъ понятною двукратную ссылку и смерть Златоуста въ пустыни Арменіи!

Но корыстолюбіе болѣе, нежели любовь унижаетъ характеръ и порабощаетъ душу того, къмъ владѣетъ. Эта низкая страсть духовенства была самымъ надежнымъ помощникомъ власти императорской въ борьбѣ за вліяніе, которую она вела съ церковью. Дворъ ласками, наградами, пышностью своихъ шировъ, привлекалъ къ себѣ епископовъ и священниковъ, содѣйствіе которыхъ было ему необходимо для поддержанія своихъ видовъ и для оправданія неумѣренныхъ притязаній власти, которую одна церковь могла ограничить. Это безправ-

ственное угодничество, сопровождаемое унижительнымъ пагубитствомъ, унижало въ народѣ всякій нравственный авторитетъ священства. Какими глазами эти придворные ласкатели, обремененные званіемъ служителей Божіихъ, должны были смотрѣть на то, что восходить на константинопольскую каедру цезаря, который не захотѣлъ пользоваться родовымъ наследствомъ, который не занесивалъ благосклонности двора, отказывался отъ всякихъ приглашеній и даже не боялся, какъ увидимъ ниже, смѣло говорить увѣщанія императору и императрицѣ!

Кромѣ щедротъ двора, духовенство константинопольское находило значительныя суммы въ сокровищахъ церкви, которыя, не смотря на назначеніе ихъ для бѣдныхъ, были употребляемы цезарями и приставниками или на личныя нужды, или на бесплодную роскошь. Златоустъ возстановилъ законную экономію и, не обращая вниманія на мнимыя нужды своего духовенства, употребилъ все деньги на устройство госпиталя. Онъ отказался отъ части, принадлежащей ему изъ сокровищъ церкви, но, быть можетъ, онъ былъ несправедливъ, требуя и доблаго безкорыстія отъ другихъ. Знаменитая вдова Олимпіа удовлетворяла все мъ его нуждамъ. «Если что особенно сдѣлаю его ненавистнымъ въ глазахъ духовенства, говоритъ Тиллемонъ, то это совѣтъ его, данный Олимпіадѣ: сообразоваться въ раздаваніи своихъ богатствъ только съ нуждами просищихъ, но не съ ихъ корыстолюбіемъ». И неудивительно, что они, несмотря на злоупотребленіе щедростію св. вдовы, раздражались на него, давая ей совѣтъ, такъ мало удовлетворяющій ихъ жаждѣ.

Была еще въ Константинополѣ толпа монаховъ, которые оставляли пустыни для развлеченій города, вмѣшивались въ интриги между епископами и особенно умѣли извлекать свою пользу изъ набожности довѣрчивыхъ христіанъ. У Исидора Пелусіота и у Нила находятъ очень любопытныя замѣчанія о причинахъ, которыя побуждали этихъ монаховъ выходить изъ монастырей.

а также и о ихъ нравахъ. Большая часть изъ нихъ принимала пустынную жизнь единственно во избѣжаніе столь трудныхъ въ то время обязанностей общественной жизни. Они имѣли въ виду только выгоды званія, а не обязанности его: монашеское званіе было для нихъ промысломъ. Другіе же были пастухи или бѣлые рабы, лѣтвившіеся представляющеюся имъ въ монашествѣ бездѣятельною жизнію и сверхъ того, даровымъ почетомъ. Св. Ниль представляетъ ихъ «домогающимися приглашеній на обѣды богатыхъ, истинными паразитами, которые слѣдуютъ за богачами и вельможами въ публичныя мѣста, какъ рабы, и прочищаютъ имъ дорогу». «Это было, говоритъ онъ, тяжкое бремя для городовъ, по которымъ они проходили, какъ нищія, съ безстыдствомъ пристава въ проходящимъ. Возбуждая къ себѣ довѣріе лицемѣрными уловками, они всѣми способами старались завлечь ихъ въ свою пользу. Они были предметомъ всеобщаго презрѣнія: надъ ними насмѣхались на улицахъ.» И вотъ этихъ то лѣнтяевъ и бродягъ Златоустъ не боялся называть нищими, обманщиками, мошенниками, и обратно отсылалъ ихъ въ кельи.

Что касается до прочаго духовенства, то и его нравственное состояніе также было не отраднo. За двадцать пять лѣтъ до этого времени, Григорій Назіанзинъ самыми яркими красками описывалъ извѣженность и роскошь этихъ священниковъ, которыхъ развратили соседство и поврежденіе двора.

«Мнѣ вмѣняютъ», говоритъ онъ, «какъ бы въ преступленіе скудость моего стола, простоту моихъ одеждъ, мои открытія и нежеманныя манеры. Я не зналъ, что мнѣ нужно во всемъ этомъ соперничать съ префектами, консулами, военачальниками, много занятыми своимъ богатствомъ, между тѣмъ какъ мое богатство принадлежало бѣднымъ. Я не зналъ, что мнѣ нужно ѣздить на дорогихъ лошадяхъ, развалиясь въ изящныхъ экипажахъ, чтобы отъ меня всѣ сторонились, какъ отъ

двѣаго звѣря. Это, можетъ быть, ошибка съ моей стороны. Въ такомъ случаѣ извините мою слабость. Изберите себѣ другаго епископа, который больше правился бы толпѣ. А мнѣ уступите мою пустыню, мою одинокую жизнь, Бога, одного только Бога; да позволите еще быть при несчастныхъ».

Увеличивающееся благосостояніе церкви, явное покровительство императоровъ умножали въ ней одни пороки. Въ патомъ вѣѣ значеніе духовенства на востокѣ почти ослабѣло. Исидоръ Пелусіотъ горько оплакиваетъ его паденіе и изыскаетъ почти тѣми же самыми причинами.

«Ты удивляешься почтенію, которое оказывали священникамъ во времена отцевъ, между тѣмъ какъ теперь болѣе смѣлые открыто насмѣхаются надъ ними, а другіе спереди оказываютъ почтеніе, а сзади произносятъ хулу. Одни избѣгаютъ ихъ, другіе насмѣхаются надъ ними; всѣ же льстятъ, боясь сдѣлаться явными врагами. Я не удивляюсь этой переменѣ. Я болѣе удивлялся бы, если бы они, ни въ чемъ не походя на своихъ отцевъ, пользовались тѣмъ же уваженіемъ. Во времена отцевъ, императоры получали наставленія отъ священниковъ, а теперь они не могутъ сдѣлать выговора частному человѣку, если онъ богатъ. Тогда стадо боялось пастыря, теперь пастырь боится своего стада».

Исидоръ Пелусіотъ рассказываетъ еще, что «одинъ мирянинъ, желая пріобщиться св. Таинъ, когда увидѣлъ при алтарѣ епископа, извѣстнаго нехорошею жизнію, то въ смущеніи воротился назадъ».

Такимъ образомъ, эти пороки были уже развиты въ то время, когда Златоустъ положилъ испорчить ихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ побѣжденъ былъ въ этой борьбѣ, особенно если возьмемъ въ расчетъ рѣзкость его порицаній и непреклонность характера. Неспособный скрывать свои чувства

неумолимо-строгой въ своей критикѣ, онъ не побоялся выставить предъ народомъ развращеніе служителей церкви.

«Св. апостолъ Павелъ сказалъ, «что грѣшниковъ нужно обличать предъ лицомъ всего міра, но тѣ, которые должны это дѣлать, сами большы; а если не здорова голова, то не возможно, чтобы все тѣло чувствовало себя хорошо».

«Люди развращенные, полные пороковъ и безчестія, управляютъ церковію съ насиліемъ: и самыя святыя достоинства дѣлаются продажными должностями. Если кого либо обвиняли въ преступленіяхъ, то онъ не смѣшилъ доказать свою невинность, но старался принести соучастниковъ: и въ этомъ все его оправданіе».

Каждый день открывалъ новые безпорядки, вынуждалъ новыя мѣры строгости, возбуждалъ новыхъ враговъ противъ реформатора. Кто разъ вступилъ на путь съ рѣшимостію, тотъ не можетъ уже воротиться назадъ: встрѣчающіяся препятствія раздражаютъ его, поднимающаяся ненависть дѣлаетъ его упорнымъ. Это та открытая война, гдѣ не бросаютъ оружія ни побѣдители, ни побѣжденные. Златоустъ не имѣлъ нужды быть ободряемымъ въ дѣлѣ своего преобразования. Къ несчастію одинъ діаконъ, имъ рукоположенный, изъ побужденія ли злобы, или неразумной ревности, еще болѣе раздражилъ недовольные умы. Однажды, въ присутствіи всего духовенства, онъ сказалъ, возвысивъ голосъ: «ты никогда не справишься съ этимъ народомъ, если не поднимешь противъ него жезла». Это значило раздувать пожаръ.

Начался ропотъ. Недовольные сблизились и незамедлили составить заговоръ о гибели Златоуста. По мѣрѣ того, какъ возрастало число и увеличивалась ненависть его враговъ, народъ все тѣснѣе и тѣснѣе собирался вокругъ него, ободрялъ его выраженіемъ своей любви и готовъ былъ защищать его. Печальные исторіи этого времени, Сократъ и Созоменъ не

выразумѣли исполнѣ этого новаго положенія епископа, подверженнаго ненависти духовенства и двора, по поддерживаемого невѣжественною и преданною ему толпою.

«Онъ снискалъ любовь народа, говоритъ Созомень, смѣло обличая пороки, выражая такое негодование къ несправедливостямъ и насиліямъ, какъ будто онѣ причинены были лично ему самому. Такая свобода въ высшей степени правится малымъ и слабымъ: но она вооружаетъ противъ себя вельможъ двора, обыкновенно виновныхъ въ порокахъ, которые она обличаетъ».

«Рѣчи Златоуста приобрѣли ему любовь народа; за то свобода, которою онъ пользовался противъ вельможъ и духовенства возбудила противъ него ненависть. И, дѣйствительно, онъ не щадилъ ихъ: обличалъ однихъ, когда удалялись отъ своихъ должностей, и сильно ратовалъ противъ другихъ, когда они худо пользовались своимъ богатствомъ или предавались разврату».

Сократъ выражается почти также, съ тою однакожь особенностію, что въ его оцѣнкѣ реформъ, произведенныхъ Златоустомъ, видѣнъ отголосокъ тогдашнихъ порицаній.

«Когда онъ достигъ епископскаго сана, то употреблялъ слишкомъ великую строгость, чтобы преобразовать жизнь духовенства по своему плану, *такъ, какъ ему казалось лучше*».

Таково было константинопольское духовенство! Но не имѣла ли церковь болѣе достойныхъ представителей въ провинціяхъ?

Златоустъ узналъ, что въ Азіи было тринадцать симоніанъ между пастырями. Онъ лишилъ ихъ сана. Невольно удивляешься, когда находишь у историковъ сказанія о страшныхъ соблазнахъ, которыхъ такъ много было въ то время въ церкви. Какъ! Во времена Златоуста, Иеронима, Августина, на епископскихъ кафедрахъ сидѣли люди грубые и невѣжды, предав-

ные незлымъ суевѣріямъ, люди, жадные до серебра, съ безстыдствомъ дѣлающіе промыслъ изъ свящ. вещей и, однакожь, облеченные высоко нравственнымъ авторитетомъ? Такіе служители разрушили бы дѣло Божіе, если бы христіанство не было жизнью и спасеніемъ человѣчества. Вотъ нѣсколько примѣровъ!

Геронтій, епископъ Никомидіи, будучи еще діакономъ въ Миланѣ, взявъ ночью сатира, отрубилъ ему голову и бросилъ въ хлѣбную квашню. Наказанный строгимъ словомъ св. Амвросія, онъ удалился въ Константинополь: здѣсь было всеобщее пристанище. Хорошій медикъ, веселый говорунъ, искусный въ интригахъ, онъ успѣлъ получить санъ епископа Никомидіи отъ Гелладія кесарійскаго, сыну котораго онъ помогъ имѣть хорошес мѣсто. Св. Амвросій просилъ Нектарія, архіепископа константинопольскаго низвергнуть Геронтія, но его просьба не могла имѣть успѣха по причинѣ противодѣйствія этому жителей Никомидіи. Они хотѣли сохранить въ лицѣ этого епископа-искуснаго и очень услужливаго для себя медика. Златоустъ свергнулъ этого лѣбаря-епископа. Народъ неоднократно бунтовался. Были публичныя моленія и процессіи даже въ Константинополѣ.

Епископъ ефѣсскій ни въ чемъ не уступалъ епископу никомидійскому. Онъ обвиненъ былъ Евсеіемъ, епископомъ Валентинополя въ томъ, —

1) что онъ перелилъ священныя сосуды и серебро отдалъ своему сыну.

Большее число такихъ епископовъ, какъ видно, были женаты и охотно интересы церкви приносили въ жертву интересамъ своей фамиліи.

2) Что онъ имѣлъ въ своихъ баняхъ мраморы, похищенные изъ крещаленъ, а въ своей спальнѣ — колонны взятыя изъ церкви.

3) Что онъ имѣлъ раба, виновнаго въ убійствѣ.

4) Что онъ продавалъ въ свою пользу помѣстья, завѣщанная церкви Гиллою, матерію императора Юліана.

5) Что женился въ другой разъ и имѣлъ отъ этого брака дѣтей.

6) Что онъ за деньги посвящалъ въ епископа.

Златоустъ намѣревался идти въ Азію, чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ. Антонинъ, угрожаемый опасностію, обратился къ императорскому чиновнику, имѣніями котораго онъ управлялъ въ своей епархіи; этотъ просилъ Аркадія воспрепятствовать выѣзду архіепископа. Недовольствуясь отсрочкою суда, Антонинъ цѣною золота успѣлъ склонить Евсевія отречься отъ своихъ обвиненій. Процессъ однако начался: свидѣтели были спрошены. Но Антонинъ предъ концемъ слѣдствія умираетъ, избѣгая такимъ образомъ безчестнаго осужденія. Дѣйствительно, слѣдствіе было произведено: обвиненія, возводимыя на Антонина, были подтверждены ясными доказательствами. Евсевій не былъ клеветникомъ, но онъ все таки продалъ свое отреченіе. Но является другой случай, который дополняетъ картину этого наивнаго, такъ сказать, развращенія восточнаго общества. Епископы, получившіе свой санъ отъ Антонина, принуждены были сознаться въ симоніанствѣ, но они защищались тѣмъ, что они не знали, что подобныя промыслы священнымъ лицамъ запрещены, что желаніе ихъ быть епископами произошло отъ того, чтобы удалиться отъ общественныхъ должностей, и въ заключеніе они просили: если лишать ихъ епископства, то отдали бы деньги, которыя они употребили на покупку этого званія.

Всякіе коментаріи здѣсь излишни. Вотъ каковы были пастыри народа! Вотъ каковы были враги Златоуста! Но эти бѣдные провинціалы, которыхъ онъ самъ ставилъ ни во что, были мало опасны для него. Болѣе смѣлые и упорнѣйшіе его противники находились въ Константинополѣ, на театрѣ его

реформъ, между его духовными, вазорное поведеніе которыхъ онъ обнаруживалъ предъ народомъ.

Одинъ изъ раздраженнѣйшихъ враговъ Златоуста былъ Северіанъ, епископъ габальскій въ Келесиріи. Ненависть его была тѣмъ сильнѣе, что онъ прежде находился въ тѣсной дружбѣ съ Златоустомъ. Онъ поселился въ Константинополь съ цѣлію найти себѣ карьеру. Этотъ странствующій искатель епископства былъ что то въ родѣ еопіи извѣстнаго епископа птолемаидскаго, который за раболѣнное краснорѣчіе и гибкость характера понравился двору и искусно умѣлъ извлекать выгоду изъ того расположенія, какое умѣлъ возбудить. Северіанъ своею лицемѣрною добродѣтелію и строгостію началъ вкрадываться въ довѣріе Златоуста, между тѣмъ какъ его лизкая лесть предъ императоромъ и императрицею сподобила его сильную протекцію на случай, если его интриги и дожь будутъ изобличены. Обманутый имъ Златоустъ сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ, во время трехмѣсячнаго путешествія своего по Азіи. По возвращеніи, Златоустъ нашелъ Северіана всемогущимъ у императрицы, у которой онъ крестилъ сына ея Оеодосія и, сверхъ того, въ главѣ образовавшейся партіи духовныхъ. Цѣль этого союза была та, чтобы удалить Златоуста съ каеедры и замѣстить его Северіаномъ. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, заговоръ, о которомъ діаконъ Сераціонъ извѣстилъ своего епископа. Какъ бы то ни было, и, быть можетъ, не позаботившись внимательно разслѣдовать обвиненіе діакона, разгнѣванный Златоустъ изгналъ Северіана изъ Константинополя. «Народъ обрадовался этому», говоритъ онъ, «какъ бы оправдывая произволь и строгость мѣры». Но императрица тотъ часъ же призвала изгнанника. Не смотря, однакожь, на это, Златоустъ отказался видѣть его и имѣть съ нимъ общеніе. Но послѣ онъ уступилъ усердному ходатайству Евдоксіи: оба епископа примирились публично: и каждый изъ нихъ предложилъ по этому

4) Что онъ продавалъ въ свою пользу помѣстья, завѣщанныя церкви Гиллою, матерію императора Юліана.

5) Что женился въ другой разъ и имѣлъ отъ этого брака дѣтей.

6) Что онъ за деньги посвящалъ въ епископа.

Златоустъ намѣревался идти въ Азію, чтобы положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ. Антонинъ, угрожаемый опасностію, обратился къ императорскому чиновнику, имѣніями котораго онъ управлялъ въ своей епархіи; этотъ просилъ Аркадія воспрепятствовать выѣзду архіепископа. Недовольствуясь отсрочкою суда, Антонинъ цѣною золота успѣлъ склонить Евсевія отречься отъ своихъ обвиненій. Процессъ однако начался: свидѣтели были сиромеши. Но Антонинъ предъ концемъ слѣдствія умираетъ, избѣгая такимъ образомъ безчестнаго осужденія. Дѣйствительно, слѣдствіе было произведено: обвиненія, возводимыя на Антонина, были подтверждены ясными доказательствами. Евсевій не былъ клеветникомъ, но онъ все таки продалъ свое отреченіе. Но является другой случай, который пополняетъ картину этого наивнаго, такъ сказать, развращенія восточнаго общества. Епископы, получившіе свой санъ отъ Антонина, принуждены были сознаться въ симоніаствѣ, но они защищались тѣмъ, что они не знали, что подобныя промыслы священнымъ лицамъ запрещены, что желаніе ихъ быть епископами произошло отъ того, чтобы удалиться отъ общественныхъ должностей, и въ заключеніе они просили: если лишать ихъ епископства, то отдали бы деньги, которыя они употребили на покупку этого званія.

Всякіе коментаріи здѣсь излишни. Вотъ каковы были пастыри народа! Вотъ каковы были враги Златоуста! Но эти бѣдные провинціалы, которыхъ онъ самъ ставилъ ни во что, были мало опасны для него. Болѣе смѣлые и упорнѣйшіе его противники находились въ Константинополѣ; на театрѣ его

реформъ, между его духовными, вазорное поведеніе которыхъ онъ обнаруживалъ предъ народомъ.

Одинъ изъ раздраженнѣйшихъ враговъ Златоуста былъ Северіанъ, епископъ габальскій въ Келесиріи. Ненависть его была тѣмъ сильнѣе, что онъ прежде находился въ тѣсной дружбѣ съ Златоустомъ. Онъ поселился въ Константинополѣ съ цѣлію найдти себѣ карьеру. Этотъ странствующій искатель епископства былъ что то въ родѣ кошіи извѣстнаго епископа штолемаидскаго, который за раболѣнное краснорѣчіе и гибкость характера понавивался двору и искусно умѣлъ извлекать выгоду изъ того расположенія, какое умѣлъ возбудить. Северіанъ своєю лицемѣрною добродѣтелию и строгостию началъ вкрадываться въ довѣріе Златоуста, между тѣмъ какъ его низкая лестъ предъ императоромъ и императрицею свискивали ему сильную протекцію на случай, если его интриги и ложь будутъ изобличены. Обманутый имъ Златоустъ сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ, во время трехмѣсячнаго путешествія своего по Азіи. По возвращеніи, Златоустъ нашелъ Северіана всемогущимъ у императрицы, у которой онъ крестилъ сына ея Феодосія и, сверхъ того, въ главѣ образовавшейся партіи духовныхъ. Цѣль этого союза была та, чтобы удалить Златоуста съ каѳедры и замѣстить его Северіаномъ. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, заговоръ, о которомъ діаконъ Серапіонъ извѣстилъ своего епископа. Какъ бы то ни было, и, быть можетъ, не позаботившись внимательно разслѣдовать обвиненіе діакона, разгнѣванный Златоустъ изгналъ Северіана изъ Константинополя. «Народъ обрадовался этому», говоритъ онъ, «какъ бы оправдывая произволь и строгость мѣры». Но императрица тотъ часъ же призвала изгнанника. Не смотря, однакожь, на это, Златоустъ отказался видѣть его и имѣть съ нимъ общеніе. Но послѣ онъ уступилъ усердному ходатайству Евдоксін: оба епископа примирились публично: и каждый изъ нихъ предложилъ по этому

случаю по бесѣдѣ собранію вѣрующихъ. Сократъ, мало расположенный къ Златоусту, утверждаетъ, что они сохранили при этомъ въ глубинѣ своей души ненависть другъ къ другу. Поведеніе Северіана вполнѣ оправдываетъ это обвиненіе. Честный, но суровый характеръ Златоуста не вполнѣ также отвергаетъ его. Для извиненія его, если только оно нужно, можно указать на его ненависть ко всему ложному и порочному. Можно простить врагу, который обнаружилъ въ себѣ мелкую и не добрую душу ¹⁾, но нельзя его уважать болѣе.

Таково было духовенство константинопольское, или лучше, духовенство всего востока. Разрушеніе язычества, которое здѣсь совершалось быстро, чѣмъ на западѣ, обезпеченность, благо-

---

¹⁾ Златоустъ вѣроятно имѣлъ въ виду Северіана габальскаго, когда говорилъ: «что люди міра страдаютъ этою болѣзнію (ревностію), это печально, но все таки меньшее зло. Но если впадаютъ въ нее люди, удалившіеся отъ суеты міра, это болѣе достойно сожалѣнія. Я охотно молчалъ бы, еслибы мое молчаніе было полезно и уничтожало соблазнъ, но еслибы я молчалъ, то дѣла заговорили бы громче меня. Какъ? Несчастный, ты думаешь, что хорошо дѣлаешь, извращая дѣла твоего ближняго? Можетъ быть, это и твоѣ дѣла, которое ты уничтожишь. Посмотри на садовниковъ, земледѣльцевъ, какъ они соединяютъ свои усилія! Одинъ пахнетъ землю; другой садитъ, третій поливаетъ: всѣ имѣютъ одну цѣль—совершенство растеній. У насъ напротивъ: я насаждаю, другой трясетъ дерево, чтобы уничтожить его. Дозволь же расти корнямъ крѣпкимъ и сильнымъ. Остерегайся вредить моему дѣлу, чтобы не уничтожить съего: мое дѣло насаждать, твоѣ поливать. Но я вижу славу, говоришь ты, которую пользуется насаждающій. Безумный! И я и ты ничто: ни насаждай, ни полидай ничто: это все дѣло Божіе. На него ты вападаешь, исторгая то, что я насаждаю. Я менѣе боюсь внѣшней, нежели внутренней борьбы. Корни, можетъ быть, не пострадаютъ отъ вѣтра, если хорошо укрѣпить ихъ въ землѣ: подтачиваемые же внутреннимъ червемъ, они гибнутъ. Сколько же времени будемъ мы, подобно червямъ, подтачивать корни Церкви? Ибо подобныя мысли идутъ отъ земли, или лучше, гвль—ихъ мать. Сколько времени будемъ мы предаваться безразличнымъ ласкательствамъ женщинъ? Я вижу Церковь лежащую, подобно трупу: я вижу ее тѣло, глаза, руки, ноги, голову, но ни одинъ изъ этихъ членовъ не исполняетъ своего назначенія. Всѣ присутствующіе имѣютъ вѣру, но вѣру мертвую: огонь любви погасъ».

склонность императора, всеобщая легкость нравовъ, какъ бы усыпили героическую энергію воинствующаго христіанства, и ослабили строгія добродѣтели, возбужденныя гоненіями. Плоды побѣды унизили самую побѣду: а восточныя церкви, забывая свою независимость и древнюю строгую дисциплину, пренебрегали только въ томъ внутреннемъ, плачевномъ раздорѣ, который не давалъ имъ возможности съ прежнею энергіею продолжать свою цивилизаторскую дѣятельность, и потомъ удалилъ ихъ отъ главнаго русла исторической жизни, которымъ въ средніе вѣка заправляла церковь западная. Связь часто невидимая, но дѣйствительная соединяетъ одніе обстоятельства съ другими, которыя, кажется, не имѣютъ никакого прямого отношенія между собою. Извѣстно, что слабость и порча императорскаго правленія, медленное, но постоянно-прогрессивное разложеніе имперіи, соединенное съ разложеніемъ гражданскаго общества, имѣли важное и гибельное вліяніе на религиозное общество и духовенство. Римская имперія пала, но на развалинахъ ея явилось папство. Церковь возвысилась изъ развалинъ могущественнаго Рима. Посредствомъ Иларіевъ, Амвросіевъ, Августиновъ и этого собирательнаго гения ея папъ, она рано заняла мѣсто независимо отъ судьбы политическаго могущества, и преслѣдовала свое дѣло независимой организациі при всѣхъ катастрофахъ и при всѣхъ правленіяхъ. Имперія восточная не пала: и это было несчастіемъ для Церкви. Развалины имперіи освободили бы ее, варвары стали бы уважать ее: она была бы властію, выгодною для всѣхъ. Сильное потрясеніе было необходимо. Задушаемый вреднымъ вліяніемъ деспотизма, духъ христіанства, производившій нѣкогда Аванасіевъ, Василіевъ, Григоріевъ нисскихъ и назіанзинскихъ, — ослабѣлъ. Златоустъ былъ послѣдній великій человекъ, котораго произвела греческая Церковь. Послѣ него славно едвали не одно только имя—имя Фотія... Златоустъ не былъ политиче-

скимъ человѣкомъ: онъ не предвидѣлъ безпорядковъ, которые должны были слѣдовать за соединеніемъ Церкви съ имперіею; но его умъ, проникнутый принципами христіанства, его душа, сильная и независимая, сдѣлали изъ него представителя независимости и чистоты Церкви восточной. Ему не удалось покушенія на освобожденіе, но народъ, котораго инстинктъ такъ вѣренъ, котораго тѣснили и презирали императоръ и высшее духовенство, этотъ народъ припалъ его, какъ своего покровителя, поощрялъ его, аплодировалъ ему въ его дѣлѣ, защищалъ его, когда ему угрожали, не забывалъ его, когда насиліе изводило его съ каѳедры и, наконецъ, принудилъ сыновъ Аркадія и Евдоксіи поклониться предъ останками епископа-мученика и просить у него прощенія за увѣнчавшихъ гонителей.

О КНИГѢ ПРЕМУДРОСТИ СОЛОМОНОВОЙ.

(Опытъ историко-библиографическаго изслѣдованія).

(Продолженіе.)

При сужденіи о писателѣ и времени написанія книги Премудрости Соломоновой имѣеть важность то обстоятельство, что языкъ, на которомъ эта священная книга впервые стала быть извѣстною въ христіанской Церкви, былъ греческій, а не еврейскій, да и самый слогъ ея, по мнѣнію древнихъ и новыхъ филологовъ, несомнѣнно доказываетъ, что она первоначально написана была на греческомъ языкѣ. Мы должны заключить отсюда, что іудейскій писатель этой книги жилъ никакъ не ранѣе того времени, когда іудеи, вошедши въ близкое общеніе съ греками, на столько успѣли познакомиться съ ихъ языкомъ и полюбить изящную рѣчь ихъ, на сколько это необходимо для того, чтобы ученые ихъ, оставляя свое отечественное слово, стали писать на греческомъ языкѣ, то есть никакъ не прежде время Александръ Македонскаго. Предыдущія изслѣдованія и замѣчанія наши о характерѣ нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ представленій, данныхъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой, служатъ не маловажнымъ тому подтвержденіемъ. Ибо дѣйствительно, вникая пристально въ содержаніе и форму этой книги, и сравнивая ея съ другими книгами Ветхаго Завета, нельзя не замѣтить, что какъ слогъ ея отзывается сильнымъ вліяніемъ на ея писателя образцовъ греческаго витійства, такъ и на са-

мыхъ характеристическихъ представленіяхъ ея лежитъ печать міросозерпанія, развившагося въ іудейской церкви только въ послѣдніе три вѣка предъ христіанствомъ. Но такъ какъ еврейская церковно-богословская литература этого періода развивалась въ двухъ различныхъ пунктахъ—въ Палестинѣ и Египтѣ, и въ каждомъ изъ этихъ средоточій еврейскаго просвѣщенія имѣла свой особенный характеръ и направленіе, то здѣсь возникаетъ вопросъ, рѣшеніе котораго имѣетъ величайшую важность по отношенію ко всѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ нашимъ: къ какой же именно отрасли еврейской литературы этого періода относится книга Премудрости Соломоновой? Есть ли она произведеніе какого либо ученаго богослова изъ евреевъ палестинскихъ, или же—она есть памятникъ церковно-богословской литературной дѣятельности какого либо благочестиваго еврея египетско-александрійскаго? Но тотъ же самый фактъ, на основаніи котораго мы позволили себѣ сдѣлать рѣшительное заключеніе, что книга Премудрости Соломоновой могла быть написана никакъ не ранѣе третьяго вѣка до Р. Хр., если разсматривать его въ связи съ другими фактами, характеризующими внутренній ходъ и направленіе исторіи еврейскаго образованія, въ этомъ періодѣ, можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на этотъ вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ: книга Премудрости Соломоновой, какъ мы сказали, написана была первоначально на греческомъ языкѣ, и стало быть въ такое время, когда у еврейскихъ писателей не было недостатка ни въ знаніи греческаго языка, ни въ расположеніи писать на немъ сочиненія. Но исторія свидѣтельствуетъ, что близкое знакомство евреевъ съ греками и ихъ языкомъ началось только послѣ времени Александра Македонскаго, при его преемникахъ въ Сиріи и Египтѣ, и ревностное изученіе учеными ихъ греческой литературы, равно какъ и обычай писать свои сочиненія на греческомъ языкѣ, распространены были преимуще-

стменно (а быть может и исключительно) между евреями, жившими въ Египтѣ, которые, бывъ совершенно отдѣлены отъ средоточія своей народности и поставлены въ постоянныя, самыя близкія и разнообразныя сношенія съ господствовавшимъ въ Александріи греческимъ народонаселеніемъ, особенно послѣ того, какъ и самыя священныя книги ихъ, при Птолемеѣ Филаделъфѣ, переведены были съ еврейскаго языка на греческій и вошли во всеобщее употребленіе, мало по малу совершенно оставили свой отечественный языкъ и стали говорить и писать однимъ общеупотребительнымъ въ тогдашней Александріи языкомъ греческимъ. Итакъ, основываясь на этомъ историческомъ фактѣ, не должны ли мы съ вѣроятностію заключить, что еврейскій писатель книги Премудрости Соломоновой, жившій *несомнѣнно* послѣ времени Александра Македонскаго, по *всей вѣроятности*, принадлежалъ къ отрасли евреевъ *египетско-александрійскихъ*, а не палестинскихъ? Палестинскіе ученые евреи этого времени, сколько мы можемъ судить объ этомъ на основаніи различныхъ преданій, до насъ дошедшихъ, кажется, вовсе не имѣли обычая писать своихъ сочиненій не на отечественномъ языкѣ. Правда, въ началѣ своего знакомства съ греками, нѣкоторые и изъ палестинскихъ евреевъ, прельщенные блескомъ греческой образованности, обнаружили было живое стремленіе подражать греческимъ нравамъ и изучать греческій языкъ съ его литературою; но, произшедшій отъ этого упадокъ духа вѣры и народности, и послѣдовавшее за тѣмъ насильственное вторженіе языческихъ вѣрованій и обычаевъ, превратившееся наконецъ въ открытое преслѣдованіе всѣхъ элементовъ іудейской національности (при Антиохѣ Епифанѣ), скоро возбудили въ ревнителяхъ іудейскаго закона и національности такую сильную реакцію, перешедшую наконецъ въ непримиримую ненависть ко всему иноплеменному и иновѣрному, особенно къ греческому, что съ этого времени (т. е. со

время Маккавейскихъ) предъ судомъ общественнаго мнѣнія всякое, безъ особенной настоятельной пужды и уважительной причины предпринимасмое, изученіе греческаго языка и его литературы, казалось чѣмъ-то не только просто подозрительнымъ, но и прямо измѣнническимъ и нечестивымъ ¹⁾. А при

¹⁾ Что и между палестинскими учеными евреями разсматриваемаго нами періода времени всегда были люди, болѣе или менѣе основательно знавшіе греческій языкъ и изучавшіе его литературу, особенно въ первый періодъ знакомства ихъ съ греческою цивилизаціею, до времени Маккавейскихъ, этого, конечно, отрицать нельзя. Преданіе о переводѣ св. книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка на греческій, совершенномъ въ Александріи при посредствѣ іудеевъ палестинскихъ, примѣри ученаго палестинскаго еврея еллиниста *Антигона Сокка*, ученика Симона праведнаго и ученика его *Садока*, основателя цѣлой школы еврейскихъ еллинистовъ, подъ влияніемъ политическихъ обстоятельствъ, преобразовавшейся въ послѣдствіи въ религіозно-политическую секту Саддукеевъ—*Исона* и *Менелан*, заводившихъ въ Палестинѣ школы греческаго языка, — знаменитаго раввина *Гамалила* старшаго, по сказанію Мишны, глубоко и основательно изучившаго греческую литературу, царя *Александра*, читавшаго священное писаніе на греческомъ языкѣ... и многіе другіе факты доказываютъ это, и само по себѣ впрочемъ вѣроятное, дѣло съ достовѣрностію, неоставляющее мѣста сомнѣнію. Но съ другой стороны и общій смыслъ вѣхъ дошедшихъ до насъ преданій (въ Мишнѣ, Гемарѣ, Талмудахъ) о глубокой ненависти большинства палестинскихъ раввиновъ этого времени ко всему иноземному, особенно греческому, развившейся въ ревнителяхъ іудейской національности съ особенною силою со времени гоненія Антиоха Епифана, и весь ходъ внутренней исторіи іудейскаго образованія, со времени Маккавейскихъ развивавшагося въ направленіи исключительно національномъ и враждебно относящемся ко всемъ элементамъ греческой цивилизаціи, — даютъ намъ право утверждать, что знаніе греческаго языка и его литературы у палестинскихъ евреевъ всегда ограничивались только самымъ небольшимъ кругомъ любителей еллинскаго образованія, и что лица, занимавшіеся изученіемъ греческой литературы не только не пользовались въ общественномъ мнѣніи довѣренностію и уваженіемъ, но напротивъ за это самое занятіе нерѣдко подвергались даже презрѣнію, и ненависти (1 Макк. 1, 11 — 52; 2 Макк. 4, 11—16; 39, 42, 47, 50). Въ слѣдствіе всего этого, даже въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Хр. греческій языкъ едва извѣстенъ былъ въ Палестинѣ, и Иосифъ Флавій положительно говоритъ, что занятіе имъ палестинскіе раввины считали нечестіемъ, дѣломъ рабовъ, а не свободныхъ. (Древности іудейскія 20 гл. § 9). Смотр. объ этомъ предметѣ дов. основательныя изслѣдованія въ сочиненіяхъ: *Doctrines religieuses des Juifs par Nicolas* p. 50 и далѣе; *de la Cabbale par Franck*.

такомъ порядкѣ вещей, такое нравственно-религіозное произведеніе, какъ книга Премудрости Соломоновой, написанное на греческомъ языкѣ, разумѣется, было бы уже такимъ *исключительнымъ* явленіемъ въ исторіи церковно-богословской литературы евреевъ палестинскихъ, что возможность его могла бы быть понятною для насъ только при стеченіи какихъ либо *особенныхъ* и исключительныхъ обстоятельствъ, о какихъ впрочемъ, за неимѣніемъ подобныхъ фактовъ, мы не только положительно ничего не знаемъ, но и затрудняемся составить даже предположительное гаданіе.....

Что книга Премудрости Соломоновой дѣйствительно есть памятникъ церковно-богословской литературы евреевъ египетско-александрійскихъ, а не палестинскихъ, нѣкоторые признаки этого можно усматривать и въ самой этой книгѣ; потому что, не говоря уже о слогѣ этой книги, который, по замѣчанію критиковъ, сильно отзывается греческимъ витійствомъ, въ томъ именно видѣ, какъ оно развивалось и процвѣтало въ Александріи ¹⁾, можно бы сказать, что и самый строй мышленія, характеръ и направленіе всего міросозерцанія, лежащаго въ основаніи этой книги, носить на себѣ печать того именно направленія іудейскаго богословія, которое, подъ влияніемъ греческой философіи развилось у іудеевъ александрійскихъ. Существенный характеръ этого богословія состоитъ въ постоянно развивавшемся и усиливавшемся стремленіи—всѣ разнообразныя факты исторически-даннаго отрывенія возводить къ единству понятія, въ положительномъ отрывать разумное, въ буквѣ писанія сокрытый въ ней духовный смыслъ,

¹⁾ Воскazuje въ сочиненіи своемъ: Préface sur le livre de la Sagesse § 1, говорить: ce livre (de la Sagesse) non seulement respire l'éloquence grecque, comme le remarquait S. Jérôme, mais il est écrit dans un certain goût Sophistique, Sage néanmoins et savant, tel qu'il était en vogue... Surtout à Alexandrie sur l'empire des rois macédoniens et caët.....

въ фактахъ исторіи идею, въ частныхъ и разрозненныхъ предписаніяхъ закона присущее имъ общее нравственное начало. Развиваясь въ этомъ направленіи все далѣе и далѣе и въ послѣдовательномъ развитіи своемъ все болѣе и болѣе проникаясь духомъ философскаго умозрѣнія, подъ вліяніемъ началъ греческой философіи, оно естественно, на послѣдней степени своего развитія, должно было принять видъ и характеръ нѣкоей умозрительно-философской, религіозной теоріи, которая къ положительно-данному въ св. книгахъ Ветхаго Завѣта божественному откровенію поставила себя почти въ такое же отношеніе, въ какомъ, въ послѣдствіи времени, философія неоплатоническая стала къ греческому мифологическому политеизму. Полное раскрытіе духа этой отрасли іудейскаго богословія мы находимъ въ сочиненіяхъ знаменитаго александрійско-іудейскаго богослова-философа, — Филона; но первоначальные элементы, изъ коихъ сложилась эта богословско-философская теорія, положены были еще гораздо прежде; — и присутствіе ихъ, въ извѣстной степени, можно находить почти во всѣхъ извѣстныхъ памятникахъ богословской литературы египетско-александрійскихъ іудеевъ. Совсѣмъ въ иномъ направленіи и съ другимъ характеромъ развивалась въ это время богословская наука у раввиновъ палестинскихъ. Исходнымъ пунктомъ ея и главною задачею было изъясненіе закона; но исходя изъ этого пункта общаго ей съ богословіемъ александрійскимъ, она, въ дальѣйшемъ развитіи своемъ, пошла совершенно въ другую сторону и выработала совсѣмъ иное, можно бы сказать, даже противоположное настроеніе. Тогда какъ іудейско-александрійскіе богословы, проникнутые духомъ философскаго изслѣдованія, подъ вліяніемъ началъ и идей греческой философіи, стремились подъ виѣшнею формою закона отрывать высшій духовный смыслъ, и въ этомъ стремленіи своемъ все болѣе и болѣе обобщали и идеализировали его, освобождая такимъ образомъ умы и совѣсти

отъ умственнаго и нравственнаго рабства преданію и буквѣ закона, ученые раввины палестинскіе, въ которыхъ чувство приверженности къ отеческимъ преданіямъ, натурально, было гораздо живѣе и крѣпче, чѣмъ у соплеменныхъ имъ переселенцевъ египетскихъ, старались только о томъ, чтобы, оставаясь вѣрными буквѣ закона, примѣнить его къ новымъ условіямъ и обстоятельствамъ политической и общественной своей жизни, и изъ постановленій его, и безъ того частныхъ и примѣненныхъ къ извѣстнымъ временнымъ и мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ жизни народа сврейскаго, съ помощію утонченныхъ приемовъ буквальной герменевтики и устныхъ преданій старцевъ, извлечь еще болѣе частныя и подробныя правила жизни, примѣненные ко всѣмъ—самымъ мелочнымъ случаямъ и обстоятельствамъ жизни. При господствѣ этого чисто-практическаго, опирающагося на внѣшнее преданіе и утонченную—буквальную герменевтику, направленія богословской науки, на послѣдней степени своего развитія превратившейся въ чисто внѣшнюю, формальную казуистику, ни въ дошедшихъ до насъ памятникахъ церковно-богословской литературы палестинскихъ евреевъ этого періода, ни въ преданіяхъ о разныхъ вопросахъ, занимавшихъ въ это время умы палестинскихъ богослововъ, незамѣтно почти никакихъ сколько нибудь значительныхъ слѣдовъ того созерцательно-философскаго духа изслѣдованія, который такъ сильно развивался у ихъ единоплеменниковъ—евреевъ египетско-александрійскихъ. Если теперь съ этими понятіями о характерѣ этихъ двухъ, столь различныхъ по направленію и духу своему, отраслей богословской литературы евреевъ этого періода, мы будемъ изучать книгу Премудрости Соломоновой, то легко замѣтимъ, что она имѣетъ гораздо болѣе внутренняго сродства съ богословіемъ евреевъ alexandрійскихъ;—и что это сродство обнаруживается съ одной стороны *въ общемъ характерѣ* и направленіи мысленія ея писателя,—

въ то же время, что умъ его постоянно устремляется на высоту (имею) міросозерцанія, и какъ въ пониманіи св. Писанія не остаётся на одной буквѣ его, но постоянно старается проникать въ высшій таинственный смыслъ его (Пр. Сол. 16, 20—21; 17, 24; 16, 12 и пр.), такъ и при изъясненіи различныхъ; 18-й историческихъ постоянно устремляется мыслью своею къ зерцанію таинственныхъ путей единой, высочайшей премудрости Божіей, управляющей всѣмъ по законамъ высочайшей мудрости и благодати (см. гл. 11. 12. 14. 17. 18. 19) и наконецъ можетъ въ слѣдствіе нѣкой однородности въ складѣ, что ума съ гениемъ философіи, выражаетъ довольно замѣтно, какъ увидимъ послѣ, сочувствіе къ идеямъ греческой философіи, съ другой въ характерѣ *нѣкоторыхъ частныхъ предопредѣлений*, составляющихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, отличительные: характеристическіе признаки этой книги, каково напримѣръ, те о мудрости и еще болѣе ученіе о будущей, загробной жизни ¹⁾. Кромѣ этого внутренняго, духовнаго родства книги жизни мудрости Соломоновой съ памятниками церковно-богословской литературы іудеевъ александрійскихъ, по указанію новѣйшей критики, можно бы отыскать въ ней и нѣкоторые другіе, въ высшій признаки, свидѣтельствующіе объ алек-

болѣе
 а въ будущую, загробную жизнь, говорить одинъ, довольно знакомый съ Вѣра-ствомъ, писатель, въ послѣдніе вѣка предъ Р. Х., становится общевъ, какъ дей-инскихъ, такъ и у египетскихъ евреевъ; но основывается на совер-твенно-иныхъ началахъ. Тогда какъ палестинскіе евреи представляютъ себѣ эту ж-зальную слѣдствіе вѣщающаго послѣдовать во времена Мессіи воскресенія мерт-въ, какъ реи египетскіе признають се слѣдствіемъ безсмертной природы духа чело-вѣка, свр-ти. Эти два взгляда никогда не смѣшиваются; ни одинъ письменный памят-никаго палестинскій не говоритъ о *безсмертіи души*, а александрійскій— о *воскр-*ртіи на-ертвухъ. (Doctr. relig. des Juifs. par. Nicolas. p. 316, 317). Если бы эт-и мо-аніе было вполнѣ вѣрно, то оно одно могло бы служить достаточ-нымъ амѣча-іемъ для того, чтобы книгу Премудрости Соломоновой считать памят-новацъ богословской литературы александрійской.

сандрийскомъ ея происхожденіи, которые для людей извѣстнаго настроенія ума, можетъ быть, покажутся болѣе наглядными и убѣдительными. Такъ напр., судя по нѣкоторымъ мѣстамъ книги Премудрости Соломоновой, гдѣ приводятся изреченія изъ другихъ св. книгъ Вѣтхаго Завета, не безъ основанія полагаютъ, что писатель этой книги читалъ св. Писаніе не на подлинномъ еврейскомъ языкѣ, а въ переводѣ 70-ти толковниковъ ¹⁾. Но этотъ переводъ св. Писанія, особенно съ того времени, какъ египетскіе іудеи построили себѣ особенный храмъ и учредили при немъ свою, независимую отъ іерусалимской, іерархію и такимъ образомъ, какъ совершенно отдѣлившіеся отъ іудеевъ палестинскихъ, считались послѣдними за раскольниковъ,—былъ во всеобщемъ употребленіи и уваженіи только у евреевъ, жившихъ въ Египтѣ, и *эллинскомъ разсыпаніи*, а палестинскими епископами, хотя они и знали о немъ, кажется, вовсе не уважался ²⁾. Не безъ силы также указываютъ въ этомъ отношеніи

¹⁾ Такъ напр. если вѣрно, что слова 2 гл. ст. 12 взяты изъ книги пророка Исаи (III гл. 11 ст.), то вѣрно также и то, что они заимствованы изъ этой книги по переводу 70-ти толковниковъ: потому что въ еврейскомъ текстѣ ея, вмѣсто словъ: *рекше: свяжемъ правдннко. ако не потребенъ намъ естъ;* читается: *скажете правднику, что благо ему, ибо все будутъ вкушать плоды днаний своенъ.* Кальметъ въ сочиненіи своемъ *Præfatio in librum Sapientie* указываетъ много и другихъ мѣсть, гдѣ по его мнѣнію видны болѣе или менѣе ясныя слѣды того, что писатель книги Премудрости читалъ св. Писаніе въ переводѣ 70-ти (напр. срав. Премуур. Солом. гл. 7, 9—12 съ притчами Сол. гл. V, 18 ст. и проч.).

²⁾ Что греческій переводъ свяд. Писанія 70-ти толковниковъ извѣстенъ былъ и палестинскимъ іудеямъ, этого, конечно, нельзя отрицать; іудейскія преданія, сохранившіяся въ Мишиѣ, Гемарѣ и Талмудахъ, положительно говорятъ даже, что нѣкоторые палестинскіе іудеи, любители греческаго языка и его литературы, составлявшіе особенную партію слиянствова, къ которой принадлежали болѣею частію Саддукеи и лица, стоявшія въ близкихъ отношеніяхъ къ царскому двору, читали св. книги Вѣтхаго Завета на греческомъ языкѣ. Но тѣ же преданія передаютъ намъ, что тогдашніе представители вѣры и учителя закона (фарисеи) смотрѣли на это съ глубокою горестію и сожалѣніемъ. Такъ напр.

и на тѣ *обличительныя* мѣста книги Премудрости Соломоновой, которыя направлены преимущественно противъ египтянъ. Такъ напр. обличая нелѣпность и безнравственность языческаго многобожія и идолопоклонства вообще, писатель книги Премудрости Соломоновой *преимущественно* однакожь вооружается противу грубаго многобожія и идолопоклонства *египтянъ*, обожавшихъ животныхъ, даже самыхъ низкихъ и презрѣнныхъ (11, 16; 15; 18; 16. 1) и питавшихъ религіозное почтеніе къ тѣламъ умершихъ (14. 15). Далѣе, разсуждая по этому случаю о первоначальномъ происхожденіи и распространеніи идолопоклонства, онъ замѣчаетъ между прочимъ, что идолы первоначально были не что иное, какъ образы умершихъ людей (преимущественно царей) сдѣланные скорбящими о ихъ смерти для памяти, но потомъ, то изъ высокоумрнаго тщеславія повелителей, то изъ низкаго ласкательства подданныхъ, стали уважаться, какъ боги (гл. 14, 13—20). Это замѣчаніе его, по мнѣнію критиковъ, опять имѣетъ особенную силу, преимущественно по отношенію къ египетскому идолопоклонству, какъ потому, что только египтяне питали чрезвычайное почтеніе къ мертвымъ, а особенно царямъ, такъ и потому, что первое божество ихъ—Озирисъ, по мнѣнію многихъ древнихъ мифологовъ, имѣвшему въ ученой Александріи значительную силу, былъ одинъ изъ царей египетскихъ, котораго по смерти его скорбящая супруга его Изида велѣла подданнымъ своимъ обоготворять, воздавая ему божескія почести. Можно бы указать въ книгѣ Премудрости Соломоновой въ этомъ родѣ и нѣсколько другихъ чертъ (см. Praef. in librum Sapientiae Cornelij a lapide—и Calmet'a)—которыя въ совокупности своей ведутъ къ мысли, что іудейскій писатель этой книги, по всей вѣроятности—

палестинская синагога очень скорбѣла, что царь Александръ читалъ св. Писаніе по гречески и не однократно выражала ему за это свое неодобреніе. (Talmud. col. 104).

сти, жилъ въ средѣ египетскаго идолопоклонства и стало быть принадлежать къ отрасли іудеевъ египетско-александрійскихъ.

Есть наконецъ, основываясь на словахъ блаженнаго Иеронима, мы прибавимъ къ сказанному, что у палестинскихъ евреевъ книги Премудрости Соломоновой вовсе небыло въ употребленіи, и если о существованіи ея они и знали изъ перевода ея на сирскій языкъ, то получимъ рядъ доказательствъ, совершенно достаточный, какъ намъ кажется, для того, чтобы имѣть право, согласно съ мнѣніемъ большинства современныхъ намъ критиковъ, считать книгу Премудрости Соломоновой однимъ изъ памятниковъ церковно-богословской литературы евреевъ египетско-александрійскихъ, который для нихъ, быть можетъ, имѣлъ такое же значеніе, какое книга премудрости Иисуса сына Сирахова имѣла для евреевъ палестинскихъ.

Что же касается наконецъ до самой личности египетско-александрійскаго писателя этой книги, на сколько она отразилась въ этомъ памятникѣ церковно-богословской литературной дѣятельности его, то объ этомъ можно сказать положительно очень не многое, и именно:

Изъ книги Премудрости Соломоновой видно, во первыхъ, что писатель ея былъ мужъ, при глубоко-нравственномъ и истинно-благочестивомъ настроеніи духа, обладавшій умомъ *созерцательно-поэтическимъ*, который, по своей созерцательности, постоянно стремится въ область общихъ умозрительныхъ представленій, а по влеченію поэтической природы своей любить выражать ихъ въ живыхъ образахъ и картинахъ. Это внутреннее единство умозрительнаго и поэтическаго элемента, составляющее основу истинно ораторскаго таланта, видно, можно сказать, на каждой страницѣ разсматриваемой нами книги.

Далѣе, —внимательно изучая содержаніе и форму книги Премудрости Соломоновой, нельзя не замѣтить, что писатель

ея, съ глубокимъ знаніемъ св. писанія, соединялъ въ себѣ и довольно значительное, по видимому, ви́шнее образованіе, не только литературное, но и философское. Единство основной мысли и строгое логически послѣдовательное развитіе ея по напередъ задуманному и опредѣленному плану, правильность въ расположеніи мыслей и нарочитая тщательность выраженія ихъ, — словомъ вся ви́шняя, литературная сторона книги Премудрости Соломоновой показываетъ въ писателѣ ея человѣка, котораго литературный вкусъ образовался въ школахъ греческихъ риторовъ, или подъ вліяніемъ образцовъ греческаго краснорѣчія; а внутренняя сторона ея, т. е. самыя мысли и представленія, составляющія содержаніе ея, показываютъ въ немъ человѣка, котораго умственное міросозерцаніе сложилось изъ элементовъ, данныхъ въ откровеніи, но не безъ вліянія однакожь и идей греческой философіи, — человѣка, не только просто знакомаго ви́шнимъ историческимъ образомъ съ греческою философіею, но отчасти и проникнутаго нѣкоторыми философскими понятіями, которыя казались ему согласными съ духомъ и истиною св. Писанія. Въ книгѣ Премудрости Соломона можно находить не только простое исторически-вѣрное изложеніе ученія нѣкоторыхъ философскихъ школъ Греціи (таково напр. находящееся во 2-й главѣ отъ 1—12 ст. изложеніе матеріалистическаго ученія о природѣ души человѣческой и значеніи ея въ настоящей жизни, въ которомъ нельзя не узнать съ замѣчательною точностію представленнаго ученія Епикурейцевъ) ¹⁾, но и такія мысли и понятія, которыя по крайней мѣрѣ, въ той формѣ, въ какой онѣ выражаются, видимо заимствованы имъ изъ греческой философіи, но предлагаются однакоже отъ лица самого писателя, какъ его собственные понятія. Такъ

¹⁾ Таково же кажется и находящееся въ 13 гл. 2 ст. изложеніе стихійнаго ученія такъ называемыхъ іонійскихъ философовъ: Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра и Гераклита.

напр. нельзя же считать однимъ случайнымъ совпадениемъ, что писатель книги Премудрости Соломоновой, говоря о плодахъ Премудрости, въ нравственномъ отношеніи, въ числѣ коренныхъ ея добродѣтелей, согласно съ общимъ учениемъ греческой философіи, полагаетъ только четыре добродѣтели и называетъ ихъ точно такими именами, подъ которыми они извѣстны были только въ греческой философіи (*σοφροσύνη, φρόνησις, δικαιοσύνη, και ἀνδρεία*); (8, 7). Но какой именно философской системѣ Греціи онъ наиболѣе сочувствовалъ, и какъ далеко простиралось это сочувствіе, равно какъ и вообще знакомство его съ греческою философіею, съ точностію опредѣлить это, на основаніи одного содержанія книги Премудрости Соломоновой, довольно трудно. Судя по нравственно религіозному настроенію его духа и созерцательно поэтическому складу ума, можно бы кажется, опасаясь большихъ погрѣшностей, полагать, что изъ всѣхъ системъ греческой философіи особенное сочувствіе его должна была привлекать къ себѣ преимущественно та философская теорія, въ которой нравственно-религіозные элементы, лежащіе въ глубинѣ человѣческаго сознанія, получили наибольшее развитіе, и которая поэтическимъ образомъ выраженія своихъ идей, яркостію картинъ и фигуральнымъ языкомъ наиболѣе должна была нравиться и приходиться по духу генію восточныхъ народовъ вообще, мы разумѣемъ философію Платона. И дѣйствительно нѣкоторыя представленія, излагающіяся въ книгѣ Премудрости Соломоновой, по крайней мѣрѣ, по образу выраженія своего, по замѣчанію новѣйшихъ критиковъ, носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды идей Платоническихъ. Такъ напр: писатель этой книги, изображая природу и свойства Премудрости, какъ силы божественной, посредствующей между Богомъ и міромъ, говоритъ, что она есть дыханіе силы божественной, свѣтоносное изліяніе Всемогущества Божія (7, 24—25), вѣчный, духовный свѣтъ, исходящій изъ первосущаго, (26) который,

будучи по существу своему единиченъ и простъ (22, 27), въ то же время, какъ полнота всѣхъ идей есть свѣтъ многообразный и многочастный (22),—что пребывая постоянно въ самомъ себѣ (27), онъ въ то же время свѣтоносными лучами своихъ идей проникаетъ всюду (24) и всему даетъ новый видъ, сообразный съ своими идеями (27); но самъ ни чѣмъ не проникается и неизмѣняется, (25) и наконецъ, какъ всеобщій чистѣйшій свѣтъ вѣдѣнія, проходитъ сквозь всѣ духовныя существа (23), и, отражаясь въ ихъ сознаниі, сообщаетъ имъ высшее, чисто мысленное и созерцательное вѣдѣніе вѣчныхъ истинъ міра духовнаго божественнаго: въ этомъ изображеніи его, не безъ основанія указываютъ слѣды вліянія на него Платоновскихъ идей о логосѣ и душѣ міра. Такимъ же образомъ, когда писатель разсматриваемой нами книги, говоря о немощи ума человѣческаго въ познаніи истинъ божественныхъ, главную причину ея поставляетъ въ томъ, что духъ человѣческій, въ настоящемъ его состояніи на землѣ, отягощенъ тѣлѣннымъ тѣломъ, въ слѣдствіе чего умная сила его постоянно обременена и развлечена не свойственными ей заботами и попеченіями объ удовлетвореніи потребностей тѣлесной жизни (9. 13—19); то и въ этомъ взглядѣ его на тѣло человѣческое, какъ главное препятствіе къ развитію умственныхъ и нравственныхъ силъ духа человѣческаго и къ познанію истинъ духовныхъ въ особенности, не неосновательно видятъ наклонность его къ идеалистическимъ воззрѣніямъ Платона. Наконецъ, когда писатель книги Премудрости, во многихъ мѣстахъ этой книги развиваетъ мысль, что истинная правда и добродѣтель возможны только при истинномъ богопознаніи, которое составляетъ не только внешнее условіе правды, но и самое внутреннее, существенное основаніе ея, и наконецъ, выражая эту внутреннюю и существенную связь ихъ между собою въ одномъ мѣстѣ книги Премудрости, говорить, что истинная и совершенная правда и со-

стоитъ имено въ *богопознаніи* (Прем. 15, 3); а невѣдѣніе истинаго Бога есть самая коренная неправда, источникъ и корень всѣхъ нравственныхъ золъ (Премудр. 14, 12, 27): то и въ этомъ ученіи его объ отношеніи добродѣтели къ богопознанію, можетъ быть, не неосновательно думаютъ видѣть слѣды Платоновскаго ученія *о тождествѣ знанія съ добродѣтелю*. Можетъ быть, при болѣе сильномъ и искусномъ давленіи на слова, можно бы открыть въ книгѣ Премудрости Соломоновой другіе, болѣе возможные и глубокіе слѣды увлеченія писателя ея идеями платоническими; но мы охотно представляемъ однакоже дѣлать подобныя открытія людямъ, болѣе насъ искусившимся въ этомъ дѣлѣ. Вотъ напр. что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, представляя въ этомъ случаѣ какъ бы результатъ поконченныхъ изслѣдованій: «Можетъ быть «этотъ фактъ покажется удивительнымъ, но все таки это фактъ «положительный, что раціональная часть платоновской теоріи,— «та самая, которая содержитъ въ себѣ наиболѣе высокихъ и «истинно-философскихъ понятій, (напр. глубокія идеи о знаніи) «довольно скоро пришла въ забвеніе, а все вниманіе послѣдую- «щихъ поколѣній сосредоточено было на тѣхъ поэтическихъ «образахъ и мифахъ, подъ которыми онъ представлялъ свои, «болѣе предчувствуемая, чѣмъ ясно сознаваемая идеи. Эта «темная сторона платонизма производила особенно живое впе- «чатлѣніе на людей восточныхъ; она соответствовала ихъ при- «родному гению, любящему болѣе яркіе цвѣты, чѣмъ толкіе «оттѣнки, болѣе блескъ ослѣпляющій, чѣмъ ту умѣренную «ясность, которая позволяетъ подмѣчать различія; она изложена «была языкомъ фигуральнымъ, довольно сходнымъ съ ихъ соб- «ственнымъ образомъ выраженія своихъ мыслей. Эта—то по- «эзія платоновская, составившая въ послѣдствіи времени основу «неоплатонизма, должна была обольстить и евреевъ александ- «рійскихъ; и ею-то, повидимому наиболѣе прельстились и Ари-

«стовуль и Филовъ. И писатель книги Премудрости Соломо-
«новой неуберегся совершенно от увлеченія ею; въ книгѣ его
«остались довольно замѣтные слѣды этого увлеченія. Такъ напр.
«и онъ, вмѣстѣ съ Платономъ допускаетъ предсуществованіе
«душъ. «А былъ я, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги
«о себѣ самомъ отъ лица Соломона, отрокъ благорожденный и
«получилъ отъ Бога добрую душу, — или лучше сказать, *будучи*
«*добръ, пришелъ въ тѣло неоскверненное*» (Премуд. 8, 19, 20).
Таже мысль скрывается, по видимому, и въ другомъ мѣстѣ
книги: «тѣло мое, говоритъ онъ, образовалось во чревѣ ма-
«тери; а душа? спрашивается; очевидно, что душа, нужно под-
«разумѣвать, вошла въ тѣло со внѣ. Какъ бы то ни было,
«впрочемъ, но и онъ, вмѣстѣ съ Платономъ рѣшительно утвер-
«ждаетъ по этому, что тѣльное тѣло отягощаетъ душу, и земное
«жилище обременяетъ умъ ея (9. 15). Наконецъ въ нѣкоторыхъ
«мѣстахъ книги Премудрости Соломоновой не безъ основанія
«указываютъ на слѣды другаго характеристическаго ученія Пла-
«тоновскаго, что міръ не сотворенъ въ строгомъ смыслѣ, а
«только образованъ Богомъ, изъ предсуществовавшаго *безобраз-*
«*наго вещества* (11, 18, 21). Конечно на писателя книги Пре-
«мудрости нельзя смотрѣть какъ на строгаго и точнаго мысли-
«теля, который въ выраженіяхъ своихъ мыслей даетъ себѣ пол-
«ный отчетъ; очень можетъ статься, что въ настоящемъ случаѣ
«онъ и непонималъ еще вполне того глубокаго различія, какое
«находится между идеею образования міра и идеею творенія его,
«и только выражалъ чисто религіозное представленіе свое о про-
«исхожденіи міра отъ Бога языкомъ современной и наиболѣе
«уважаемой въ то время философской мудрости. Какъ бы то
«ни было впрочемъ, но то, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что
«и въ этомъ случаѣ онъ обнаруживаетъ довольно сильную на-
«клонность мыслить по гречески и выражать свои мысли язы-
«комъ извѣстной греческой философіи. И эта склонность его,

«конечно, не могла же пройти для него совершенно даромъ, «не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ на его міросозерцаніи; «и дѣйствительно, онъ часто оставляетъ точку зрѣнія чисто еврейскую; въ книгѣ его тамъ и сямъ можно находить, хоть и «неясные слѣды вліянія на него воззрѣній платоновскихъ; они «видны уже и въ приведенномъ нами мѣстѣ (11, 18. 21), и «въ просвѣчивающемся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги стремленіи къ аскетизму; не рѣшаясь сказать, что матерія есть «источникъ зла, онъ все же однако считаетъ ее препятствіемъ «для развитія духа и бременемъ для души, соединенной съ нею; «можетъ быть, не безъ вліянія этого воззрѣнія, онъ измѣняетъ «и древнимъ, наиболѣе укоренившимся началамъ гебраизма, «и превозноситъ дѣвство»¹⁾.

На сколько вѣрны эти замѣчанія, рѣшительное сужденіе объ этомъ мы предоставляемъ доброй совѣсти и знанію людей, болѣе насъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ. А съ своей стороны считаемъ неизлишнимъ присовокупить только слѣдующія ограничительныя замѣчанія. Что въ книгѣ Премудрости Соломоновой дѣйствительно есть болѣе или менѣе ясныя, болѣе или менѣе глубокія слѣды идей платонической философіи, это едва ли можно отрицать совершенно. Но изъ этого однакожь никакъ не слѣдуетъ еще заключать, чтобы іудейскій писатель этой книги усвоилъ себѣ эти идеи въ слѣдствіе глубокаго и отчетливаго изученія платонической философіи, послѣ строгой оцѣнки внутренняго достоинства ея воззрѣній, и яснаго понятія о ея согласіи съ нравственно-религіозными ученіями іудейской вѣры, и еще менѣе—чтобы онъ внесъ эти философскія воззрѣнія въ свою книгу съ ясно-сознаваемою цѣлію—провести ихъ путемъ литературы въ общественное сознаніе своего народа и такимъ образомъ содѣйствовать постоянному сближенію и объединенію

¹⁾ Doctrines relig. des Juifs par Nicolas. pag. (124—128).

его съ греческою цивилизаціею, — какъ это несомнѣнно имѣли въ виду нѣкоторые египетско-александрійскіе ученые богословы-философы. Уже самая неопредѣленность тѣхъ выражений книги Премудрости, въ которыхъ думаютъ видѣть несомнѣнные слѣды вліянія на ея писателя идей Платоновой философіи, дающая возможность изъяснять ихъ и не въ смыслѣ ученія Платонова приводитъ къ мысли, что это вліяніе платонизма на образъ мыслей писателя книги Премудрости Соломоновой было результатомъ не столько отчетливаго и нарочитаго изученія имъ платоновой философіи, сколько естественнымъ послѣдствіемъ той исторической необходимости, въ силу которой всякій образованный человѣкъ сознательно или безсознательно, волею или неволею, въ большей или меньшей степени испытываетъ на себѣ вліяніе господствующихъ въ окружающей его духовной атмосферѣ понятій. И въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ мнѣніемъ вышеуказаннаго писателя, что на автора книги Премудрости, когда ошъ выражается языкомъ извѣстной греческой философіи, нельзя смотрѣть, какъ на мыслителя строгаго и точнаго въ своихъ выраженіяхъ, — что въ немъ виденъ скорѣе не столько вѣрный и сознательный послѣдователь какой либо философской системы, дающій себѣ строгій отчетъ въ ея началахъ и выводахъ, сколько просто образованный человѣкъ пассивно и безотчетно подчиняющійся вліянію извѣстной, современной ему философіи, которая своими нравственно-религіозными стремленіями и спиритуалистическими воззрѣніями возбуждаетъ его сочувствіе и по видимому довольно легко мирится съ его собственными вѣрованіями. Но если такимъ образомъ все-таки остается вѣрнымъ и несомнѣннымъ, что въ писателѣ книги Премудрости Соломоновой нельзя отрицать, по крайней мѣрѣ, довольно замѣтнаго сочувствія къ нѣкоторымъ воззрѣніямъ Платоновой философіи и склонности выражаться языкомъ Платона, то изъ этого однакожъ никакъ не

слѣдуетъ заключать — будто изъ всѣхъ философскихъ ученій Греціи это сочувствіе его ограничивалось *исключительно* только этою одною философіею, такъ чтобы онъ былъ исключительнымъ послѣдователемъ только ея воззрѣній. Въ тотъ періодъ времени, на который, по всѣмъ соображеніямъ, падаетъ время его жизни, и самые оффиціальные послѣдователи Платона были уже далеко не вѣрны началамъ главы и основателя своей школы и, то изнемогая подъ тяжестью задачъ, разъясненіе коихъ приходилось на ихъ долю, впадали въ систематическое отчаяніе и скептицизмъ, то, воодушевляясь нравственными стремленіями, въ видахъ противодѣйствія быстро распространявшимся въ разлагающемся обществѣ началамъ эпикуреизма, соединялись подъ однимъ знаменемъ съ послѣдователями Зенона и Пивагора, — а прочіе образованные люди, не принимавшіе непосредственного и дѣятельнаго участія въ развитіи философій, какъ это всегда бываетъ, оставаясь совершенно равнодушными къ домашнимъ спорамъ различныхъ философскихъ школъ объ относительномъ достоинствѣ принимаемыхъ ими началъ и методовъ изслѣдованія и доказательства, цѣнили только самые результаты ихъ изслѣдованій, — и если они были люди нравственно-религіознаго настроенія духа, то все свое сочувствіе сосредоточивали на такихъ ученіяхъ, кои носили на себѣ отпечатокъ нравственно-религіознаго міросозерцанія, къ какой-бы впрочемъ философской школѣ ни принадлежали ихъ проповѣдники. Въ такихъ же, или еще болѣе свободныхъ, отношеніяхъ къ различнымъ школамъ греческой философій, по всей вѣроятности, находился и неизвѣстный намъ доколѣ іудейскій писатель книги Премудрости Соломоновой. И если тонкій, критическій анализъ этой книги показываетъ, что писатель ея во многихъ мѣстахъ обнаруживаетъ довольно замѣтное сочувствіе, преимущественно къ нѣкоторымъ воззрѣніямъ Платона, то въ основаніи этого сочувственнаго отношенія его къ Платоновой философій ле-

жало отнюдь не обаятельное влияние на него славного имени Платона, но болѣе или менѣе ясное чувство нѣкотораго согласія его воззрѣній съ его собственными нравственно-религіозными представленьями, или, лучше сказать, съ ученіемъ божественнаго откровенія, какъ оно отражалось въ сознаніи іудейскаго писателя этой книги, — такъ какъ оно одно было для него такимъ авторитетомъ, которому онъ всецѣло вѣрилъ. Но на этомъ широкомъ основаніи, сочувствуя идеямъ платонической философіи, онъ въ тоже время, нисколько не стѣсняя духовной свободы своего чувства и самостоятельности своего сознанія, конечно также свободно и легко могъ переносить свое сочувствіе и на ученія другихъ философскихъ школъ Греціи, которыя казались ему согласными съ его нравственно-религіозными убѣжденіями ¹⁾).

По всему этому намъ кажется, что мы гораздо вѣрнѣе выразимъ отношеніе писателя книги Премудрости Соломоновой къ греческой философіи, если скажемъ, что при общемъ сочувственномъ отношеніи своемъ къ ней, онъ не прилѣплялся однако же ни къ той, ни другой философской системѣ ея съ

---

¹⁾ И что это не есть одно голое предположеніе, основанное на одной нравственно-психической возможности, нѣкоторыя, хоть и не совсѣмъ ясныя, указанія на это можно бы найти и въ самой книгѣ Премудрости Соломоновой. Такъ напр. воззрѣніе его на достоинство и значеніе жизни человѣческой, всецѣло зависящее отъ одного нравственнаго ея назначенія, — ученіе его о добродѣтели, какъ о единомъ истинномъ благѣ, безъ котораго всѣ другія блага жизни оказываются совершенно пустыми и обманчивыми и вся жизнь человѣческая, со всѣми ея стремленіями и надеждами, превращается въ одинъ призракъ жизни, заключающійся однимъ мучительнымъ сознаніемъ его ничтожества, — понятіе о мудрости, какъ объ единой, вѣрной наставницѣ истинной жизни и руководительницѣ къ истинному благу и счастію, — и многія другія нравственныя воззрѣнія его, судя по силѣ и энергіи, съ какою они выражаются во многихъ мѣстахъ книги Премудрости (см. особ. 3-ю и 4-ю главы), если бы нужно было искать въ нихъ слѣдовъ влияния какой либо философской теоріи, гораздо ближе подходятъ къ ученію стоическому, чѣмъ Платоновскому.

исключительностию, свойственною раболѣпному ученику и вѣрному послѣдователю. Такого же въ *сущности*, хотя и въ различныхъ степеняхъ, было отношеніе къ греческой философіи и всѣхъ почти извѣстныхъ намъ, какъ іудейскихъ, такъ въ послѣдствіи времени и христіанскихъ, богослововъ — египетско-александрійскихъ. Судя потому, какимъ философскимъ теоріямъ, по первоначальному ли то своему образованію, или по особенностямъ личнаго настроенія своего ума, они наиболѣе сочувствовали, ихъ называютъ часто—то платониками, то перипатетиками, то стоиками; но сами они, въ глубинѣ своего самосознанія, никогда не признавали себя послѣдователями ни Платоновъ, ни Аристотелей, ни Зеновъ, а учениками только самой божественной истины, самого вѣчнаго слова Божія, благоволившаго изречь себя въ св. памятникахъ божественнаго писанія, — хотя, по самой любви своей къ божественной истинѣ, они умѣли дорожить и самыми слабыми отраженіями ея, самыми элементарными выраженіями или, какъ они сами любили выражаться, сѣменами ея, гдѣ бы и у кого бы они ихъ ни находили.

Но эти замѣчанія объ отношеніи писателя книги Премудрости Соломоновой къ греческой философіи сами собою приводятъ наконецъ къ заключенію, вѣрность котораго всецѣло подтверждается потомъ и самою книгою, что вліяніе греческой философіи на образъ мыслей ея едва ли было такъ глубоко и существенно, какъ это желаютъ представить повидимому нѣкоторые повѣйшіе критики. И дѣйствительно, читая и перечитывая книгу Премудрости Соломоновой съ чистою и свободною отъ всякихъ предвзятыхъ понятій мыслию нельзя не видѣть, что все міросозерцаніе, лежащее въ основаніи ея, весь основной строй мыслей и чувствъ, въ ней развивающихся, впечатлѣны, характеромъ чисто-религіознымъ, или точнѣе—библейскимъ, а *неумозрительно-философскимъ*— что основной,

никакихъ слѣдовъ на его собственномъ міросозерцаніи, хотя эти слѣды, на сколько объ этомъ можно судить по содержанию книги Премудрости, по всей вѣроятности, были совсѣмъ не такъ глубоки и существенны, какъ это видимъ въ сочиненіяхъ многихъ, какъ іудейскихъ, такъ и христіанскихъ богослововъ Александріи.

Въ дополненіе, или лучше сказать въ заключеніе, этой общей характеристики писателя книги Премудрости, не будемъ наконецъ поставить на видъ еще одно обстоятельство, которое, хотя и не относится непосредственно къ опредѣленію внутренняго характера его личности, но, еслибы позволило выяснитъ себя съ полною опредѣленностію, могло бы пролить значительный свѣтъ на вопросъ о времени и обстоятельствахъ его жизни и литературной дѣятельности,— и именно:— что книга Премудрости Соломоновой, по свидѣтельству самаго писателя, написана была имъ преимущественно для какихъ-то знатныхъ и могущественныхъ царей, *содержащихъ множествъ и гордящихся о народнхъ языкохъ* (6, 1—3), въ качествѣ нѣставленія о томъ, какъ должно царствовать и въ чемъ должно состоятъ истинное достоинство и мудрость царственнаго еженія,—(6, 2),—и написана, какъ видно изъ многихъ мѣстъ (6, 1—3; 9—12; 21—27) тономъ такого искренняго благожеланія, вротлаго отеческаго увѣщанія и какъ бы дружественнаго совѣта, который показываетъ въ писателѣ ся человѣка не только вообще увѣреннаго въ пользѣ и истинѣ своихъ нѣставленій, но и повидимому, въ какихъ-то довольно близкихъ отношеніяхъ къ нимъ находящагося, и, стало быть въ общественномъ положеніи того времени занимавшаго какое личное и высокое званіе.... Но *кто именно* были эти могущественные цари, обладавшіе многими народами, эти *суды концевъ земли*, которыхъ оцъ, *какъ самовластныхъ правителей* по греческому обыкновенію, называетъ иногда *τράχυναι* (6, 1—22) и *что именно*, какое историческое обстоятельство поб...

дело его написать имъ это наставленіе о существѣ истинной
правительственной мудрости, — съ точностію опредѣлить это,
на основаніи содержанія книги Премудрости, довольно трудно.
Если мы предположимъ, (какъ это на первый взглядъ пред-
ставляется вѣроятнѣйшимъ), что эти могущественные цари были
никто иные, какъ египетскіе цари-Птоломен, то вмѣстѣ съ
этимъ, основываясь на общихъ историческихъ соображеніяхъ о
тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ они находились къ жившимъ
подъ властію ихъ египетско-александрійскимъ евреямъ, можно
бы положить, что для іудейскаго писателя книги Премудрости,
жившаго въ Египтѣ подѣ властію Птолосеевъ, первое и бли-
жайшее побужденіе обратиться къ нимъ съ письменнымъ на-
ставленіемъ о существѣ истинной мудрости царскаго служенія
могло заключаться уже въ самомъ расположеніи и желаніи
этихъ царей принимать и благосклонно выслушивать подобнаго
рода наставленія отъ всѣхъ, извѣстныхъ своею мудростію и
ученостію, современниковъ. Ибо извѣстно, что вопросъ о томъ,
какъ должно царствовать, и въ чемъ состоитъ истинная муд-
рость въ управленіи царствомъ, очень сильно занималъ собою
умы первыхъ египетскихъ Птоломеевъ, а особенно основателя
ихъ династіи—Птоломея Лага ¹⁾. При устроеніи такого ново-
образовавшагося государства, каково было въ это время царство
египетское, случайно и насильственно составившееся изъ та-
кихъ разнохарактерныхъ и одна другой враждебныхъ націо-
нальностей, каковы были: національность греко-македонская,
египетская и сврейская, столь рѣзко отличавшіяся одна отъ
другой и вѣроу, и нравами, и историческими преданіями, и
образованіемъ и языкомъ,—этотъ вопросъ естественно имѣлъ
для нихъ особенную важность и силу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по
самой сложности и разнохарактерности входящихъ въ него

---

¹⁾ Histoire de Peccole d'Alexandrie par Matter. T. I, introduction.

элементовъ, представлять нѣкія трудности, для преодоленія коихъ, кромѣ общихъ, теоретическихъ понятій о существѣ политической правды и основныхъ формахъ и способахъ ея осуществленія, требовалось еще спеціальное знаніе духа и характера тѣхъ національныхъ элементовъ, среди коихъ эти понятія должны были осуществляться. Поэтому-то, стараясь прояснить себѣ этотъ жизненный вопросъ и дать ему возможно-правильное и согласное какъ съ своими собственными интересами, такъ и съ требованіями своихъ подданныхъ, размышленіе, они охотно обращались за совѣтами и наставленіями по этому предмету ко всѣмъ славившимся своею мудростію и знаніями, ученымъ современникамъ (при чемъ, по сказанію еврейскихъ историковъ, не были забываемы ими и ученые мужи еврейскаго народа) ¹⁾. Съ этою-то между прочимъ цѣлю, призывая къ двору своему ренныхъ мужей и философовъ греческихъ, чтобы постоянно пользоваться ихъ знаніями и совѣтами, они основали въ Александріи нарочитое ученое заведеніе (музей), члены котораго, пользуясь всѣми удобствами обез-

¹⁾ Такъ напр., Аристей, а также за нимъ и Иосифъ Флавій говорятъ Птоломей Филadelphъ, что въ продолжительномъ разговорѣ своемъ съ переводчиками св. писанія, онъ предлагалъ каждому изъ нихъ по вопросу, — и что первымъ вопросомъ его былъ вопросъ о томъ: «какимъ образомъ царь можетъ сохранить свое царство отъ паденія. Вторымъ: каковъ долженъ быть царь въ своихъ дѣлахъ?» Седьмымъ: «какъ онъ можетъ сохранить свое царство въ цѣлости». «затѣмъ спрашивалъ ихъ, какъ, по ихъ мнѣнію, правленіе лучше всего и проч. (см. повѣсть о переводѣ св. писанія Аристей и древности іудейскія Флавія, глав. 2-я). Подобный же рассказъ мы находимъ у Флавія и о сынѣ Филadelphъ-Птоломей Еввергетѣ, внимательно спрашивавшемъ, пріѣхавшаго къ нему изъ Палестины по дѣламъ палестинскихъ евреевъ, племянника іерусалимскаго первосвященника Онія — по имени Иосифа, каковъ, по мнѣнію евреевъ, долженъ быть образъ правленія, и въ чемъ они полагаютъ существо царской мудрости (Древн. іуд. гл. 4.). Но если какъ видно изъ этихъ рассказовъ, египетскіе птоломеи интересовались знать образъ жизни евреевъ палестинскихъ о государственн. ихъ дѣлахъ, то конечно для нихъ еще болѣе интересно было узнать сужденія и взгляды на этотъ предметъ подданныхъ своихъ евреевъ египетскихъ.

веченной царскими щедротами жизни, кромѣ свободныхъ занятій науками, обязывались, между прочимъ, быть совѣтниками царей, въ великомъ дѣлѣ государственнаго управленія, и быть учителями царскихъ дѣтей,—(и въ числѣ членовъ этого заведенія, состоявшаго болынею частію изъ философовъ, историковъ, математиковъ, медиковъ и филологовъ—греческихъ, по временамъ бывали и ученые жрецы египетскіе (напр. Манефонъ), и богословы еврейскіе напр. Аристовуль, которые, въ качествѣ членовъ царскихъ *Сисситій*, имѣли такимъ образомъ не только полную возможность, но и нѣкоторое право при извѣстныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, обращаться къ царямъ съ своими предложеніями и совѣтами). Съ этою же между прочимъ цѣлію они старались собрать при этомъ заведеніи всѣ лучшія сочиненія знаменитыхъ мудрецовъ древности, не только греческихъ, но и египетскихъ, халдейскихъ и персидскихъ, повелѣвая нѣкоторымъ изъ нихъ, преимущественно политическаго и историческаго содержанія, переводить на общепотребительный и знакомый имъ языкъ греческій ¹⁾. Такимъ образомъ, по ихъ же прошенію и повелѣнію, переведены были на греческій языкъ и свящ. книги еврейскія,—и тѣ изъ этихъ книгъ, кои содержали въ себѣ изложеніе законодательства и исторіи народа еврейскаго, особенно пятокнижіе Моисеево, были предметомъ ихъ особеннаго вниманія и даже изученія, подъ руководствомъ еврейскихъ богослововъ ²⁾. Судя по всему этому, почему бы не предположить въ самомъ дѣлѣ, что и книга Премудрости Соломоновой, какъ наставленіе о царственной мудрости, написана была какимъ либо почтеннымъ еврейскимъ мудрецомъ для кого нибудь изъ египетскихъ царей, именно въ слѣдствіе

¹⁾ Histoire de Pécote d'Alex. par. Matter. T. I, introd.

²⁾ Такъ наприм., извѣстный еврейскій учитель царя Птолемея, какъ называетъ его 2-я книга Маккавейская, Аристовуль написалъ толкованіе на пятокнижіе Моисея и подаль его царю Птолемею Филометору.

положительнаго желанія его узпать образъ мыслей объ этомъ предметѣ еврейскихъ мудрецовъ? Предположеніе это, конечно, не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Но такъ ли однакожь это было въ дѣйствительности, какъ представляется возможнымъ въ соображеніи? Нѣкоторыя мѣста книги Премудрости (6, 9. 21—26) какъ будто подтверждаютъ это предположеніе; но общее содержаніе и основной характеръ этой книги, написанной тономъ увѣщанія, переходящаго иногда въ строгое обличеніе, заставляютъ однакоже полагать, что если она написана для египетскихъ царей и не противъ ихъ желанія выслушивать подобнаго рода наставленія, то, по всей вѣроятности, и не въ слѣдствіе формальнаго ихъ предложенія, а по собственнымъ, внутреннимъ побужденіямъ самаго писателя ея.

Въ побудительныхъ причинахъ и обстоятельствахъ, могшихъ побудить еврейскаго писателя этой книги обратиться къ египетскимъ царямъ съ наставленіемъ объ истинной правительственной мудрости и правдѣ, подобнымъ тому, какое содержится въ книгѣ Премудрости Соломоновой, небыло предстатка.

Такъ, не говоря еще о другихъ, болѣе важныхъ и глубокихъ причинахъ, къ написанію этой книги еврейскій писатель ея могъ бы, конечно, быть вызванъ уже и чувствомъ благороднаго соревнованія различнымъ ученымъ языческимъ мужамъ, кои, находясь при дворѣ Птолемеевъ, старались услуживать имъ своими наставленіями, каждый сообразно съ своимъ образомъ мыслей и своею особенной дѣлюю. Въ недостаткѣ этого соревнованія, конечно, нельзя упрекнуть евреевъ александрійскихъ. Напротивъ, со времени самаго переселенія своего въ Египеть, при Птолемеѣ Лагѣ, и во все продолженіе царствованія его династїи, ученые ихъ одушевлены были самымъ глубокимъ и сильнымъ соперничествомъ, какъ съ греческими, такъ и

египетскими учеными; и этому-то дѣятельному соревнованію, съ какимъ они всё силы національной своей даровитости употребили на то, чтобы въ виду блестящей литературы грековъ и традиціонной мудрости египетскихъ жрецовъ обратить вниманіе общественнаго мнѣнія и самаго правительства египетскаго на неоцѣненные сокровища своей священной мудрости, которыми они по всей справедливости могли гордиться предъ цѣлымъ міромъ, ученая литература ихъ этого періода обязана была лучшими своими произведеніями.

Припомнимъ при этомъ далѣе, что съ самыхъ временъ Птолемея Филадельфа, вмѣстѣ съ развитіемъ восточной роскоши и распущенности нравовъ, начали умножаться при дворѣ Птолемея, вмѣсто серіозныхъ мыслителей, пустые риторы—софисты, которые только то и дѣлали, что воскурjali предъ царственными покровителями своими фиміамъ самой безсовѣстной лести, распаляли ихъ тщеславное самолюбіе и потворствовали всёмъ страстямъ ихъ, — а изъ философовъ, вмѣсто строгихъ учениковъ Платона, Аристотеля и Зенона, послѣдователи эпикурейской секты, которые, и сами не признавая никакихъ нравственныхъ и религіозныхъ началъ въ жизни, и ко всёмъ религіознымъ вѣрованіямъ и учрежденіямъ относясь совершенно отрицательно и враждебно, такой же нечестивый образъ мыслей старались внушить и своимъ царственнымъ патронамъ, совѣтуя имъ преслѣдовать одни чувственныя удовольствія, и руководиться во всемъ однимъ эгоистическими расчетами. Въ этомъ случаѣ уже не одно только національное соревнованіе, но и болѣе возвышенное чувство ревности по правдѣ и истинѣ могли побудить благочестиваго еврейскаго писателя книги Премудрости напомнить верховнымъ повелителямъ своимъ отъ имени Божія о тѣхъ великихъ обязанностяхъ, кои возлагаются на нихъ самымъ высокимъ званіемъ

ихъ и о той истинной мудрости, наставленіямъ которой они должны слѣдовать въ великомъ дѣлѣ управленія народами.

Наконецъ, какъ ни благорасположено было, говоря вообще, правительство египетское къ своимъ еврейскимъ колонистамъ, и какъ ни благосклонно отпосилось оно къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ, учрежденіямъ и обычаямъ, все же однако бывали случаи, когда религіозною своею исключительностію и рѣшительнымъ отчужденіемъ отъ всего языческаго они навлекали на себя грозный гнѣвъ своихъ повелителей, и въ слѣдствіе этого подвергались иногда довольно сильнымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ (напр. при Птолемеѣ Филопаторѣ). Если же предположить теперь, что писатель книги Премудрости Соломоновой былъ свидѣтелемъ одного изъ такихъ несправедливыхъ религіозныхъ преслѣдованій своихъ соотечественниковъ, то въ этомъ случаѣ по всѣмъ предыдущимъ побужденіямъ его къ написанію книги Прем. Сол. должно было присоединиться еще новое, и при томъ самое сильное и рѣшительное, — святая ревность по вѣрѣ и благѣ своего народа.

На сколько всѣ эти причины вмѣстѣ и каждая въ особенности имѣли вліяніе на рѣшимость писателя книги Премудрости Соломоновой обратиться къ земнымъ владыкамъ своимъ съ этимъ наставленіемъ о правдѣ и мудрости, съ точностію опредѣлить это, конечно, нѣтъ ни какой возможности. Но что эти причины и особенно двѣ послѣднія изъ нихъ дѣйствительно служили ему побужденіями къ написанію книги Премудрости, въ этомъ едва ли можно усомниться, потому что все содержаніе этой книги, какъ увидимъ послѣ, направлено имъ главнымъ образомъ къ опроверженію нечестивыхъ мыслей какихъ-то *неправомыслящихъ* учителей съ одной стороны и къ защищенію гонимой вѣры и правъ народа іудейскаго — съ другой, такъ что поэтому книгу Премудрости Соломоновой не безъ осно-

ванія можно бы назвать апологією іудейства, а писателя ея первымъ еврейскимъ апологетомъ.

Вотъ все, или почти все, что, на основаніи содержанія книги Премудрости Соломоновой и нѣкоторыхъ другихъ историческихъ соображеній, можно сказать *положительно* о лицѣ писателя ея и времени ея написанія.

Все это, конечно, состоитъ еще изъ однихъ только болѣе или менѣе общихъ и довольно неопредѣленныхъ положеній. Но на основаніи этихъ общихъ положеній, нельзя ли, при пособіи исторіи—церковно-богословской литературы евреевъ александрійскихъ, безъ опасенія впасть въ болынія погрѣшности, простереться въ вѣроятныхъ умозаключеніяхъ объ историческомъ происхожденіи книги Премудрости Соломоновой и нѣсколько далѣе, чтобы опредѣлительно указать наконецъ на самое лице ея писателя и съ хронологическою точностію опредѣлить время ея написанія? Конечно.

(Продолженіе будетъ.)

ЗАМѢТКИ ПОКЛОННИКА СВ. ГОРЫ.

Св. Гора. 23 авг. 1859.

СКИТЬ МОЛДАВСКІЙ.

Ἐι δὲ σηκίανεται ταχὺ, σὴν Λαύραν καταβαίνεις,
Καὶ κάμνεις τὴν πανήγυριν τ' ἁγίου Ἀθανασίου.
Μάλις κάθουσι ἐκεῖ ἕως ἐπεισαυρίου.

Ἐπειτα πρὸς τὸ δεξιὸν με πάσαν ὄρειαν
Ἀπὸ τὴν Λαύραν γέρνεσαι με πλείστην τυνοδιαν.
Περιπατεῖτε σύντομα, πάτε σὴν Κερκσιαν.
Σὰν ἀναβῆτε, μένετε νότια σὴν Παναχίαν.
Καὶ τὸ ταχὺ μ' εὐλαβείαν, με κόπον, με νηστίαν
Τὸν Ἄθων' ἀναβαίνετε με πλείστην προθυμίαν
Κ' εἰ μὲν συμφωνήσετε μ' ἔλην τὴν τυνοδιαν,
Τὴν νότια μένετε ἐκεῖ, καὶ κάμνετ' ἀγρυπνίαν.
Σὰν ξημερώσῃ τὸ πρωὶ ποιεῖτε λειτουργίαν.
Ἐπειτα καταβαίνετε πάλιν σὴν Παναχίαν.
Καὶ γευματίζετε ἐκεῖ μετ' εὐχαριστίας....

Такъ стихотворилъ, много лѣтъ назадъ, подобный мнѣ поклонникъ ¹⁾, изъ Лавры св. Аѳанасія взбиравшійся на верхъ Аѳона. Видно, что въ его время сходявшіеся въ Лавру на

¹⁾ Нѣкто *Πορφύριῳ*, проигумень созонопельскаго монастыря св. *Ἰωάννα* предтечи, что на черномъ морѣ, бывшій потомъ митрополитомъ никейскимъ. Стихотворное «обхожденіе» (*περίοδος*) его св. Горы напечатано въ Монофоконовой: *Palaeographia Graeca*. 1708 г. pagg. 501—505. Въ концѣ стиховъ поэтъ просить у читателя прошенія. Есть—въ чѣмъ, и есть—за что простить его. Не простиительно одно,—что не сказали намъ, когда онъ живъ.

праздникъ преподобнаго (5 іюля) имѣли обыкновеніе, на слѣдующій день, посѣщать верхушку горы. Время года въ самомъ дѣлѣ весьма благопріятное къ тому. Ранѣе и позже того, на крайнихъ высотахъ Аоона чувствуется холодъ, особенно ночью. При томъ же избытокъ влаги въ весеннемъ и осеннемъ воздухѣ весьма часто вѣнчаетъ темя горы облаками, сквозь которыя пыливый глазъ зрителя напрасно бы искалъ увидѣть ту дивную и несравненную панораму, которая оторванному отъ суеты земной сердцу ипока, по выраженію одного посѣтителя верха аоонскаго, говорить «невѣдомымъ языкомъ неслышимые глаголы невидимаго міра»,—столько внятныя и столько грустныя и столько сладкія, что еслибы не слезы, ихъ не вынесъ бы сдавленный и сокрушенный организмъ. О горы, горы! *На горы, душе моя, воздвижемся, отнюдуже помощь идетъ.* Опять пѣлся этотъ, издѣтства запавій въ глубь души, стихъ умиленнаго священноисца! И гдѣжь приличіе было ему сходить съ привычныхъ устъ, какъ не на Горѣ, къ которой съ юныхъ лѣтъ стремилось воображеніе (если не сердце), какъ къ нѣкоему святилищу, отъ котораго дѣйствительно *помощь идетъ*, какъ бы неизсякаемою нѣкою струею дарованій стекая съ ея благодатныхъ высей. «Одинъ видъ Горы сей, говорилъ мнѣ одинъ добрый инокъ, имѣеть въ себѣ силу, какой не имѣють 100 вечночныхъ бдѣній». Если такова святая Гора издали, то можно представить, какихъ чувствъ не ввѣсть она въ душу идущаго по ней? Я имѣлъ слабость отъ нетерпѣнія заранѣе рисовать себѣ картину ожидаемаго утѣшенія; ибо знакомъ уже былъ съ горами, хотя и не *святими*, и хорошо зналъ, какимъ тонкимъ и чистымъ холодомъ вѣсть отъ нихъ—даже не отмѣченныхъ исторіею, даже не прикрашенныхъ славою—на посѣтителя, которому очеловѣченный пизъ земли не внушаетъ болѣе мысли о небѣ. Но здѣсь нѣчто новое, еще невѣдомое, еще не испытанное, чаялось мнѣ. Здѣсь не Пар-

насъ уже быть передо мною съ его чарующею панорамною баснословія, скорѣе къ земли, чѣмъ отъ земли влекущею мысль путника. Не Аполлонъ съ лирою и пѣснью ожидалъ меня на верху горы, а духъ чудотворящаго подвижничества съ молитвою и благословеніемъ. Весь студный запасъ благаго одушевленія я несъ съ собою на гору, чтобы тамъ направить его, какъ отрицательный токъ духовной жизни къ положительному влиянію неба, и вызвать искру. Но зачѣмъ предварять то, что будетъ въ свое время? А можетъ быть еще и не будетъ. Въ душѣ нѣтъ своихъ, урочныхъ, приливовъ и отливовъ. Взойди на святую Гору, можетъ быть увидишь подъ собою одинъ только географическій Аэонъ, одну физическую громаду камня, и ничего болѣе, — скажешь только вмѣстѣ съ Страбонемъ, что это «гора сосцевидная, острѣйшая, высочайшая», что «обитающіе «на верхушкѣ ея видятъ восходящее солнце за три часа прежде, чѣмъ жители восточнаго поморья», или, вмѣстѣ съ другимъ путешественникомъ, — что заходящее солнце стелеть тѣнь ея по всему морю, по Малой Азии и наконецъ по небу! Подождемъ. А между тѣмъ отведемъ взоръ отъ подавляющихъ громадностію высотъ къ скромной подошвѣ ихъ, чертимой тонкою нитью съ движущимися по ней нитью точками, это были мы, смиренные поклонники, пробиравшіеся тонувшею въ кустарникѣ тропою къ *скиту св. Іоанна предтечи* на ночлегъ, 22 числа августа 1859 г., вечеромъ.

Мы давно уже оставили дорогу, ведущую отъ Лавры къ монастырю св. Павла, и взяли направленіе къ югу. Вскорѣ увидѣли передъ собою на высотѣ холма возводимое зданіе, довольно обширное для пустыни. Когда мы приблизились къ нему, окрестность огласилась веселымъ, хотя и нестройнымъ, звономъ, которымъ насъ привѣтствовало *молдавское* братство новаго скита. Съ перваго раза было видно, что скитъ сей взялъ за образецъ себѣ нашъ русскій «Серай» или скитъ св.

ап. Андрея. Съ перваго же раза долгомъ челоѡволюбія было пожелать ему и серайскихъ успѣховъ. Въ настоящее время онъ пока состоитъ изъ стараго дома съ малою церковію, половины новаго дома и выведеннаго до овецъ новаго «собора», украшаемаго съ роскошью, неожиданною для начинающагося скита. Мы нашли стадо безъ пастыря. Начальникъ обители отправился въ свое отечество за сборомъ. Братство утѣшило насъ своимъ великимъ смиреніемъ, братскимъ радушіемъ и истинно иноческою простотою. Бѣдность—по выраженію афонскому: *святая*—печатаѡла себя на всемъ, но не на душѣ добрыхъ отшельниковъ. Душѣ видимо была полна даровъ Божіихъ. Подъ убогимъ кровомъ преобразуемой въ скитѣ келіи провели мы исполненную глубокой тишины пустынной ночи.

Воскресеніе. Весьма любопытно было для меня видѣть и слышать румынское богослуженіе. Я воспользовался столько благоприятнымъ къ тому случаемъ. Ради праздничнаго дня, утреня совершалась съ возможнымъ чиномъ и благолѣпіемъ. Малая, и весьма не взрачная, церковь то освѣщалась яркимъ свѣтомъ свѣчь, то погружалась почти въ совершенный мракъ, при мерцаніи двухъ закрытыхъ лампадъ, освѣщавшихъ только книгу чтеца, при чтеніи нестопсалмія и псалтири. Братія то стояли, то садились. Поклоны дѣлались только въ урочное время. Канонархъ, лишній совершенно при греческомъ пѣвнн, не казался менѣ лишнимъ и здѣсь. Во всемъ видно было строгое слѣдованіе греческому порядку, безъ малѣйшаго отступленія въ пользу особенностей языка и народности. Отъ того можно совершенно забываться, и воображать себя между греками. Но изрѣдка слышимые славянскіе звуки обличали хотя того же плана, но не ту же постройку. И что за чудная смѣсь! Слышится какъ будто: *Κορις ελεητων*, а различается: *Domine* милуѣшти. Какъ сочетались между собою: *Dominus* и: *милуо*? Слышная

подобныя необычайности, сначала чудисься, а потомъ восторгашься духомъ, вразумляясь, какъ бы противъ воли, во вселенское значеніе Христовой Церкви, — единого стада Единого Пастыря! Многихъ соотчичей плѣняетъ и радуеть, когда они слышатъ родное слово въ устахъ чуждаго народа, и въ частности — въ богослуженіи Румыновъ. Огрубнѣмъ отъ дѣтскаго тщеславія. Пусть слово наше не слышится тамъ, гдѣ оно не понимается. Пусть вмѣсто него слышится лучше, не менѣе *наше*, православіе, — общее намъ со всеми другими народами единой, святой, соборной и апостольской Церкви! Приятное всегда должно уступать полезному. Это житейски-мудрое правило приложимъ и къ дѣлу вѣры. Полезнѣе намъ слышать въ открытыхъ къ намъ устахъ Румына: *miserege*, нежели въ отвлеченныхъ отъ насъ: *милуѣшти*. Полезнѣе (да, конечно, и — приятнѣе) имѣть въ лонѣ православія цѣлый народъ и языкъ *латинскаго* племени, чѣмъ безхарактерную смѣсь греко-славяно-албано-латиновъ. Говорю это съ цѣлю приготовить себя и другихъ къ весьма возможному, и даже вѣроятному, изгнанію славянскихъ словъ изъ языка *романскаго*, о которомъ весьма заботливо помышляютъ въ Валахії и Молдавіи тамошніе патриоты. Да не опечалить насъ и да не охладить насъ къ достойному всякаго сочувствія православному братству румынскому этотъ остракизмъ славянскаго языка! Напротивъ, — да послужитъ намъ примѣромъ къ подобному же освобожденію и своего роднаго слова отъ нашедшихъ на него двадцати языковъ. Увлекаясь блестящимъ представленіемъ разнообразнаго въ единомъ, столько приличнаго Христовой Церкви, я желаю даже, чтобы румынское богослуженіе отличалось и румынскимъ плѣніемъ. Ибо думаю, что греческіе напѣвы (гласы) приятны и умилительны въ Греціи и между греками, какъ наши — у насъ; но ни тѣми, ни другими не ограничивается конечно область молитвеннаго плѣспословія.

Между утренней и обѣдной былъ небольшой промежутокъ. Къ литургіи подошелъ одинъ, славный на всю св. Гору, псалтъ, молдаванскій родомъ, въ совершенствѣ знающій греческое пѣніе. Онъ пѣлъ, въ утѣшеніе наше, одно изъ самыхъ трудныхъ музыкальныхъ сложений *тѣси херувимской*, но не только не плѣнилъ сердечнаго слуха моего, а напротивъ еще болѣе заставилъ меня пожелать, чтобы новый кукузель изыскалъ и новые способы умилять душу, отыскавъ ихъ не въ книгахъ и не въ своей душѣ, уже привыкшей судить и чувствовать по книгамъ, а въ глубинѣ народнаго чувства, въ изліяніяхъ его чистой, безстрастной скорби по лучшему бытію, какъ удалось намъ отыскать наши 8 *масовъ*, чистыхъ, возвышенныхъ и трогających, и утѣшающихъ, и печалующихъ, и восторгающихъ духъ, столько же своего мѣною звуковъ, тоновъ и темновъ, сколько и содержащихся въ словахъ пѣсни мыслию.

Съ полночи погода перемѣнилась. Все утро шелъ дождь. Послѣ долгихъ разсужденій: что дѣлать и на что рѣшиться, положено было ѣхать впередъ, по пр. мѣрѣ до келліи: *керасья*, а тамъ «высматривать время». Кстати на тотъ часъ прояснилось небо, а прибывшіе съ горы пѣлеходы увѣрили, что «съ той стороны ничего нѣтъ». Довольно неясное и уклончивое, свидѣтельство это очевидцевъ *той стороны* послужило однакожъ нашему нетерпѣлиію достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы не терять времени. Нанутешествованные всѣмъ пустыннымъ радушіемъ добрыхъ скитниковъ, мы отправились въ высъ Аѳона. Занимающаяся обитель еще долго привлекла къ себѣ взоръ мой. Что изъ нея выйдетъ? Составится ли хотя одинъ значительный приютъ на св. Горѣ для народа, столько вѣковъ обстраивавшаго, питавшаго и содержавшаго, можно сказать, всю св. Гору, и присельствовавшаго на ней всегда только сграницчески, служебно и работно? Встрѣчаются въ исторіи явленія, надъ объясненіемъ коихъ считается излишнимъ трудиться, — до

того они кажутся естественными, — а между тѣмъ они составляютъ загадку, содержащую въ себѣ смыслъ, безъ сомнѣній глубоко поучительный. Для меня же, чѣмъ ближе по видимому подходить я къ рѣшенію ея, тѣмъ печальвѣе казалось изслѣдованіе. Вотъ опять они созидаютъ—эти Влахи, вѣчные работники св. Горы,—созидаютъ, по обычаю, въ размѣрахъ широчинъ и какъ бы непосильныхъ. Для *кого* созидаютъ? Вотъ опять падшій властелинъ сыплетъ червонцы на великолѣпное мраморное убранство церкви. А кто знаетъ, не останется ли еще разъ отъ его усерднаго начинанія все таже мертвая буква, начертанная гдѣ нибудь на мраморѣ, или на итукатурѣ, такъ часто и такъ равнодушно встрѣчаемая на св. Горѣ, — гласящая: «вдвигеніемъ такого-то Ю. воеводы угро (или молдо-) влахійскаго создася», и пр.?

Съ возвышеніемъ нашимъ на Гору, намъ поминутно начали открываться новыя и новыя виды на сходящія къ морю зеленые края ея и на самое море, открытое до дальняго эллиспонта. Но скоро мы лишены были этого удовольствія. Съ быстротою вѣтра, на насъ налетѣло облако, и закрыло отъ насъ все, даже — насъ самихъ другъ отъ друга. Оно густѣло по мѣрѣ того, какъ мы подавались впередъ, и наконецъ стало падать на насъ дождемъ, по временамъ проливнымъ. Такъ мы ѣхали часа два, поднимаясь все выше и выше, едва различая сосѣдъ сосѣда, и съ ужасомъ смотря съ одной стороны на грозныя скалы, неожиданно выступавшія изъ тумана впереди дороги, а съ другой — на матово-бѣлую бездну, въ которой тонули чуть обрисовывавшіеся верхи деревъ. Это занимательное, но прискорбное, обстоятельство лишило меня удовольствія видѣть самую дикую пустыню аонскую, въ которой прозябали и благоухали лучшіе цвѣты человѣчества, дававшіе плодъ, вѣдомый одному Богу. Путь нашъ былъ труденъ и томителенъ. Скучное удовольствіе сознанія себя въ облакахъ не вознаграждало себою

постоянной муки отъ страха разбитыя о первый сукъ нависшаго надъ дорогою гигантскаго дерева, или о камень, скользящій подъ копытомъ животнаго. Требовалось непривычное, одновременное, вниманіе къ тремъ — четыремъ разнороднымъ предметамъ, а въ незатворенную дверь души тѣснилась еще не нужная память столькихъ другихъ, въ минувшемъ, путешествій моихъ по разнымъ горамъ — отъ Урала до Аппенинъ, влекшая за собою безконечную вереницу мыслей, образовъ, ощущеній. «Берегитесь», вскричалъ мнѣ заботливый спутникъ въ одиомъ, болѣе другихъ трудномъ, мѣстѣ. Въмѣсто мысли объ осторожности, слово его мнѣ допесло изъ тумана образъ его самаго, а съ образомъ память другаго нашего совокупнаго путешествія съ нимъ. На бѣломъ полѣ воздуха мнѣ вдругъ очертился видѣнный тогда стволъ дуба или каштана, обвитый густо плющемъ; въ ухахъ прозвучали давно забытыя слова: «о дружба! это ты!» сказанныя тогда спутникомъ безъ особенной конечно мысли. *Безстыдная*, по выраженію подвижниковъ, *птица*, т. е. мысль, привязалась къ пойманнымъ, такъ сказать, на лету словамъ, или точнѣе — къ поэтической формѣ ихъ, и стала составлять въ подобіе ихъ другія вариации на ту же тему — въ ожиданіи новаго слова и новаго образа. Утомленіе есть тотъ-же сонъ! Наконецъ въ немалому утѣшенію нашему, туманъ началъ рѣдѣть со стороны юга. На немъ стали обрисовываться какъ бы малые острова, съ извивистою каймою, на подобіе рисунныхъ на географическихъ картахъ. То были глубокія отверстія облака, сквозь которыя не безъ радости усмотрѣно было нами, далеко внизу рябѣющее и блестящее подъ лучами солнца, море. Вскорѣ и на насъ палъ живительный лучъ запоздавшаго свѣтила. Все приняло веселый видъ. Удалявшійся отъ насъ, паръ получилъ тѣ самыя легкія и игривыя очертанія облаковъ, которыя такъ плѣняютъ взоръ, устремленный къ нимъ съ долу земнаго. «Величіе міра сего! это ты!» восклик-

пуль я на прежде заданный толъ. Это твой образъ, чарующій отдаленное отъ тебя ничтожество, и охватывающій его—вошедшее въ тебя—мглою и пустотою! «Лучезарное прошедшее! это ты!» Это твой образъ, въ которому съ такою любовью и отрадою принимаетъ мысль, влекомая полетомъ времени къ отцвѣтающему будущему, и отъ котораго въ свое время усильно отвращалась, тяготивая его тусклымъ покровомъ, его крѣпкими невзгодами!» О, наука! это ты» — *ars longa*, — летучая, воздушная, призрачная, — изъ ничего составляющаяся и въ ничто обращающаяся, — не вѣсть, откуда идущая, и не зная, куда уходящая! Это твой образъ, — зримый и неуловимый, уловленный и незримый! Кто далекъ отъ тебя, тотъ не нарадуется на обликъ твой. А кто войдетъ въ глубину твою, не зрять въ тебѣ ничего, кромѣ паровъ и тумана — тусклаго, хотя и свѣтлаго, — разсѣянаго и разсѣивающаго, давящаго и проникающаго плоть и кости! «О, *vita brevis!* это ты!» «О, надежда! это ты!» О, ... и пр. Не было конца этимъ вешникамъ, выдвинутаго парами небесными, краснорѣчя, если бы новость предметовъ не разбудила задремавшаго работника дѣйствительной жизни, — разсудка.

Мы прѣхали къ келли: *Керася*, или *Кераша* — по выговору соотчичей. Это самая высшая по мѣстоположенію, обитель аеонская. Намъ нужны были покой, теплота и хлѣбъ. Все это въ избыткѣ мы нашли у убогихъ келліотовъ. Отдохнувши и обсохши, я вышелъ взглянуть на древности керасійскія, — остатки времени еще языческихъ. Ихъ описывали мнѣ въ видѣ огромныхъ стѣнъ такъ называемой виллопской постройки, простирающихся уступами по скату горы на большое пространство. Я могъ видѣть ихъ только издали. Это были сѣрыя груды каменной съ геометрическими очертаніями, обнаруживающими несомнѣнно участіе въ нихъ труда человѣческаго. Впрочемъ видъ ихъ мало отличался отъ естественныхъ обрывовъ скалы, чуть

ли не составляющей наибольшую часть древних построекъ. Видно, что Иродотовскіе Аѳонцы старались по возможности довольствоваться тѣмъ, что доставляла имъ природа, и о зданіяхъ вѣковѣчныхъ мало помышляли. Такова была издревле задача св. Горы! У меня съ собой была выписка объ Аѳонѣ изъ Страбона. Давно хотѣлось мнѣ взглянуть на любезную гору изъ древности болѣе глубокой, чѣмъ всеъ святогорскія свидѣтельства, преданья и повѣрья о ней. Настоящая минута благоприятствовала тому. Мѣсто, на которомъ я стоялъ, безъ сомнѣнія принадлежало одному изъ давно исчезнувшихъ пяти городовъ аѳонскихъ, и именно: *Акрѳою*, т. е. аѳонскому Вып-городу. Вотъ, что сообщаетъ *Страбонъ* объ аѳонскомъ полуостровѣ:

«Аѳонъ имѣетъ пять городовъ: *Діонъ*, *Клеоны*, *Θυεσσъ*, *Олоѳиксъ*, *Акрѳою*. Послѣдній лежитъ у вершины Аѳона. «Это гора высокая, сосцевидная. Въ то время, какъ орющіе «на вершинахъ ея уже устаютъ отъ солнечнаго зноя, у обитавшихъ на берегу только что начинается цѣніе вѣтхуховъ. «На берегу этомъ царствовалъ Фракіецъ *Θάμιριςъ*. Занятіе «его было то же, что и Орфеево. Здѣсь же показываютъ и «прокопъ возлѣ *Аканѳа*, которымъ Ксерксъ пересѣкъ Аѳонъ, «и прошелъ изъ стримонскаго залива, проведши въ него (прокопъ) море. *Димитрій скипсіейскій* не думаетъ, чтобы плавали «когда нибудь прокопомъ этимъ. Здѣсь *Александръ* Антипатровъ «выстроилъ городъ *Уранополь*, имѣющій 30 стадій въ окружности. Заселили же полуостровъ сей нѣкоторые изъ *Пеласговъ* «съ острова: *Лилно*, раздѣлившіеся на пять городковъ: Клеоны, «Олоѳиксъ, Акрѳою, Діонъ и Θυεσσъ».

Тѣ же самые пересчитываетъ на Аѳонѣ города и *Иродотъ*. Только на перешейкѣ, «гдѣ обанчивается Аѳонъ», по словамъ его стоитъ греческій городъ: *Сидни*, а не Уранополь, какъ говоритъ *Страбонъ*. По всей вѣроятности городомъ неба

вмѣсто сапей переименовалъ его недантъ Алексархъ, какъ столько другихъ *Имярьскъ-полей* явилось въ послѣдствіи въ Фракіи и Мисіи при императорахъ, въ замѣнѣ мѣстныхъ, народныхъ именъ. (*Струмища*—Тиверіополь, *Плоддивъ*—Филиппополь, *Преслава*—Іоаннополь, Марціанополь, Аркадіополь, Теодосіополь, Максиміанополь, Діоклитіанополь, Адріанополь, Траянополь, Клавдіополь... и пр.—всѣ, конечно, водворившіеся на мѣстахъ какихъ нибудь «варварогласныхъ» городовъ и селъ). Впрочемъ кромѣ *Сани* и *Уранополя* въ той же мѣстности упоминается еще и *Аканъ* городъ или покрайней мѣрѣ пристань при морѣ. Хиосецъ *Скимизъ* ¹⁾ въ своемъ стихотворномъ «путешествіи» называетъ его «приморскимъ городомъ, заселеннымъ *Андрійцами*» (жителями острова: Андро), лежащимъ при самомъ Проконѣ Ксерксовомъ. Чтожъ касается до внутреннихъ городовъ полуострова, археологамъ предлежитъ трудъ и честь разставить ихъ по своимъ мѣстамъ. Въ обонхъ Страбоновыхъ спискахъ они размѣчены различно. Въ первомъ никакого слѣда географическаго соображенія писателя замѣтить нельзя. Во второмъ оно обозначается. Извѣстно, что полуостровъ вытягивается въ море длиннымъ, изломаннымъ параллелограммомъ, отъ самаго материка мало по малу возвышающимся, и въ самой оконечности вставшимъ острымъ пикомъ. Естественно потому искать бывшихъ заселеній его либо на той, либо на другой сторонѣ его. Взявши за точку исхода въ этомъ изслѣдованіи имя *Акрополя* (въ мѣстности боего не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія), помѣщеннаго Страбономъ посерединѣ остальныхъ четырехъ именъ, мы на долю каждой изъ сторонъ присуждаемъ по два города. Какіе на какую назначить, мы не беремся. Кто удосужится, и сочтетъ возможнымъ и полезнымъ

¹⁾ Σκίμιον Χίου Περιήγησις. См. Συλλογή τῶν γεωγραφηθέντων. 1807. Том. 1, стр. 542.

рѣшить вопросъ этотъ, тому поможетъ въ трудѣ его вромѣ археологін и топографія полуострова. Мы съ своей стороны считаемъ долгомъ въ руководство будущему изслѣдователю сообщить, вромѣ показаній *Продота* и *Страбона* ¹⁾, еще свидѣтельство *Скилака* ²⁾ географа, который съ болѣею, чѣмъ оба тѣ, опредѣленностію размѣщаетъ старо-аѳонскія заселенія. Онъ плылъ въ своей книгѣ отъ Македоніи къ Фракіи, слѣд. съ юга на сѣверъ, и подѣжалъ къ св. Горѣ съ ея юго-западной стороны (какъ и упомянутый стихотворъ *Симпль*), и такъ какъ при этомъ строго держался прибрежія, то и можно съ достовѣрностію полагать, что перечислять города въ томъ порядкѣ, въ какомъ ихъ видѣтъ. Только вмѣсто пяти у него являються шесть городовъ. Вромѣ упомянутыхъ пяти у него есть еще городъ: *Харадріи*. На юго-западную сторону приходится так. обр., по его показанію, три города, а на сѣверо-восточную— два.

Неудержимо влечетъ меня къ себѣ древность. Разъ коснувшись ея даже не паромомъ, не хочется уже разстаться съ нею,—покр. мѣрѣ хочется сказать все, что доступно моему вѣдѣнію и разумѣнію о томъ или другомъ ея предметѣ. Оставить трехъ старыхъ рассказчиковъ объ Аѳонѣ разногласить между собою не хочется, а помирить ихъ не предвидится возможности. Прибавлю къ нимъ еще четвертаго, писателя съ высокимъ талантомъ и первостатейнымъ авторитетомъ,—*Фукидида*, который самъ воевалъ близъ Аѳона; и жилъ въ сосѣдней

¹⁾ Показанія, согласныя не только въ именахъ городовъ, но и въ томъ, что у обоихъ *Акровой* занимаетъ среднее мѣсто. Вотъ для сличенія оба они: *Продотъ*: *Діонъ*, *Олофиксъ*, *Акрѳоонъ*, *Фресъ*, *Клеоны*. *Страбонъ*: *Клеоны*, *Олофиксъ*, *Акрѳоонъ*, *Діонъ*, *Фресъ*.

²⁾ *Σκυλακος Καρυαυδέως Περιπλους*. См. тамъ же. Стр. 58. Вотъ его размѣщеніе: *Скилаксъ*: *Діонъ*, *Фресъ* (sic), *Клеоны*, *Аѳонъ гора*, *Акровой*, *Харадріи*, *Олофиксъ*.

Оракии. Онъ весь полуостровъ аонскій называетъ именемъ: *Акти*, что значитъ: выдающійся берегъ или мысъ, съ свойственною ему точностію, опредѣляетъ мѣсто города *Сани*, полагая оный на оконечности Кееркова Прокопа, обращенной къ острову Эввіи, слѣд. на южномъ приморьи аонскаго перешейка. *Аканозъ*, такимъ образомъ, согласно съ Скилакомъ, займетъ мѣсто у противоположной оконечности Перекопа, на сѣверномъ приморьи. Исходныя точки изслѣдованія по сему обозначаются со всею желанною точностію. Срединная точка—*Акрѳоои*—также не подлежитъ сомнѣнію; ибо и Оукидидъ ставитъ городъ сей, подобно другимъ писателямъ, среднимъ между остальными. «Другіе же города, говоритъ онъ, на Акти суть: «*Өуссъ*, *Клсоны*, *Акрѳоои*, *Олофуксъ* и *Діонъ*». Еще новая разстановка! Но уже ее не трудно принять за окончательновѣрную. Отъ Скилаковой—наиболѣе вѣроятной—она почти не отличается. Разница въ городѣ *Діонъ*. Изъ сличенія обѣихъ писателей видно, что *Діонъ* лежалъ ближе всѣхъ другихъ городовъ къ перешейку, и, думать надобно, занималъ мѣсто не при томъ или другомъ морѣ, а гдѣ нибудь посерединѣ, еще мало возвышающагося тамъ, хребта аонскаго, такъ что могъ быть причисляемъ и къ южному и къ сѣверному ряду городовъ. Въ древнѣйшихъ (XI в.) святогорскихъ актахъ упоминается монастырь *Кеирокастра*, т. е. Сухой вѣрности. Кто жилъ въ Греціи, тотъ знаетъ, что словомъ: *кастро* означаетъ съ давнихъ временъ у цыпѣнскихъ грековъ: старый городъ, *городище*. Это-то «сухое городище» и могло быть остаткомъ одного изъ исчезнувшихъ городовъ, и можетъ быть именно *Діона*, какъ наиболѣе важнаго, по видимому, изъ всѣхъ пяти другихъ. Къ сожалѣнію и самый монастырь кеирокастрійскій давно уже исчезъ и изъ актовъ и изъ памяти святогорцевъ. За тѣмъ порекомендовавши будущему изслѣдователю держаться Оукидидовой росписи, мы оканчиваемъ дѣло съ городами.

Кто жилъ въ стародавнія времена на Аѳонѣ? Въ Греціи подобный вопросъ всегда находится въ связи съ другимъ: кто населилъ первоначально то или другое мѣсто? Отънесенность предѣловъ древней Греціи и сухая почва ея издревле гнали предприимчивый народъ вонъ изъ отчизны. Страсть къ поселеніямъ сдѣлалась болѣзнію наслѣдственною всего племени. А можетъ быть само это племя научилось странствовать и переселиться отъ другихъ народовъ, не разъ набѣгавшихъ на Грецію съ мирнымъ оружіемъ торговли и просвѣщенія. Такъ или иначе, только въ древности первое слово на устахъ грека историка или географа было: *къмъ*, т. е. какимъ изъ городовъ греческихъ, *заселено* то или другое мѣсто земнаго шара? Конечно при этомъ не обходилось безъ предположеній и самохвальныхъ притязаній, охотно прощаемыхъ передовому народу древности ради его великихъ услугъ челоуѣчеству; но болѣею частью утвержденія греческихъ писателей о заселеніяхъ ихъ предковъ по берегамъ морей Великой Пучины и эвксинскаго Понта должны имѣть полную достовѣрность. Итакъ *кто* заселилъ Аѳонъ? По Страбону, *Эретрійцы* (жители важнаго въ древности города на островѣ Эввіи т. с. Негрепонтѣ) населили города около *Паллины* (противолежащаго Аѳону полуострова) и *Аѳона*. Чтò нибудь, конечно, они заселили, но чтобы въ такой обширности, какъ увѣряетъ Страбонъ, въ этомъ можно усомниться. Самъ же онъ поможетъ намъ въ этомъ, и безъ того не трудномъ, дѣлѣ. Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что жители 5 аѳонскихъ городовъ были *Пеласги* съ сосѣдняго острова *Лимно*, а на Паллинѣ жили *Гиманты*—народъ «нечестивый и беззаконный». Несомнѣнно можно положить только то, что перешеечный городъ *Сани* былъ дѣйствительно населенъ греками, и именно Андрійцами. Иродотъ называетъ его Πεδις ἄλλης. Не смотря однакожь на все это, Скилаксъ всѣмъ шести городамъ аѳонскимъ придастъ любезное ему имя: Ἑλλήνισ.

И здѣсь мы опять завершимъ разборъ свой Оувидидомъ. Его свидѣтельство положительнѣе всѣхъ другихъ. «Въ нихъ (городахъ аѳонскихъ) живутъ, говоритъ онъ, народы варваровъ двуязычныхъ; есть часть небольшая *Халкидцевъ* ¹⁾, но большая часть Пеласговъ—*Турсиновъ*, заселившихъ нѣкогда и «Лимнъ и Аѳины,—есть часть *Висалтійцевъ* и *Кристонцевъ*, «есть и *Идоны*. Живутъ же въ малыхъ городкахъ» ²⁾. Вотъ сколько народовъ жили нѣкогда на св. Горѣ, какъ бы въ предзнаменованіе нынѣшней ся разнонародности! Не ушелъ я такъ обр. отъ «Пеласговъ». Если не на Тайгетѣ, то на Аѳонѣ встрѣтился съ ними! Но какъ я удивленъ былъ, узнавши здѣсь изъ Оувидида въ первый разъ, что первые заселители славныхъ Аѳинъ были нѣкіе *Турсины* (*Tursinoi*). Латинскій переводчикъ Оувидида передаетъ ихъ именемъ: *Turtheni* т. е. *Этруски*. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же Оувидидъ, описывая италянскую кампанію Аѳинянъ при Никіѣ ³⁾ называетъ Этрусковъ *Tursinoi*. Итакъ Аѳины заселены Этрусками! Итакъ Этруски суть Пеласги ⁴⁾. Не дойти бы мнѣ до такихъ блестящихъ открытій (для меня) и въ самомъ царствѣ Пеласгѣ—въ Пелопонисѣ, или въ Пеласгін, какъ называетъ нынѣшнюю Морею писатель *Эфоръ*! Чтожъ послѣ сего усиливаетесь вы, пламенные патріоты аѳинскіе, воображать, и хотя не вѣрить, но увѣрять другихъ, что Пеласги суть нынѣшніе Арваниты или Албанцы ⁵⁾?

¹⁾ Халкидикой называется весь македонскій полуостровъ.

²⁾ Оук. бп. IV, гл. 109.

³⁾ Оук. кн. VII, гл. 53 и 54.

⁴⁾ Мысль о Пеласгахъ—*Этрускахъ* или *Трускахъ* встрѣчается, и даже подробно развивается, и у Страбона. (Кн. 5, отд. 219—221). Но изъ словъ его выходитъ обратное заключеніе, а именно: что не Этруски италянскіе заселяли Элладу, а элладскіе Пеласги переселились съ Италію, гдѣ и назвались *Тирринями* (Этрусками) по имени вождя своего *Тирриня* Атуя.

⁵⁾ Въ 1855 г. въ Аѳинахъ издана грамматика албанскаго языка подъ названіемъ: *Пеласгикъ*. Въ духѣ той же идеи издается въ Греціи даже особенная газета.

Пора, давно пора возвратиться въ убогую келлію *Керасья*. Много осталось недоговореннаго объ Аѳонѣ той эпохи, когда онъ еще не былъ горою святою, хотя, съ помощію этимологической натяжки, и могъ называться горою *Невинною* ¹⁾. Но и то, что сказано, выходитъ далеко за предѣлы думъ и рѣчей смиреннаго «поклонника святыни». Нынѣшній Акроою съ большею справедливостію можно украсить именемъ *ἄλλοις*, чѣмъ прежній. Всѣ отшельники керасійскіе греки. Они видимо рады своему мѣсту, которое въ лѣтнее время можетъ поспорить въ удобствахъ съ наилучшими мѣстностями земли. Но зимою здѣсь могутъ жить только привыкшіе къ глубокому сѣверу. Не смотря на это впрочемъ, ни одинъ русскій нейдетъ сюда. При Барскомъ тутъ было пять или шесть келлій. Теперь я не видѣлъ иной, кромѣ той, въ которой мы остановились. При ней есть и церковь, въ коей въ урочныя времена братія освящаютъ свой тяжкій трудъ теплою конечно молитвою; ибо не имѣютъ празднаго времени для того, чтобы записаться разсѣянностію къ приходу въ церковь. Есть при келліи большой огорокъ со всѣми овощами сѣвера; но возлѣ огорода тутъ же и виноградникъ. Есть въ Керасья ели, дубы, орѣховыя деревья, каштаны и маслины, свидѣтельствующія о климатѣ многихъ широтъ земли. Такимъ и долженъ быть всенародный Аѳонъ!

Керасіоты славятся хорошою жизнію; чего и естественно ожидать отъ глубокой пустыни, ихъ окружающей и отъ горькой нужды, имъ сожительствующей. Гдѣ нельзя отличить старца отъ послушника иначе, какъ только по большому усердію въ работѣ и по меньшему желанію показаться передъ вами, тамъ конечно нельзя не признать присущимъ тотъ духъ истиннаго иночества, на зовъ котораго столько вѣковъ уже съ одинаковою охотою откликается челоѣчество, протестуя тѣмъ постоянно

1) Ἀθῶς — невинный.

противъ древняго на него завѣта въ желаніи быть божествомъ. Любезное міру я здѣсь слышится такъ рѣдко, что я даже не могъ услышать его въ теченіе двухчасоваго пребыванія у келіотовъ. Предметъ особаго рода привлечь къ себѣ мое вниманіе здѣсь. Я встрѣтилъ *дурачка*, молодаго послушника, жившаго прежде въ Руснѣ и отличавшагося образованіемъ. По общему мнѣнію, это не помѣшалный а *породивый*. Замѣчательное психологическое явленіе! Я считъ долгомъ воспользоваться благоприятнымъ для наблюденія случаемъ. Мнѣ хотѣлось вызнать изъ глазъ притворившагося скудоумца, до какой степени можно отпечатать мысль о своемъ безуміи на лицѣ, въ которомъ необходимо долженъ отражаться умъ. Разодранный халатъ, растрепанные волосы и странныя тѣлодвиженія ничего не значать въ подобномъ вопросѣ. Что же я намекъ за нимъ? Печальную, глубоко затаенную, усмѣшку, говорившую, кажется, всякому: и ты еще не прозрѣлъ! Еще не видишь передъ собой своего гроба? На вопросъ мой: зачѣмъ онъ тутъ, и что дѣлаеть, онъ отвѣтилъ внившимъ въ меня, но совершенно холоднымъ, и какъ бы не ко мнѣ относившимся, взоромъ. Это въ порядкѣ вещей. Я сказалъ ему: хочешь денегъ? Онъ немедленно протянулъ руку. И это не дивно. Мнѣ закричали сзади, чтобы я педавалъ ничего; потому что здѣсь денегъ не берутъ. Въмѣсто денегъ я подаль испытываемому платокъ. Онъ взялъ, и долго не отдавалъ его потомъ усиливавшимся отпять у него ненужный подарокъ, братіямъ. Здѣсь, конечно, онъ стоялъ уже на чертѣ вольнаго помѣшателства. Не—помѣшателство отдало бы сейчасъ вещь, которой нельзя удержать.

Время было отправляться въ дальнѣйшій путь. Спутники торопились, чтобы за-свѣтло добраться до *панани* — обычнаго мѣста почлега горныхъ странниковъ. А я желалъ бы еще продлить добрыя впечатлѣнія гостепріимной келліи. Она мнѣ напомнила нашъ угрюмый, полузабытый уже мною, сѣверъ. Пере-

смотрявши столько мѣстъ на св. Горѣ, я не разъ спрашивала себя: по мнѣ ли та или другая обитель, тотъ или другой уютъ отшельнической, доль, лѣсъ, вертепъ, приморскій берегъ? До сихъ поръ отвѣта утвердительнаго небыло. Въ первый разъ здѣсь мнѣ показалось, что мѣсто это похоже на то, которое издавна рисовалось передъ взоромъ души, мечтавшей объ иноческомъ подвигѣ. Здѣсь бы жить *деумъ или триемъ, собраннымъ во имя Христова!*» О, какъ бы дружно мы потекли по «тому тѣсному, скорбному пути самоотверженія и христіанскаго подвижничества!» Столько памятныхъ изъ одного дружескаго письма слова эти, излетѣвшія отъ самой свѣтлой и чистой личности, какую я знавала, мнѣ припомнились конечно и здѣсь, и при томъ — въ самой рѣзвой очертательности и грустной до слезъ исторической обстановкѣ. Гдѣ, какъ не на Аѳонѣ мѣсто для подобныхъ припамятованій? Да, потекли бы... но гдѣ же ты, утекшій еще въ юности отъ друзей своихъ въ даль недостижимую 1)?

---

1) Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ того же письма, отиѣченныхъ глубоко грустнымъ краснорѣчіемъ, какъ бы послѣднимъ стономъ жертвы, обреченной на закланіе: «... не думай... я не элегію пишу, — пишу горькую истину. Проща, прокатилась, умчалась въ вѣчность та пора, когда съ нею были небывалыя чувства, когда бумага оживлялась неизвѣстнымъ мнѣ самому жаромъ, когда свѣтлыя мысли зажигалась отъ чужаго солнца... Быстро летятъ дни моей жизни, и я, какъ старикъ при гробѣ, смотря на блещущіе цвѣты ея, смотрю, и — черная, несносная, тоска давить сердце. Жадно простираю я взоръ свой въ будущее, какъ бедуння въ ожиданіи каравана, и не слышу ничего, кромѣ воя вѣтровъ, не вижу ничего, кромѣ песковъ и пустыни. Другіе веселятся. У меня нѣтъ побужденій къ веселію. Всеъ вокругъ меня радуется. И мнѣ бы радоваться, но — чему? У другихъ есть кому повѣрить и свое горе и свое счастье, а у меня — я одинъ всегда! Вижу, куда направляются твои подозрѣнія. Ты думаешь, что я боленъ... О, нѣтъ! твои козозрѣнія напрасны. Не искра несчастной, безпадежной любви глѣдетъ въ груди моей. Нѣтъ. Я чуждъ всего этого, — я не знакомъ обстоятельнымъ удовольствіямъ женской привязанности. — Тебѣ извѣстно, что я близокъ — уже очень близокъ — къ тому распутію жизни, гдѣ поворотъ въ ту или другую сторону рѣшитъ окончательно борьбу мою. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и

Изъ гелліи взяты были нами св. сосуды и другія, потребныя для богослуженія вещи. Старцы напутствовали насъ благословеніями. Съ полчаса дорога наша шла мѣстностями, весьма пріятными, частію лѣсомъ, частію полянами, по землѣ мягкой и тучной, все поднимаясь косогоромъ до одного утеса, за которымъ открылось зрѣлище совершенно противоположнаго рода, — огромнѣйшая каменная покатость, отъ самой вершины горы, сходявшая въ пропасть, и вся заваленная темносѣрыми каменными глыбами, такъ какъ бы это была своего рода лава, изрыгнутая горою вѣроятно въ минуты неописаннаго ужаса, для всей окрестности. Это грозное и поразительное море каменное мы переѣзжали молча, какъ бы боясь чтобы движеніе наше по нему не нарушило его покоя, и массы не двинулись вмѣстѣ съ нами въ бездну. За тѣмъ опять начался лѣсъ огромныхъ сосенъ съ роскошною подъ ними зеленью. Подъемъ былъ очень крутъ, и измученныя животныя поминутно останавливались для отдыха. Наконецъ мы выѣхали на одну площадку, и увидѣли передъ собою двѣ малыя хижины, у коихъ и остановились. Это мѣсто называется по просту: *Богородица (пхухри)* отъ церкви, посвященной Божіей Матери, устроенной въ одной изъ хижинъ.

я не буду страшиться учительской ферулы. Но что будетъ тамъ со мною? Что ожидаетъ меня? О, безъ сомнѣнія не перстень обручальный. Я не могу, не хочу, не должевъ возлагать на себя цвѣточныя узы. Какой-то чуждый, неизвѣстный, голосъ уже давно, притомъ—безпрерывно, твердитъ мнѣ: ты не должевъ соединять своей участи съ участію другаго лица; иначе ты погибъ. Перѣдко переносюсь я мыслию къ первымъ вѣкамъ христіанства. — въ пески Египта, въ пустыни Палестины, въ дебри Авона. Мое намѣреніе зрѣть пока въ глубинѣ сердца, въ тайнѣ непроницаемой. Желаю и надѣюсь, что придетъ вѣкогда то блаженное время, когда предъ лицомъ неба и земли безболезненно, безраскаянно дамъ обѣтъ жити для одного Неба. О, какъ сладостна будетъ эта минута! Какое счастье она принесетъ съ собою для меня несчастнаго!...» и пр. А. Б. 26 янв. 1838. — Сладкоуханный цвѣтъ этотъ скосила смерть еще на ученической скамейкѣ, въ томъ же году. Миръ и покою вѣчный душѣ его!

Сладость отдыха увеличилась наставшею прекрасною погодою, полагать надобно, что мы были на высотѣ 5.000 футовъ. Глазъ обнималъ обширнѣйшій видъ на востокъ, югъ и частію западъ. Море, казавшееся плещущимъ у ногъ нашихъ, было такъ далеко, что большого труда стоило отыскать на немъ пробѣгавшій между горою и македонскимъ берегомъ пароходъ. Онъ казался малою щенкою. Острова Спорадскіе сивѣли темными пятнами на свѣтлой скатерти Архислага, уходящей далеко за нихъ до чуть видныхъ очертаній Пегропонта, коего высокій, столько знакомый мнѣ, конусъ *Дельфи* зрѣлся какъ бы на небѣ, отдѣленный отъ земной поверхности. И вся ломаная линія вѣсалийскаго берега до другаго подобнаго конуса горы *Оссы* видѣлась въ подробностяхъ, и звала душу невольно къ воспоминаніямъ время отдаленнѣйшихъ. Мнѣ зрѣлись какъ бы преемственно несущимися по морю и флотъ завоевателей Трои, и бѣдствующій флотъ Ксеркса, и флотъ Константиновъ, и флотъ крестоносцевъ и нашъ флотъ побѣдоносный,—разѣкавшіе нѣкогда сіи историческія воды. Зрѣлось и то малое судно, которое съ надутымъ парусомъ стояло неподвижно противъ магнитизовавшей его Горы, и высадило потомъ на нее ея перваго пустынножителя *Петра*,—и то, которое многократно приносило и относило «отца отцевъ» *Аванасія*,—и то, которое, во исполненіе святогорскаго устава, понесло нетлѣнные останки третьяго свѣтильника аѳонскаго *Павла* на противоположацій полуостровъ, но занесло въ Константинополь,—и столько другихъ кораблей, кораблецевъ и малыхъ ладій, въ теченіе многихъ вѣковъ несшихъ тѣми же водами къ тому же средоточію духовнаго подвига людей, желавшихъ избыть міра! Только одного корабля не могъ разглядѣть я за глубокою историческою мглою, не смотря на всѣ усилія души увидѣть его,—корабля, на которомъ, по преданію аѳонскому, принесена была нѣкогда Божія Матерь къ своему «достоянію».

Изъ міра минувшаго я вызванъ былъ къ настоящему хлопотами спутниковъ, производившихъ тригонометрическія съемки разныхъ отдаленныхъ точекъ обширнѣйшей панорамы. Вскорѣ заходящее солнце дало намъ возможность повѣрить и известное наблюденіе надъ тѣнію св. Горы, стелющеюся черезъ весь Архипелагъ до линіи горизонта, и встающей надъ нею вертикально въ видѣ пирамиды. Наблюденіе сдѣлано точно, хотя явленіе само довольно просто. Съ закатомъ солнца разлившаяся въ воздухѣ хладная сырость заставила насъ искать убѣжища внутри хижины около дымившагося всю ночь очага. Незабвенный Плака въ свой ночлегъ здѣсь не имѣлъ этого утѣшенія, ибо «не имѣлъ «при себѣ ни огня ни свѣтила. Потепль сый и утружденъ и «постелю имый нѣгя тамо обрѣтшіяся вѣтви кедровыя съ «листвіемъ колющимъ аки иглы, не безъ страданія» провелъ нашъ боголюбивый паломникъ «оную ночь, больше бдящи, нежели спящи». Въ такомъ же полуснѣ провели и мы свою ночь, улгнись тоже на колючихъ вѣтвяхъ. Мнѣ все думалось, что я увижу во снѣ бѣднаго странника, къ которому имѣю столько сочувствія. Въместо него приснился Алевивадъ! Не прошное послѣдствіе археологическихъ изслѣдованій минувшаго дня.

Радостно встрѣтили мы зарю дня, обѣщавшаго намъ высокое удовольствіе совокупнаго обозрѣнія всего аеонскаго полуострова. Отслуживъ въ церкви Богоматери утреню, мы пѣшіе стали взбираться по каменистому темени горы къ ея вершинѣ. Я облегчалъ трудъ восхода мысленнымъ пѣніемъ любимаго, и весьма соответствовавшаго обстоятельствамъ, стиха: *приидите, взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога нашего, и узримъ славу Преображенія его, славу яко единороднаго отъ Отца, свѣтомъ примемъ свѣтъ, и, возвышени бывши духомъ, Троицу единосущную воспоимъ во вѣки. Мы точно шли къ храму Преображенія, и точно шли пѣть Троицу единосущную и нераз-*

дальнюю. Черезъ часъ съ четвертiю я достигъ высшей точки горы, увидѣлъ тамъ малую площадку, и на ней церковь, и поклонился Господу на мѣстѣ, освященномъ тысячелѣтнею молитвою, и какою молитвою! Въ первый разъ еще я былъ на такой возвышенной точкѣ земли. Всегда плѣнительная для чувства, хотя и призрачная передъ судомъ разсудка, высота перестаетъ быть холоднымъ отвлеченiемъ, если способствуетъ къ восходу мысли отъ частнаго къ общему, отъ предѣльнаго къ безграничному и отъ временнаго къ вѣчному. Для меня, естественно теперь настроеннаго болѣе сердцемъ, нежели умомъ, быть на подобномъ возвышенiи надъ *земною* поверхностью казалось дѣйствительно оцутить себя на минуту между землей и небомъ. Совершенiе божественной литургiи восполнило то, чего могло недостаать въ семъ предоцущенiи неба. Впрочемъ не зачѣмъ скрывать того, что какъ снизу всего желаннѣе смотрѣть въ высоту, такъ съ высоты всего отраднѣе видѣть доль земный. Человѣкъ есть *земнородный*! Трепеть смерти не есть у него трепеть перестающаго бытiя, а есть ужасъ оземлеяной мысли передъ неземными формами новой жизни. О, еслибы не было за роковою чертою, отдѣляющею землю отъ неба, *человѣческаго* образа Сына Божiя, какихъ утѣшенiй лишился бы духъ человѣческiй, выступающiй изъ распавшейся обители тѣлесной въ безпредѣльное невѣдомое! На высотѣ холодно. Это извѣстный физическiй законъ. Онъ приложимъ и ко многимъ, не-физическимъ, явленiямъ мiра. Душу томить и разрушаетъ, а неживить и не радуется высота ея. Изъ слова Божiя знаемъ, что всякiй разъ, какъ человѣку являлся небожитель, тотъ трепеталъ, какъ бы не сознавая и даже боясь сознать, что съ его родины, его ближнiй, его родной былъ посѣтитель сей. На первообразной горѣ Преображенiя тоже самое доказали наилучше приготовленные къ мысли о высотѣ свои люди. Не устрашили Апостолы просвѣтленiя Лица

своего Учителя, ни снѣжной бѣлизны ризъ Его, ни самаго явленія съ Нимъ Моусея и Или. Ибо и просвѣтленное, какъ солнце, Лице оставалось все то же, и ризы были тѣ же, и собесѣдники Учителевы были люди. Напротивъ преображенное челоуѣчество восторгало духъ тайновидцевъ. *Добро есть намъ здѣ быти*, говорили они, не смотря на то, что говорили въ присутствіи Моусея и Или. Но чуть осѣнили ихъ свѣтлыми облакъ, и изъ облака раздался голосъ, *они падоша ницѣ, и убояшася зла*. Они вдругъ почувствовали себя за чертою «челоуѣческаго», и не вынесли своего отдѣленія отъ земли въ высоту небесную, не смотря на то, что были въ присутствіи своего Учителя! Мы привыкли къ давленію многихъ атмосферъ, и тонкій воздухъ горній слишкомъ легокъ для насъ. Таковъ воздухъ и афонской горы Преображенія! Дышать имъ долго нельзя.

По совершеніи бож. литургій въ убогомъ, паче описанія храмѣ, мы по русскому обычаю отслужили молебень святителю *Петру* московскому, всего память празднуется нынѣ, помняая при томъ нѣсколько близкихъ душѣ лицъ, украшенныхъ именемъ святителя, и празднующихъ день его, изъ коихъ одно, къ общему удовольствію нашему, было вмѣстѣ съ нами. Духовное утѣшеніе, по помощи природы нашей, не дѣлало однакоже лишнимъ тѣлеснаго. Любимое пятіе дальней отчизны самымъ желаннымъ образомъ явившееся къ услугамъ нашимъ, согрѣло продрогшіе отъ сырости члены, и возвратило бодрость тѣлу и веселость духу. Нѣсколько времени мы наслаждались великолѣпнымъ зрѣлищемъ, раскинутой въ глубинѣ подъ ногами нашими, обширнѣйшей панорамы. Желтизна ярко освѣщенныхъ солнцемъ близкихъ скалъ, зеленъ святошь горы, лазурь моря и фіолетовая рама отдаленнаго горизонта доставляли взору радужное впечатлѣніе несравненнаго цѣлаго. Монастыри казались одинокими буквами разбросанными по листу бумаги, и

въ общности едва замѣтны, даже—справедливѣе сказать—во-
все незамѣтны, такъ что извѣстное въ продажѣ изображеніе
св. Горы, усаженной монастырями, какъ деревьями, воспа-
ляющее вѣдиголобивый духъ соотчичей, надобно считать
сѣвѣннымъ до нечѣпости. Перспектива береговъ позволяетъ
различать самыя дальнія изъ обитателей съ одной стороны *Пан-*
дократора, съ другой—*Русикъ*. Ни *Ватопеда*, ни *славянскихъ*
монастырей не видать. Не видно и ближайшей *Лавры*. За то
холмъ *Морфину* представляется во всей своей имѣнительной
красотѣ. Всѣ гигантскія неровности горныхъ краевъ, ущелий
и отвѣсныхъ скалъ приморья исчезли, точно линіи горъ лун-
ныхъ, при полномъ освѣщеніи этой, самой пустынной изъ
обитателей, видимыхъ человѣческимъ глазомъ. Нѣтъ, еще разъ:
высокое и далекое не для насъ—дольныхъ и приземныхъ!
Какъ съ отрадою бывало возвращаешься, истомленный, подав-
ленный, обездушенный, изъ оптического путешествія по горамъ
и пустынямъ луны въ темный и тѣсный уголъ своего жилища,
такъ и теперь уже закрадывалось въ сердце томленіе отъ раз-
луки съ любезнымъ и роднымъ доломъ земнымъ, который, на
перекоръ правдѣ, началъ рисоваться въ самыхъ привлекатель-
ныхъ чертахъ и краскахъ! Кстати стали появляться въ разныхъ
мѣстахъ на зелени полуострова перебѣгавшія бѣлыя пятна,
быстро разраставшіяся въ сѣрыя массы облаковъ. Ихъ обра-
зованіе, передвижка и летѣніе къ намъ доставляли сначала
удовольствіе невиданности. Но вскорѣ изъ ближайшихъ къ намъ
проластей стали клубиться необъятныя массы пара, быстро
восходившія къ намъ и затонявшія одинъ за другимъ уступы
горы. Вдругъ насъ охватилъ густѣйшій туманъ, едва позво-
лавшій намъ различать другъ друга. Мы очутились на маломъ
островкѣ среди, или точнѣе—въ глубѣ безпредѣльнаго океана.
Еслибы я былъ одинъ, то мнѣ, какъ и Барскому, стало бы
странно. Этимъ обстоятельствомъ положенъ былъ преждевре-

менный конецъ нашимъ дѣламъ, т. е. топографической съемкѣ горы и рисованію. Въ ожиданіи появленія солнца, мы принялись за бездѣлье, т. е. черченіе своихъ именъ на прилегавшихъ камняхъ. Продавши напрасно около получаса разсѣваній тумана, мы положили не терять времени, простились съ непривѣтливымъ пикомъ, и черезъ $\frac{3}{4}$ часа были уже опять у гостепріимныхъ хижинъ Богоматери.

Около часа времени мы наслаждались самымъ пріятнымъ отдыхомъ. Туманъ мало по малу началъ рѣдѣть. Уже различался и дискъ солнца. Не за чѣмъ было оставаться долѣе. Мы уложили свои вещи. Я пошелъ въ церковь, взять благословеніе на дорогу. Чувство удовлетвореннаго желанія, веселившее душу, вдругъ смѣнилось глубокою тоскою. Самыя сладкія сердцу воспоминанія отъ дней дѣтства до послѣдняго времени пробѣжали по потревоженному чѣмъ-то сознанію, и привлекли духъ къ нежданной молитвѣ—теплѣйшей, чѣмъ та, свидѣтельницами коей была вершина горы. Миѣ стало тяжело до слезъ. Не слезы умиленія это были. У тѣхъ нѣтъ тревоги. Нѣтъ, это было горе. Откуда оно—безвременное, непрошенное? Отвѣтъ былъ близокъ. Въ минуту мы сѣли на муловъ, и мѣнѣе, чѣмъ въ минуту я былъ снова на землѣ—подъ ногами возбѣшеннаго животнаго! Остервенѣлое—оно скакало и било копытами надъ поверженнымъ всадникомъ, рыча и извиваясь на воздухѣ. Смерть была на волосъ отъ меня, но милость Божія еще ближе. Я расплатился за «что-то» однимъ незначительнымъ ушибомъ, который терялъ всякую силу при мысли о посѣщеніи Божіемъ, и при общемъ, трогательномъ, сочувствіи спутниковъ къ случившемуся несчастію. *Таже милость Твоя Господи, да поженетъ мя вся дни живота моего!*

Не до разговоровъ было потомъ, и даже не до размышленій. Мы спускались съ горы молча, и въ надвечеріе достигли керасійской келіи. Здѣсь имѣли малый отдыхъ. Съ

склопеніемъ солнца къ западу прекратилось восхожденіе облаковъ къ вершинѣ горы. Настала прекрасная погода. Подъ новыми впечатлѣніями кельіотской жизни и бесѣды съ старіями, я вынесъ случившееся со мною за черту настоящаго—въ область столбныхъ другихъ случаевъ, давно уже обезцвѣченныхъ временемъ, и усвоился.

Намъ предстояло спуститься съ горы къ монастырю *св. Павла*. Туда есть двѣ дороги, — одна горою, другая—черезъ *святъ св. Анны*. Любопытство подстрекало ѣхать послѣднею, но страхъ какого нибудь новаго неблагопріятнаго случая заставлялъ избрать первую, какъ менѣе трудную и опасную. Мы поѣхали въ лицѣ западавшему солнцу. Нѣсколько разъ пересѣкали, то опускаясь, то поднимаясь, страшныя стремнины, вопхъ однихъ видѣ наводилъ на душу глубочайшее уныніе. Это была пустыня въ полномъ смыслѣ слова! Здѣсь-то имъ—*пустынныиъ, міра сущиимъ суетнаго кроитъ, бываеиъ непрестанное божественное желаніе*, подумаль я. И вся Гора святая есть пустыня, въ рѣдкость оживляемая тамъ и сямъ пріютами отшельниковъ, сущихъ внѣ суетнаго міра, точнѣе-вѣрящихъ сему на слово; ибо доболѣ человекъ носить брѣнное гѣло, борясь или лада съ грѣхомъ, дотолѣ онъ находится въ мірѣ. Міръ *суетный*, такъ премудро приспособленный къ бытію земному, нѣкогда лучшему и совершеннѣйшему, не утрапилъ съ лица своего печати божественной, подпавши суетѣ въ дѣлахъ рукъ человѣческихъ. Онъ отрадно дѣйствуетъ на суетную жизнь нашу своею чудною красотою видовъ, своимъ разнообразіемъ вещества, положеній, внѣшнихъ формъ, климатовъ, времени года и дня, своимъ неоскуднымъ богатствомъ плодоношенія, своимъ освѣжительнымъ вѣяніемъ вѣтровъ, своимъ сладкимъ уханіемъ цвѣтовъ и растений, своею прохладою и теплотою, движеніемъ и покоемъ. Да, онъ—суетный! Я понимаю всю глубину и обширность значенія слова: *суета* и,

признавая за міромъ *суетность* въ смыслѣ перемѣняемости, желаю только снять съ него укоръ въ той суетѣ, которую человекъ создаетъ въ самомъ себѣ, всюду носить съ собою, и черезъ нее, какъ сквозъ призму, смотреть на безцвѣтный міръ, не причастный дѣламъ его и неповинный ни грѣхамъ его, ни бѣдамъ его. Есть въ привычной жалобѣ иноковъ на міръ нѣчто логически не ясное. Для монастырей св. Горы напр. міръ начинается за Перешейкомъ; для келліотовъ и монастырей уже міръ; для отшельника келліа—міръ; для затворника міръ—все, что за стѣною его калиты или пещеры! Что же потому міръ? Міръ — общество человѣческое. Но общество человѣческое есть самъ человекъ. Куда же уйти отъ самаго себя! Гдѣ та пустыня, гдѣ та пещера, въ которой бы я не встрѣтился съ самимъ собою, — самодосадителемъ, самоискусителемъ, самопоработителемъ? Дерзаю думать, что для инока приличнее и безопаснее какъ можно рѣже обвинять міръ. Но это не занимаетъ силы у твоей молитвенной пѣсни, умиленный пустыльникъ палестинскій? Ты точно былъ *кроль суетнаго міра*; но имѣлъ въ себѣ *непрестанное божественное жславіе*; которое все кругомъ себя обращаетъ въ пустыню, и имѣлъ то, что прилично пустынику и желать, и чувствовать, и мыслить.

Мы доѣхали до межи, раздѣляющей владѣнія лаврсія отъ владѣній свято-лавлосскихъ. На отвѣсной скалѣ желтаго цвѣта извѣчно нѣсколько крестовъ, по видимому очень древнихъ. Вотъ и весь документъ безъ подписей и безъ печатей! Не повторяю расказа объ условенной встрѣчѣ на мѣстѣ семи двухъ Аввъ смежныхъ обитателей. Въ житіи св. Аѳанасія, впрочемъ, объ этомъ не говорится. Далекъ подъ пами въ незримой глубинѣ стоитъ *скипъ св. Анны*, первый между обителями этого рода. Тутъ же не подалеку и другой свитъ *касскалійскій* и третіе отшельническое мѣсто: *каруля*. Всѣ сіи высшія школы подвига устроены въ мѣстахъ дикахъ, трудныхъ

и едва доступныхъ путнику. Чтобы ознакомиться съ ними, надобно познать въ этой части Горы педѣли двѣ или и болѣе. А познакомиться стоило бы. Не знаю, удастся ли въ другой разъ быть здѣсь. Мнѣ еще не привелось видѣть ни одного святогорскаго отшельника. Боюсь, какъ бы и не уѣхать съ этимъ же самымъ отрицательнымъ пріобрѣтеніемъ, такъ мало рекомендуемымъ «поклонника». Особенно желалось бы видѣть карульскихъ пещерниковъ, проводящихъ жизнь по истинѣ дивную и рѣдко кому доступную ¹⁾. Восточная оконечность Аѳона до сихъ поръ вѣрна первому образцу аѳонскаго подвижничества, оставленному св. Горѣ святымъ Петромъ, здѣсь ступившимъ въ первый разъ на ея (еще не-) дѣвственную почву, здѣсь одиноко сынтальчески проведеннмъ 53 года, ни тѣмъ не встрѣченнымъ и никого не встрѣтившимъ. Со словъ жизнеописателя живо рисуется въ воображеніи сей *первый святогорецъ*. «Что это за гора?» спросилъ онъ корабленниковъ, когда судно, везшее его, остановилось въ виду ея, и не пошло далѣе.— Это Аѳонъ, отвѣчали тѣ. «Ну такъ напрасно усиливаетесь пройти далѣе. Это ради меня стало судно.» Онъ сошелъ на берегъ, пропелъ «многа стремнины и частая дресеса и пропастаи, обрѣлъ нѣгдѣ пещеру зѣло темну»; и поселился въ пей. Болѣе полувѣка прожилъ онъ такъ, поддерживаемый въ страшномъ одиночествѣ тѣмъ *непрестаннымъ божественнымъ желаніемъ*, которое по истинѣ поставило его внѣ міра. Когда пришло время исхода блаженной души изъ многострадальнаго тѣла, Богъ послалъ, въ утѣшеніе родамъ грядущимъ, одного звѣролова въ стремнины эти. Ловецъ искалъ звѣря, а попалъ на человѣка, «старца густа брадою съ главными даже до чреслъ власами». Неустрашимый передъ звѣрами, онъ ужаснулся образа

¹⁾ «И нашъ (имярекъ) тоже *залезъ* было на карулю, да не усидѣлъ»... Такъ рассказывалъ объ одномъ нашемъ соотчичѣ другой соотчичъ, извѣстный на всей Горѣ своимъ безпристрастнымъ распоряженіемъ.

человѣческаго, и побѣдѣ всѣхъ. Вѣрно было что побудѣ въ отшельникѣ выработанное пустынско, чего мѣръ суетный не привыкъ видѣть! Есть это необычное и въ нынѣшнихъ отшельникахъ аѳонскихъ, заставляющее опускаться въ землю самый дерзкий-скептический взоръ. Хвала Богу, и честь, напрасно унижаемому, духу челоѣческому!

Едва усиѣли мы пересѣчь послѣдній каменный вѣзъ сходящаго къ морю Аѳона, какъ наступили сумерки. Слабое мерцаніе луны и чуткій инстинктъ животныхъ были потомъ единственными руководителями нашими по необозримой покатости пустынной, покрытой густымъ кустарникомъ. Вордунаръ нашъ идѣ-то еще на верху разошелся съ нами. Вѣроятно избравши другую, болѣе прямую, дорогу. Мы спустились къ берегу морскому, назавшемуся, отъ свѣтлаго отраженія моря, весьма близкимъ къ намъ, и поминутно насъ обманывавшему. Черезъ часть такого пути по мшилому надморью, мы повернули вправо, въ глубь гигантскаго, до невѣроятности поразительнаго, ущелія, спускающагося отъ самаго теменя горы, множествомъ скалъ, стремнинъ и безднъ, къ морю. Въ концѣ его отъ зимнихъ дождей образовалось песчаное русло, усыпанное глыбами наноснаго камня — перѣдко громаднаго размѣра. Нѣсколько въ сторонѣ отъ сей «сухой рѣки», на каменномъ выступѣ горы пріютилась обитель св. *Павла Ксиропотамскаго* (Ἐρημὸς ποταμῶν — сухая рѣка). Привѣтливо сморѣли на утомленныхъ путниковъ ея длинныя ряды освѣщенныхъ оконъ.

А. А.

С Л О В О

НА ПОГРЕБЕНІЕ ПРОФЕССОРА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ, СТАТСКАГО СОВѢТНИКА, ВЕНЕДИКТА ПАВ-
ЛОВИЧА ЧЕХОВИЧА, СКОНЧАВШАГОСЯ 20 НОЯБРЯ
1862 ГОДА.

Еще гробъ передъ нами; еще новая жертва смерти изъ среды нашего, такъ малочисленнаго, общества.

Въ нашей душѣ и памяти не успѣли изгладиться слѣды грустнаго впечатлѣнія, произведеннаго преждевременною смертію одного изъ молодыхъ нашихъ сотрудниковъ, и еще свѣжа могила, въ которой мы, съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, схоронили нужныя намъ силы молодаго дѣятеля, едва начавшаго путь свой, и только обѣщавшаго изъ себя добраго стража Церкви Божіей ¹⁾. И вотъ къ незажившей ранѣ новая рана! Рука Божія снова является среди насъ, и беретъ изъ среды нашей самаго достойнѣйшаго представителя нашего общества, наиболѣе уважаемаго и нами и сторонними людьми, въ которомъ всѣ мы привыкли видѣть не только добраго сотрудника, но и дорогаго для насъ наставника и руководителя, высшаго насъ не только годами, но и опытностію и житейскою мудростію. Утрата болѣе чувствительная и болѣе печалившая насъ,

¹⁾ Архимандрита Месодія, инспектора академіи.

чѣмъ прежняя! Пустота, произведенная въ нашемъ кругѣ новою неожиданною смертію, болѣзненноѣ отзовется въ насъ, чѣмъ та, какую мы ощутили при прежней потерѣ. Тамъ погибала молодая жизнь, больше общавшая, чѣмъ сдѣлавшая, и еще не укоренившаяся глубоко въ нашей почвѣ. По нынѣ почившаго собрата мы держались, какъ своего основанія; по отношенію къ нему всѣ мы, въ разное время бывшіе его учениками, были какъ молодая вѣтвь по отношенію къ крѣпкому и вѣтвистому дубу: мы влились вокругъ него, и, когда нужно, опирались на его испытанную твердость и силу. Въ немъ находили опору наши мысли и предположенія; онъ давалъ рѣшеніе нашимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ, и его имя и значеніе было нашею крѣпостію и нашимъ украшеніемъ. Часто намъ придется вспоминать о потерѣ достойнѣйшаго изъ членовъ нашихъ, и горькое чувство вѣкотораго сиротства будетъ сопровождать наши воспоминанія.

Грустное впечатлѣніе тѣмъ поразительнѣе для насъ, чѣмъ неожиданнѣе ¹⁾. За день до смерти мы слышали пріятную бесѣду покойнаго; и ни у кого изъ насъ не было ни предчувствія, ни мысли о возможности скорой потери. Нить жизни покойнаго порвалась вдругъ, безъ болѣзни, безъ всякихъ потрясеній, приготовляющихъ разрушеніе тѣлеснаго организма, -- и веселый, живой образъ пожилаго, но еще не такъ стараго ²⁾, собрата нашего давалъ намъ сладкое право надѣяться на то, что мы еще долго и долго будемъ руководиться совѣтами его опытности.

---

¹⁾ Покойный профессоръ Чеховичъ скончался скоропостижно, въ 3 часу по полудни 20 ноября, возвратившись изъ присутственныхъ мѣстъ, куда онъ отправлялся по своимъ дѣламъ.

²⁾ Покойный кончилъ курсъ наукъ въ академіи въ 1827 году, и ему было около 60 лѣтъ. Но по своей бодрости и свѣжести онъ казался моложе своихъ лѣтъ.

Когда мы смотримъ на этотъ гробъ, намъ припоминаются другіе случаи внезапной смерти, бывшіе въ послѣднее время не далеко отъ насъ, и мы видимъ, что умираютъ тѣ, жизнь которыхъ была и должна быть дорога для многихъ, и близкихъ и дальнихъ ¹⁾. Рука Божія видимо носится надъ нами. Мы не можемъ не чувствовать этого. Но отъ силы этого чувства, слишкомъ тяжелаго для насъ, снимается наша мысль, и сердце трепетно бьется, въ страхѣ предъ неслышно сознаваемою нами тайною смерти, всегда готовой, безъ нашего спроса, коснуться каждаго изъ насъ. Богъ беретъ къ себѣ болѣе достойныхъ и вѣрныхъ, и тѣмъ даетъ урокъ другимъ, менѣе вѣрнымъ и бдительнымъ надъ собою.

Мы очень хорошо знаемъ, что смерть есть обыкновенное явленіе между нами, и что ни одному изъ насъ не избѣжать ея. Но чѣмъ она обыкновеннѣе, т. е., чѣмъ чаще и ближе является среди насъ, тѣмъ она страшнѣе и грознѣе для насъ. И если намъ скажутъ, что намъ можетъ выпасть смертный жребій не черезъ день, а черезъ два, черезъ три часа послѣ настоящей минуты, какъ и говоритъ намъ голосъ Божій въ оплакиваемомъ нами событіи, мы теряемъ равновѣсіе и спокойствіе духа, и по нашимъ жиламъ пробѣгаетъ невольный трепеть, свидѣтель непобѣдимой нами печали, и глазъ самаго твердаго человѣка орошается слезою, при внезапно представшей мысли о трагической судьбѣ, висящей надъ нами. Церковь шлетъ намъ евангельскія слова благодатнаго утѣшенія, и ея материнскій голосъ постоянно напоминаетъ намъ о Богѣ, не сотворившемъ смерти, о душѣ, не ограничиваемой предѣлами этого, постоянно разрушающагося, тѣла, о небѣ, вмѣщающемъ

¹⁾ 12-го ноября граждане города Кіева встревожены были смертію кіевского генералъ-губернатора князя Васильчикова, и 16-го числа присутствовали при его похоронахъ. Около этого же времени скончались нѣкоторые изъ лицъ, названныхъ соприкосновеніе къ тому кругу, къ которому принадлежалъ покойный.

въ себѣ много блаженныхъ обитателей, приготовленныхъ нашимъ Спасителемъ. Но холодное знаніе истинъ вѣры ничего не дастъ для нашей плоти и крови, и только скользнуть на поверхности нашего существа; шумный говоръ, раздающійся на базарѣ житейской суеты, заглушаетъ тихія слова церковнаго благодатнаго утѣшенія, и отвлекаетъ отъ нихъ наше вниманіе, бѣгающее обыкновенно за впечатлѣніями настоящаго дня и настоящей минуты.

Чтоже значать послѣ этого тѣ потрясенія, какими отзываются въ нашемъ сердцѣ частые и неожиданные случаи смерти, явившейся въ рядахъ нашихъ?—Людей мысли мы просимъ углубиться въ самихъ себя, и постараться разъяснить себѣ тотъ смыслъ, который скрывается въ темномъ чувствѣ потрясеннаго духовнаго существа. Мы думаемъ (и надѣемся, что при серьезномъ вниманіи въ дѣло вы согласитесь съ нами), что здѣсь дѣйствуетъ одинъ и тотъ же Духъ Божій, и голосомъ природы онъ говоритъ нашему сердцу то, что разъясняетъ и говоритъ для вѣры голосъ Откровенія. Сотрясеніемъ нашего существа онъ хочетъ проложить путь въ глубь души нашей тому спасительному и отрадному слову, которое, въ обыкновенномъ положеніи спокойствія и беззаботности, касается только нашего слуха, но не входитъ въ органическое единеніе съ нашею природою. Въ трепетномъ страхѣ передъ видомъ смерти намъ слышится нитѣмъ незаглушимый протестъ нашей бессмертной души противъ тяготящаго надъ нами закона смерти, темное чувство божественности нашего происхожденія и назначенія. Какъ бы ни былъ старъ человекъ, какъ бы ни было горько его положеніе, онъ не спѣшитъ къ могилѣ, какъ покойному ложу, долженствующему скрыть нашу изможденную плоть, а свои взоры и желанія всегда простираетъ въ даль безконечнаго будущаго. Откуда въ насъ такое стремленіе и прикрѣпленіе къ жизни, если намъ не вѣчно назначено жить около

лона и источника вѣчно бьющейся, вѣчно текущей и никогда неизсякаемой жизни? Ужели премудрая творческая Сила могла вложить въ человѣка напрасныя желанія, на безцѣльное мученіе и безъ того слабаго и много терпящаго существа?... Кто же побойтся и не постыдится имѣть такое грубое и недостойное представленіе о Богѣ, котораго ничто не могло побудить дать жизнь безчисленному множеству существъ, кромѣ одной благодати и любви?

Вокругъ насъ много является садукеевъ, которыхъ полужнаніе, а иногда и совершенное незнаніе, дѣлаетъ дерзкими невѣжами, — много стонковъ, которые, во имя односторонняго образованія, еще въ годы юности насильно сдавливаютъ и погребаютъ въ себѣ животрепещущее сердце, и мертвеннымъ равнодушіемъ безчувственнаго отрицанія хотятъ предохранить себя отъ ударовъ и пограсеій тяжелой судьбы нашей, какъ будто заключивъ мирный договоръ со смертію. Съ грустною думою мы останавливаемся при видѣ этихъ людей, необдуманно влещущихъ на свою животолюбивую душу. Они обманываютъ и себя и другихъ своимъ отрицаніемъ. На днѣ ихъ духовнаго существа, подъ покровомъ видимаго и натянутаго равнодушія, намъ видится осадокъ оледенѣвшихъ слезъ. Въ ихъ, повидному твердомъ, голосѣ, безъ ихъ воли и вѣдома, иногда проторгается отголосокъ сдержанныхъ вздоховъ и сердечныхъ волненій. И когда настаетъ печальная минута, внутренній раздоръ ихъ сердца и мысли является тѣмъ сильнѣе и раздражительнѣе, чѣмъ больше давленія терпѣла обманутая воля. Если смерть сжмаетъ ихъ тѣло въ своихъ судорожныхъ объятіяхъ, ихъ равнодушіе и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ отрицаніе лопаются, какъ мыльный пузырь, которымъ они, подобно малымъ дѣтямъ, забавлялись многіе годы своей жизни, и они узнаютъ тогда, что и они, какъ прочіе люди, на всегда привержены и приврѣплены къ жизни.

Если есть такіе изъ среды насъ, здѣсь присутствующихъ, то мы сказали бы имъ: «оставьте пелѣную и шаткую область дерзкихъ и вмѣстѣ безотрадныхъ предположеній, которыя ваша робкая и поспѣшная логика съ отчаянія готова возвести на степень несомнѣнныхъ догматовъ! Исслѣдуйте шире и глубже свою природу! Възвѣсьте все разнообразныя мысли, чаянія и надежды, желанія и стремленія, какими она обнаруживаетъ себя! И тогда предъ вашими глазами откроется много такого, что не входитъ въ узкіе предѣлы того механизма, къ которому вы приковали свое вниманіе, и которымъ все хотите объяснять, даже духовнѣйшую неуловимую ткань высшаго религіозно-правственаго самосознанія. И вашъ механическій взглядъ покажется вамъ и бдностороннимъ и поверхностнымъ». Когда мы говоримъ это, въ нашей памяти оживаетъ одинъ изъ многихъ достопамятныхъ уроковъ нашего почившаго наставника. По своей должности, онъ разсуждалъ съ нами о природѣ и ея законахъ; механизмъ вселенной, естественная связь дѣйствующихъ въ природѣ причинъ и условій для него были яснѣе, чѣмъ для кого нибудь другаго. Но онъ, отъ полноты своего знанія, не останавливался на виѣшнихъ законахъ и формахъ явленій, и говорилъ намъ, что только узкій и поверхностный взглядъ ничего не видитъ далѣе простыхъ законовъ природы, которые сами по себѣ нечто иное, какъ обобщенныя явленія. Природа не мертвый механизмъ; въ ней есть живая сила, которая все поддерживаетъ собою и развиваетъ изъ себя, стоя сама выше всѣхъ частныхъ видимостей. Законы и формы явленій суть только уловенный нами слѣдъ высшей невидимой силы, безъ которой не мыслимо ни какое механическое движеніе и ни какое физическое явленіе. Но если въ природѣ безсознательной есть высшая негибнущая сила, представленіе о которой заставляетъ насъ соединять съ видимымъ невидимое, то тѣмъ болѣе человѣкъ не мыслимъ, какъ простая машина, съ своимъ самосо-

знаніемъ, никакъ не объяснимымъ изъ матеріи и сочетанія ея элементовъ, съ своими желаніями, никогда и ничѣмъ здѣсь не удовлетворяемыми, съ широкими размахами своихъ помысловъ и стремленій, увлекающихъ его за область безопечнаго. Въ нашей жизни только для человѣка, лишеннаго силы самопаблуденія, не оцутима дарованная намъ сила личнаго духа независимая отъ тѣлеснаго состава нашего: кромѣ высшихъ отпращиваній нравственнаго самоопредѣленія и глубокаго сознанія божественнаго бытія, она даетъ себя знать то тоскливымъ томленіемъ неудовлетворенныхъ желаній, при совершенномъ здоровьи и спокойствіи вѣнней жизни, то бодримъ самочувствіемъ, въ минуты тяжелыхъ тѣлесныхъ страданій. И этотъ-то духъ, который у покойнаго возбуждается и укрѣпляется былъ силою вѣры, положилъ печать невозмутимаго спокойствія на лице оставленнаго имъ тѣла. Смотри на это спокойное лице, мы понимаемъ, какъ легко можетъ переходить въ другой міръ та душа, которая не была порабощена и сдвлена страстями и интересами низшей стороны жизни.

Въ нашъ вѣкъ матеріализма особенную цѣль и особенный смыслъ могутъ имѣть частыя посѣщенія Божіи, отзывавшіяся въ внезапной смерти ближнихъ нашихъ. Богъ беретъ къ себѣ благопотребнаго во время свое, и мы при этомъ необходимо обращаемся къ самимъ себѣ; намъ дается предостереженіе противъ болѣзни вѣка, на насъ навѣваются религіозныя думы, которыя нынѣ у многихъ и многихъ подрываются и ослабляются развѣдающимъ вліяніемъ модныхъ теорій. Подъ напгтіемъ этихъ религіозныхъ думъ внутри насъ слышно раздается беспокойный, но полезный вопросъ: готовы ли мы послѣдовать туда, куда рука Божія возвала отъ насъ нашего ближняго? Среди нашего усыпленія не настоятъ ли надобность въ томъ, чтобы будить насъ сильными средствами, чтобы насильственными потрясеніями напоминать намъ о той завѣтной

странѣ, которая ждетъ насъ, и которую, въ цѣлу непостоянныхъ увлеченій, забываютъ люди и близкихъ и дальнихъ круговъ. И такъ *блудите же, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко днѣ лукави суть.* И если отъ покойнаго мы слышали уроки мудрости во дни его жизни, то пусть послужитъ для насъ назиданіемъ и его внезапная смерть.

Прости насъ, почившій о Господѣ братъ нашъ, что мы у твоего гроба воспоминаемъ тѣ мысли, которыя вытекаютъ изъ нашихъ общихъ убѣжденій, и о которыхъ ты не разъ бесѣдовалъ съ нами!

Можетъ быть, ты желалъ бы, чтобы мы вмѣсто этого сказали какое либо слово утѣшенія твоимъ приснымъ и близкимъ, оплакивающимъ твою кончину. Тебя смерть сразила такъ скоро, что ты не успѣлъ преподать имъ послѣднихъ благожеланій и благословеній, а они не успѣли сказать тебѣ послѣдняго прощанія. Мы полагаемъ, что ты оставлялъ нашу землю и свой домъ съ мыслию о своихъ дѣтахъ, съ желаніемъ имъ счастья, благоденствія, нравственнаго и умственнаго совершенства, и съ печальнымъ сочувствіемъ къ ихъ положенію, послѣ твоего отпечтвія отъ нихъ.

Но сочувствуя вполнѣ глубокой горести оставленныхъ тобою близкихъ, мы имѣемъ утѣшеніе видѣть ихъ въ такомъ положеніи, въ которомъ она не требуютъ, *да кто уиштъ ихъ.* Благодаря твоимъ заботамъ, они получили прочное и твердое образованіе, и приняли отъ тебя духъ бодрости и силы. Еще при жизни ты имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ на разныхъ поприщахъ общественной службы самостоятельными членами, не нуждающимися въ отеческой подпорѣ. А если для кого изъ нихъ нужна еще родительская поддержка, то дорогая память о тебѣ готова побудить близкихъ къ тебѣ лицъ доставить имъ возможную замѣну отеческой попечительности и заботы.

Если чѣмъ пріисные покойнаго могутъ порадовать душу его и вмѣстѣ доставить себѣ утѣшеніе въ невознаградимой потерѣ, то это молитвеннымъ общеніемъ, которое невидимымъ образомъ поддержитъ связь, разорванную смертію; отсюда будетъ литься на раны растроганнаго сердца бальзамъ благодатнаго утѣшенія и отраднаго успокоенія. И если бы о чемъ просилъ насъ покойный при своемъ отходѣ въ вѣчность, то прежде и больше всего о томъ, чтобы всѣ, близкіе и знавшіе его, не оставляли его именя въ своихъ молитвахъ къ Отцу и Подателю жизни.

Это общеніе не замѣнить вполнѣ того, какимъ вы наслаждались во время его жизни. Вы уже не будете болѣе видѣть его лица, и не встрѣтите на немъ пріятной улыбки, не услышите отъ него ни ласки, ни совѣта, ни ободренія. Тяжело чувствовать и представлять это! Но..... покоримся волѣ Божіей!... И воля человѣческая для дѣлъ общественныхъ разнесла по разнымъ и отдаленнымъ угламъ нашего обширнаго отечества сыновъ ¹⁾ покойнаго, и лишила ихъ непосредственнаго общенія и всегдашней живой бесѣды съ своимъ родителемъ. Ужели мы для дѣлъ Божіихъ будемъ не въ силахъ переносить предначинанной намъ разлуки?.... Правда, и въ отдаленныхъ краяхъ можно питать себя пріятною надеждою на дорогое свиданіе, когда знаешь, что еще бьется полною любовію къ намъ родительское сердце. А смерть, говорятъ, лишаетъ насъ этой надежды.... Но правду ли, и точно ли говорятъ въ этомъ случаѣ?... Нѣтъ, смерть не лишаетъ насъ надежды на желанное свиданіе съ дорогими для насъ людьми: она только перемѣняетъ мѣсто свиданія, изъ одной страны переноситъ его въ другую, и воодушевляетъ насъ сильнѣйшею любовію къ тому, въ комъ мы теряемъ свое благо и утѣшеніе. А пока покойный будетъ здать

¹⁾ Двое изъ сыновъ покойнаго на службѣ въ Петербургѣ, третій въ Читѣ (въ восточной Сибири), четвертый въ Екатеринославѣ.

этого свиданія, съ вами будетъ его образъ, который для васъ будетъ тѣмъ безцѣннѣе, чѣмъ чувствительнѣе для васъ настоящая потеря. Вы будете воспоминать его пріятныя рѣчи, которыя онъ дѣлалъ съ вами, будете представлять его заботливость о васъ, и каждое его слово, сохраняемое въ вашемъ воспоминаніи, среди самыхъ горькихъ представленій, будетъ для васъ отрадою, и отсюда вы будете имѣть такія грустно-сладкія ощущенія, какихъ теперь еще не испытали. Среди самаго горя духъ его явится къ вамъ незримымъ утѣшителемъ, и когда вы въ домашнихъ разговорахъ или безмолвныхъ думкахъ, будете будить въ себѣ память о немъ, онъ тайнымъ, но ощутительнымъ образомъ будетъ вѣять на васъ духомъ мира, любви и успокоенія. Когда вы будете молиться объ упокоеніи души его, онъ въ свою очередь будетъ просить Бога, чтобы небесная благодать осѣнила васъ, и замѣнила для васъ ту отеческую руку, въ которой донынѣ вы видѣли для себя столько опоры и ободренія.

Чтоже оставилъ въ духовное наслѣдіе по себѣ почившій собрать нашъ намъ, воспитателямъ и воспитанникамъ того заведенія, котораго онъ былъ старѣйшимъ, почетнѣйшимъ и достойнѣйшимъ членомъ? Мы не успѣли испросить себѣ у него, подобно Елисею у Іліи, духовнаго наслѣдія, по внезапности его кончины, и не можемъ безъ глубокой скорби думать о потерѣ своей путеводной звѣзды.... О, какъ бы желательно было, чтобы онъ ниспослалъ намъ, какъ Ілія Елисею, сугубый духъ, въ немъ дѣйствовавшій!

Мы, конечно, употребимъ всѣ старанія къ замѣнѣ или воплощенію въ себѣ этого духа, сколько это отъ насъ зависитъ. А для этого, среди своихъ трудовъ, будемъ воодушевлять себя драгоценною для насъ памятію своего достойнаго сочлена. Эта память—для насъ лучшій завѣтъ со стороны покойнаго.

Предъ нами образъ его тридцатипятилѣтней дѣятельности, всегда чистой, всегда безупречной, всегда ровной и многоплодной! Покойный не искалъ шумной извѣстности: онъ трудился не для вида и славы, а для самаго дѣла и пользы того завсѣденія, которому онъ посвятилъ свои силы и опытность. И наградою для него была дань невольной симпатіи и искренняго, глубокаго уваженія къ нему и его дѣятельности со стороны его слушателей, во весь продолжительный періодъ его ученой и училищной службы. Преданные ему слушатели его разнесли добрую славу о его имени по всеѣмъ дальнимъ и ближнимъ краямъ Россіи, и потому, когда печальная вѣсть о нашей потерѣ разнесется по разнымъ пространствамъ, она вызоветъ сожалѣніе и молитвенный вздохъ у многихъ сотенъ знавшихъ покойнаго и уважавшихъ его доброе имя.

Предъ нами является образцомъ его нравственный характеръ, всегда полный достоинства и твердости, у всеѣхъ вызывавшій къ себѣ почтеніе къ его духовной личности, и въ тоже время всегда проникнутый теплотою, симпатіею отзывавшійся на все доброе и человѣческое, и умѣвшій привязывать къ себѣ всеѣхъ, въ комъ только было чувство дружеской общительности. Если кто хочетъ снискивать себѣ любовь и уваженіе вмѣстѣ, пусть смотритъ на образъ покойнаго, и старается усвоить себѣ его характеристическія черты. Съ своими и чужими, съ молодыми и старыми онъ умѣлъ сойтись, никогда не теряя своего достоинства; его опытность всеѣхъ, когда нужно, умѣла ободрить, со всеѣми одинаково дѣлилась своими впечатлѣніями, мыслями и предположеніями. Потому онъ своею бесѣдою всегда давалъ возбужденіе и еще не вступившему въ жизнь студенту, и только начинающему сослуживцу, и уже пожилому сверстнику.

Предъ нами твердость и независимость его мысли и дѣла, по которой онъ никогда не хотѣлъ страдательно идти за другими, а скорѣе другихъ увлекалъ за собою. Привышши, въ

своихъ служебныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, давать особенную цѣну этой независимой и твердой мысли, высказанной всегда прямо и неуклончиво, мы въ трудныхъ и сомнительныхъ положеніяхъ, особенно на первыхъ порахъ, можемъ хромать, лишившись обычной поддержки. Пусть же здѣсь дорогое имя будетъ для насъ укрѣпляющею и ободряющею силою.

Предъ нами его вѣчно-свѣжая духовная природа, ни мало не ослабѣвавшая отъ давленія лѣтъ, и сочувствіемъ встрѣчавшая все то, что только добраго приносили намъ послѣдніе годы и юныя поколѣнія. Подъ его сѣдиною скрывалась добрая сила, отъ которой вѣяло на другихъ такимъ же освѣжительнымъ вліяніемъ, какое производитъ разцвѣтающая юность; въ строѣ своихъ мыслей онъ всегда стоялъ въ уровень съ вѣкомъ, съ его послѣдними серьезными направленіями. Мы выставяемъ это на видъ и старымъ и новымъ поколѣніямъ, какъ образецъ, достойный всякаго подражанія.

Добрая память, завѣщанная намъ имъ почившаго собрата нашего, должна побудить насъ не забывать его въ своихъ молитвахъ къ Богу. Съ нашей стороны это будетъ для него самымъ лучшимъ запечатлѣніемъ прежней связи его съ нами, и вознагражденіемъ ему за все то, что мы отъ него восприняли, и чѣмъ ему обязаны.

Итакъ помолимся Господу Богу, да упокоитъ душу усопшаго въ селеніяхъ праведныхъ, и да сопричтетъ его къ лану святыхъ Своихъ, благоугодившихъ Ему своею жизнію и добродѣтелію. Аминь.

В. Пльницкій.

Р Ѣ Ч Ъ

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ, СТАТСКАГО СОВѢТНИКА, ВЕНЕДИКТА ПАВЛОВИЧА
ЧЕХОВИЧА.

Печальныя лица, тяжелыя думы, и скорбь, и слезы, и тя-
жкія молитвы, и воспоминанія сладостно-грустныя—все соеди-
няется при гробѣ твоемъ въ одну нераздѣльную, послѣднюю
дань тебѣ, возлюбленный собратъ и наставникъ нашъ. Съ без-
дѣльною грустью, съ необлегчимою скорбію глядимъ мы въ
послѣдній разъ на твою убѣленную сѣдинами голову, вмѣщав-
шую такъ много разнородныхъ и прекрасныхъ познаній, на
твое спокойное величавое чело, надъ которымъ носилось столько
свѣтлыхъ и глубокихъ думъ, на твои померкшія очи, любовію
и добротою сіявшія, на твои сомнутыя уста, изъ которыхъ
живою струею лилась безхитростная, задушевно-теплая и сла-
достная рѣчь, на твоё поблекшее лицо, сіявшее юностію и въ
старости, на твою не поднимающуюся болѣе для дыханія грудь,
хранившую такъ много нѣжныхъ и возвышенныхъ, истинно че-
ловѣческихъ и христіанскихъ чувствъ, на твои неподвижныя
окоченѣлыя руки, такъ скорыя прежде къ искреннему друже-
скому пожатію. И еслибы какія либо желанія, какія либо мо-
литвы сильны были возвратить тебя въ жизни. О! сколько
пламенныхъ моленій вознеслось бы отсюда къ престолу Гос-
пода Вседержителя, чтобы Онъ воздвигъ тебя отъ гроба, воз-

вратилъ намъ предметъ нашей любви и особеннаго почтенія. Но нѣтъ мѣста подобнымъ желаніямъ и мольбамъ, — непремѣнно законъ смерти; прошли лѣта твои сосчитанныя, и ты пошелъ дорогою, которою не возвратишься къ намъ болѣе.

Прими же, возлюбленный собратъ и наставникъ нашъ, послѣднее наше цѣлованіе, послѣдній привѣтъ тебѣ! Въ виду вѣчной разлуки съ тобою хотимъ излить предъ тобою скорбь нашу, хотимъ сказать тебѣ послѣднее слово нашей любви и нашего уваженія къ тебѣ.

Мрачныя, скорбныя думы навѣваетъ на душу предстоящій гробъ. За чѣмъ такъ внезапно прервана жизнь почившаго? За чѣмъ сраженъ смертію отецъ веселившійся о чадѣхъ своихъ? За чѣмъ же еще преждевременно похищенъ въ большаго нашего кружка многолѣтній и многоплодный дѣятель науки? Тяжелые, труднорѣшимые и душу гнетущіе вопросы! О, лучше бы не приходило къ такимъ скорбнымъ думамъ. Подлинно, скорбныя думы!

Немного радостей представляетъ жизнь даже самыхъ счастливыхъ людей міра сего; еще менѣе имѣетъ ихъ жизнь труженика науки, какимъ былъ и почившій. Не всякому извѣстно, что дѣло науки тяжелѣйшее изъ всѣхъ дѣлъ и трудъ умственный тяжелѣе всѣхъ трудовъ. И тѣмъ утомительнѣе для духа этотъ трудъ, если онъ обуславливаетъ собою существованіе человѣка, не есть только свободно избранная цѣль жизни, но вмѣстѣ и средство къ жизни, такое притомъ средство, которое можетъ только все-какъ поддерживать жизнь, но обезпечивать ее, чтобы тѣмъ проливать въ душу труженика столько нужный ему покой, можетъ только удовлетворять насущнымъ нуждамъ, но неизбавлять отъ многихъ лишеній и заботъ, не оставляя за тѣмъ ничего почти для удобства и невиннаго, освѣжающаго душу удовольствія. А не такимъ ли былъ и трудъ почившаго? И какъ продолжителенъ былъ такой его трудъ! 16 лѣтъ учиться

и болѣе чѣмъ вдвое лѣтъ учить другихъ и все таки учиться— это рѣдкій, чрезвычайный трудъ. А сколько было въ жизни покойнаго такихъ лѣтъ, въ которыя онъ удвоалъ и утроалъ свой трудъ, дѣля его между академією, университетомъ, институтомъ и археографическою комиссією, между прямыми своими обязанностями по службѣ и свободными занятіями въ области науки и литературы, а также другими занятіями по академическому правленію, конференціи и цензурному управленію! И въ тоже время онъ не отставалъ отъ науки, не отставалъ на пути просвѣщенія, вопреки общепринятому мнѣнію, что съ лѣтами люди старѣются и въ понятіяхъ и въ познаніяхъ. Не говоримъ о другихъ трудахъ его, понесенныхъ имъ въ разные годы по приглашенію мѣстнаго военно-гражданскаго начальства, не упоминаемъ о трудахъ по воспитанію немалочисленнаго семейства, которымъ благословилъ его Господь. — Что же? Какова награда за этотъ такъ тяжелый и столько продолжительный трудъ? Считать ли вознагражденіемъ за трудъ возможность существовать для самаго труда, нисколько не уменьшающагося? Не думаемъ. — Правда за умный и дѣльный трудъ свой покойный всегда былъ отличаемъ вниманіемъ начальства и вознаграждаемъ на столько, на сколько это возможно было для круга, въ которомъ онъ служилъ; но есть награды, есть радости, которыхъ не даетъ никакая служба, и ихъ-то не пришлось вкусить почившему. Такъ не суждено ему почить отъ многолѣтнихъ трудовъ своихъ и пользуясь свободнымъ временемъ, обогащать науку и литературу плодами многолѣтняго и многосторонняго знанія, не суждено исполнѣ и сколько либудъ продолжительно веселиться о чадѣхъ своихъ и видѣть сыны сыновъ своихъ, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы своея, не суждено наконецъ при смерти вкусить единую высочайшую утѣху и отраду всякаго умирающаго христіанина — палутствоваться въ жизнь вѣчную приобщеніемъ святыхъ таинъ Христовыхъ. За чѣмъ не

суждено — вотъ вопросъ, который тяжелымъ гнетомъ лежитъ теперь на сердцѣ у каждаго изъ насъ.

Но проникая и облекая этотъ вопросъ всю силою скорби и сѣтованія, отказываясь отъ надежды на сколько нибудь отрадное и успокоительное его разрѣшеніе, мы забыли бы, что наука не есть цѣль жизни ни земной, ни тѣмъ болѣе вѣчной, что она есть только одно изъ средствъ, развивающихъ и облагораживающихъ душу человѣка и уготовляющихъ путь благодати Духа Святаго, спасающей насъ, что выше обыкновенной нашей науки стоитъ наука нравственнаго совершенства, и когда при помощи первой достаточно понята и послѣдняя, тогда настоящая пора для перехода человѣка изъ міра земнаго въ міръ небесный, гдѣ цѣль труда, но вѣчный покой, нѣтъ болѣе приготовленія къ жизни, но самая жизнь, сладостная, безмятежная; мы забыли бы также, что кромѣ радостей, какия даетъ намъ настоящая жизнь, какъ бы высоки и живительны онѣ ни были, есть неизъяснимыя радости на небѣ, гораздо болѣе свойственныя душѣ, нежели радости земныя; мы забыли бы наконецъ, что, независимо отъ предсмертной исповѣди и приобщенія св. таинъ, вся земная жизнь человѣка служитъ приготовленіемъ къ жизни вѣчной, и такимъ приготовленіемъ мы можемъ считать жизнь почившаго, кромѣ строгаго исполненія обязанностей христіанскихъ, полную честности, безкорыстія, просвѣщенной любви къ ближнему, доброты, откровенности и труда возвышеннаго, многоплоднаго, чуждаго тщеславія и лихоимства. Скажемъ, не обинуясь о почившемъ: это колосъ зрѣлый и полный, срѣзанный рукою Господа въ небесную житницу Его.

Прости, возлюбленный собратъ и наставникъ нашъ, что стараюсь разрѣшить вопросы, которые невольно будить въ душѣ нашей кончина твоя, мы приподняли завѣсу твоей жизни. Твоя жизнь чиста, и нѣтъ въ ней укора; она полна честью дѣльнаго труда, и не исчезнетъ безъ слѣда, какъ исчезаетъ жизнь

многихъ, подобно легкой волнѣ, вызываемой на поверхности воды брошеннымъ въ нее камнемъ. Твоя жизнь по этому подаетъ намъ усладу и въ смерти твоей.

Что же самая смерть? Пройдетъ ли она для насъ безслѣдно, какъ мимолетное явленіе жизни, на время прервавшее обычный порядокъ нашихъ дѣлъ и призвавшее насъ воздать тебѣ послѣдній долгъ братской и христіанской любви? Не думаемъ. Внезапная, ниѣмъ и тобою самимъ неожиданная кончина твоя не сильна ли пробудить въ насъ на долго мысль о нашей собственной смерти? ибо кто изъ насъ теперь можетъ сказать, что онъ далѣе отъ смерти, чѣмъ былъ ты отъ нея два дня назадъ сему? Внезапно послѣдовавшій, но волѣ Всемогущаго, перерывъ твоихъ семейныхъ и другихъ связей не долженъ ли напомнить каждому изъ насъ, что кромѣ привязанностей земныхъ, какъ бы высоки и священны онѣ ни были, есть высшія влеченія, на которыя указываетъ Спаситель, когда говоритъ: *иже любитъ отца, или мать, или братаго, или чада паче Мене, нѣсть Мене достоинъ?* Оставленіе тобою дѣла науки, надъ которымъ ты трудился вмѣстѣ съ нами, и болѣе всякаго изъ насъ, не налагаетъ ли на весь кругъ нашъ обязанности—усугубить наше дѣланіе, да не потерпитъ ущерба дѣло науки? ибо наука, какъ и природа, не терпитъ пустоты. Молись только, возл. собратъ и наставникъ нашъ, молись о насъ предъ престоломъ Всевышняго, да не оскудѣетъ вертоградъ нашъ, въ которомъ и ты трудился такъ много и такъ долго!

Посемъ прости, навѣки прости, незабвенный собратъ и наставникъ нашъ! Иди съ миромъ въ путь предстоящій тебѣ, тотъ блаженный путь, который душу вѣрующаго приводитъ къ вѣчному упокоенію! Нанутствуетъ тебя своимъ благословеніемъ и молитвами св. церковь, нанутствуемъ и мы тебя нашею любовью и тихою молитвою. Не окружаютъ гроба твоего дѣти

твой, кромѣ той, которая была единственною утѣхою и развлеченіемъ твоей старости; но посмотри, какъ много вокругъ гроба твоего другихъ дѣтей, нынѣ мужей совершенныхъ, надъ воспитаніемъ которыхъ прилагалъ и ты свой трудъ. Въ большомъ числѣ предстоящихъ гробу твоему, не много найдется такихъ, которые не имѣли бы счастья слышать изъ устъ твоихъ научную рѣчь, простую и ясную, какъ самая душа твоя. И все они помолятся о тебѣ еще и еще, и будутъ нарочито молиться въ послѣдній день каждаго года, день назначенный знаменитымъ дѣятелемъ и благотворителемъ сего вертограда наукъ, м. Петромъ Могилу, для молитвы о всѣхъ почившихъ здѣ отцѣхъ и братіяхъ нашихъ. Помолятся о тебѣ и пожелаютъ вѣчнаго упокоенія душѣ твоей и все бывшіе твои питомцы и питомицы, въ огромномъ числѣ разсѣянные по огромному пространству Россіи. Помолятся о тебѣ и пожелаютъ вѣчнаго покоя душѣ твоей и все знавшіе и знающіе твою добрую, безхитростную душу.

Миръ душѣ твоей! гряди съ миромъ! Вѣчная память тебѣ, вѣчная память, вѣчная память!

Феофанъ Лебединцевъ.

Свѣдѣнія о жизни покойнаго профессора К. Д. Академіи, В. П. Чеховича.

20 ноября 1862 года, въ 3 часу по полудни, скончался скоропостижно ординарный профессоръ кievской духовной академіи по классу физико-математическихъ наукъ, статскій совѣтникъ, Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, на 60-мъ году своей жизни. Онъ былъ старѣйшимъ и почетнѣйшимъ членомъ кievской академіи. У своихъ сослуживцевъ и студентовъ онъ пользовался искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ, и во внутреннихъ дѣлахъ академіи имѣлъ руководственное вліяніе. Поэтому потеря его очень чувствительна для кievской академіи. Онъ имѣлъ значеніе и внѣ академическаго круга, и принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ разныхъ комиссій, разновременно являвшихся въ Кіевѣ; его знало какъ способнаго и свѣдущаго дѣятеля и свѣтское вѣдомство, часто пользовавшееся его учеными трудами. Для всѣхъ, знавшихъ его, имя его было именованъ почтеннымъ, могущимъ служить украшеніемъ какой угодно корпораціи.

Жизнь В. П. Чеховича, какъ жизнь всякаго профессора академіи, не богата внѣшними событіями. Самымъ родомъ своей службы профессоръ академіи осужденъ на однообразіе, неподвижную осѣдность и кабинетную замкнутость. Послѣ продолжительнаго ученія въ школѣ для него настааетъ непрерывное ученіе дома, въ своемъ кабинетѣ, съ плодами котораго онъ

является въ скромныхъ стѣнахъ академической аудиторіи, предъ небольшимъ собраніемъ внимательныхъ слушателей. При закрытомъ и специальномъ характерѣ нашихъ духовныхъ академій, эта ученая дѣятельность часто никому не дѣлается извѣстною и никѣмъ не цѣнится, кромѣ небольшого числа студентовъ академіи.

Первоначальное образованіе покойный Чеховичъ получилъ въ вольвской семинаріи. Человѣкъ, общительный по природѣ, любившій дружескую бесѣду, онъ, между другими предметами разговора, часто обращалъ вниманіе своихъ собесѣдниковъ къ тѣмъ временамъ, когда онъ былъ еще малъ и молодъ, когда онъ только цѣлъ надеждами, и когда переживаемое нами время представлялось ему въ темной дали будущаго. Въ послѣднее время особеннымъ поводомъ къ тому были мрачныя картины изъ семинарскаго и бурсацкаго быта, являвшіяся въ журнальной литературѣ. Эти мрачныя картины не подходили къ тѣмъ воспоминаніямъ изъ училищной и семинарской жизни, какія сохранялъ въ себѣ и передавалъ другимъ покойный Чеховичъ. Дѣтскіе годы, проведенные имъ въ училищѣ, ему рисовались на старости лѣтъ въ довольно привлекательномъ, радужномъ видѣ, и онъ не безъ удовольствія останавливался на нихъ въ своихъ разговорахъ и представленіяхъ. Съ нимъ могли встрѣчаться и встрѣчались люди изъ его же среды, которые не могли, безъ крайняго чувства горечи, говорить о времени, проведенномъ ими въ бурсѣ или училищѣ. У такихъ людей въ памяти объ училищной жизни главное подавляющее впечатлѣніе оставило спартанское грубое обращеніе, жестокое, неразборчивое сѣченіе, въ которому, по ихъ словамъ, прибѣгали какъ главному педагогическому средству, совершенное прилиженіе личности дитяти и чисто-механическое долбленіе. Когда ему рассказывали о такихъ вещахъ, онъ говорилъ, что «это для него совершенно новый, неслыханный міръ; должно быть, дѣло

испортилось и приняло совершенно иной видъ противъ прежняго порядка, или, можетъ быть, русскія (собственно великорусскія) бурсы, перенявшія характеръ и устройство училищъ юго-западной Россіи, усвоили его себѣ одною дурною стороною, и утѣрировали его до-цельзя». Читая вечера въ бурсѣ г. Помяловскаго, онъ замѣчалъ, что это не тѣ бурсы, въ какихъ они учились въ былое время. «У насъ (говорилъ онъ) между учениками развита была такая деликатность и вѣжливость; у всѣхъ былъ такой гоноръ и благородное сознаніе своей личности. Учителя не обнаруживали въ себѣ ничего зѣрскаго, и обращались съ нами почти братьями. Между учениками былъ учрежденъ свой судъ, и ему начальство предоставляло разбирать проступки своихъ товарищей. Если сѣченіе было, то вовсе не въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ рисуютъ его по описаніямъ другихъ училищъ. Между нами очень много было такихъ, которые проходили училищный курсъ, не считавъ на себѣ никогда дѣйствія розги». Мы не имѣемъ права заподозривать честный рассказъ, данный въ кабинетной дружеской бесѣдѣ, въ разукрашиваніи и преувеличеніяхъ, вторя одному повальному осужденію всѣхъ нашихъ бурсъ безъ исключенія, вошедшему въ привычку, тѣмъ болѣе, что и иному этому эти строки пришлось учиться въ духовномъ училищѣ (въ г. Муромѣ владимірской губерніи), могшемъ привязать къ себѣ память ученика преимущественно доброй стороною. Лучшимъ доказательствомъ истинности рассказовъ покойнаго былъ его личный характеръ, отличавшійся мягкію, деликатностію и благороднымъ само-сознаніемъ. Въ складѣ деликатнаго и благороднаго его характера, намъ казалось, отражались черты мягкаго и благороднаго первоначальнаго воспитанія, которое, какъ извѣстно, кладетъ свою печать на всю личность и всю жизнь человека: человекъ, прошедшій спартанскую, суровую школу, не можетъ сохранить и развить тѣхъ нравственныхъ чертъ, какими отдалася покой-

ный Чеховичъ. Значеть, мрачныя картины бурсацкаго быта не могутъ имѣть повсемѣстнаго и всеобщаго значенія, и не исключительно обязаны тому старомодному устройству, по которому созданы и существуютъ наши бурсы или духовныя училища. Мы далеки отъ того, чтобы отрицать ихъ; но откуда онѣ, когда и въ старину, во второмъ десятилѣтїи настоящаго вѣка, можно было находить отрадныя явленія въ этомъ случаѣ? «Вась, велико-россовъ, (смѣясь, говорилъ иногда Чеховичъ) или вашихъ велико-русскихъ учителей батоги державнаго Петра научили держать въ одной рукѣ указку и азбуку, а въ другой розгу и плеть: мы жили въ сторонѣ, въ которой меньше знали и слышали объ этихъ батагахъ, и потому наши учителя не научились владѣть ими по вашему».

Говоря о своемъ семинарскомъ образованїи, Чеховичъ въ особенности выставлялъ на видъ одну черту, которою тогдашнія семинаріи отличались отъ нынѣшнихъ. Именно, въ тогдашнихъ семинаріяхъ языкознаніе стояло не въ примѣръ выше, чѣмъ въ теперешнихъ; на него обращало большое вниманіе какъ начальство, такъ и самыя воспитанники. Нечего и говорить о классическихъ языкахъ, нечего и упоминать о томъ, что на латинскомъ языкѣ тогдашніе семинаристы могли свободно объясняться и писать большія сочиненія. Многие изъ сверстниковъ Чеховича выучивались въ семинаріи владѣть какимъ нибудь новымъ разговорнымъ языкомъ, французскимъ или нѣмецкимъ, а иногда и обоими вмѣстѣ. Изъ волынской семинаріи, по разсказамъ Чеховича, прїѣхало въ его курсъ въ кїевскую академію четыре человѣка, и одинъ изъ нихъ превосходно говорилъ и по французски и по нѣмецки, а прочіе трое очень хорошо владѣли однимъ изъ этихъ языковъ, и всѣ этимъ знаніемъ исключительно обязаны были одной семинаріи. Одна изъ главныхъ причинъ, по которымъ языкознаніе въ тогдашнихъ семинаріяхъ была гораздо выше, чѣмъ теперь, состояла въ томъ,

что тогда, при одинаковой продолжительности семинарскаго курса, гораздо меньше было предметовъ въ семинарской программѣ. Вниманіе воспитанниковъ не было подавляемо и разсѣиваемо ихъ смѣсью и неизчислимымъ разнообразіемъ; времени гораздо больше было въ собственномъ распоряженіи семинариста, и никакая необходимость не отодвигала языки на задній планъ, какъ это мы видимъ теперь въ семинаріяхъ. Чеховичъ, въ объясненіе лучшихъ сторонъ старыхъ семинарій, ссылаясь на мѣстныя преданія, которыми были сильны учебныя заведенія западнаго края, и по которымъ они тѣсно связаны были съ общественною почвою. Въ заведеніяхъ учебныхъ живо дѣйствовалъ корпоративный духъ, поддерживаемый непосредственнымъ сочувствіемъ общества; онъ ревновалъ о чести своей семинаріи и старался поддерживать славу своего училища въ соперничествѣ съ другими сосѣдственными учебными заведеніями. Все нивелирующая система, циниѣ укоренившаяся въ устройствѣ всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, и не терпящая никакого мѣстнаго разнообразія, тогда еще не успѣла сгладить характеристическихъ чертъ, завѣщанныхъ временемъ, въ мѣстахъ, опиравшихся на историческое развитіе, и не парализовала заботы представителей того или другаго общества о поддержаніи своего учебнаго заведенія въ такомъ положеніи, которое могло бы быть честью края.

Въ академію, на вступительный экзамень, Чеховичъ пріѣхалъ въ 1823 году. Въ этотъ годъ былъ выпускъ студентовъ перваго курса кіевской академіи, послѣ ея преобразованія, во главѣ которыхъ стоялъ покойный архіепископъ херсонскій Иннокентій. Академія тогда была въ повѣ, и по своей новости пользовалась особеннымъ вниманіемъ общества. Университета въ Кіевѣ еще не было, и студенты академіи были единственными представителями высшаго обучающагося поколѣнія. Это

увеличивало ихъ самосознаніе. По соразмѣрности съ тогдашнимъ дешевымъ курсомъ содержаніе наставниковъ семинаріи, куда готовились студенты академіи, было обезпеченіе теперешняго; образованныхъ людей было меньше, чѣмъ теперь, и потому тогда они были дороже для общества. Отъ этого студенты академіи, въ то время, когда въ числѣ ихъ былъ Чеховичъ, смотрѣли на себя и на свое положеніе съ довольствомъ и нѣкоторою гордостію. Говоря объ этомъ, мы думаемъ хоть одною чертою оживить въ воображеніи читателя студенческіе годы Чеховича. Чувство довольства, испытанное Чеховичемъ въ студенчествѣ, по временамъ отражаясь въ его воспоминаніи, занимало его и въ послѣдніе годы, и составляло предметъ его неоднократныхъ бесѣдъ, то комическихъ и забавныхъ, то серьезныхъ и поучительныхъ. Воспомявъ о своихъ молодыхъ годахъ, Чеховичъ съ мягкимъ юморомъ любилъ представлять тогдашнее щегольство, которому они бывало съ самоуслажденіемъ платили дань, принадлежностями котораго были синій фракъ, желтые брюки и длинныя ботфорты съ кисточками и т. п. Между своими товарищами-студентами, какъ намъ передавали, Чеховичъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ и популярнѣйшихъ. Зная его дружеское и общительное обращеніе въ послѣдніе годы, мы очень можемъ представлять, что это за милая натура была въ тѣ годы, когда сердце богаче сочувствіемъ и ищетъ себѣ восполненія въ общеніи съ окружающими людьми, и когда съ другой стороны жизнь подъ одною кровлею нѣсколькихъ десятковъ молодыхъ людей, совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ, безъ ихъ, такъ сказать, воли, завязываетъ между ними брѣвкія дружескія связи. Изъ товарищей покойнаго по студенчеству намъ извѣстны Шимкевичъ, авторъ «Корнелова», пр. Николай, бывшій епископъ калужскій, несчастный Рафаилъ, и Минервинъ, до 1853 года бывшій профессоромъ русской исторіи въ кievской академіи.

По окончаніи академическаго курса въ 1827 году со степенью магистра, Чеховичъ опредѣленъ былъ наставникомъ физико-математическихъ наукъ въ академіи, и эту должность онъ занималъ до конца своей жизни, въ теченіе тридцати пяти лѣтъ. Его спеціальностію была физика.

Столько лѣтъ изучая предметъ свой, Чеховичъ въ совершенствѣ овладѣлъ имъ. Его классическія чтенія были ясны, просты и свободны; ясность и свобода, отличавшія чтенія Чеховича, свидѣтельствовали о томъ, что ихъ предметъ для него сдѣлался совершенно прозрачнымъ и былъ въ полномъ владѣніи и послушаніи у его мысли. Замѣчательная особенность въ манерѣ его чтеній была та, что онъ всегда рѣшительно (сколько можетъ свидѣтельствовать объ томъ сохранившаяся въ академіи память) читалъ свои уроки, ходя по классу, но временамъ только останавливаясь у классической доски, когда нужно было дѣлать математическія вычисленія. Эти вычисленія онъ обыкновенно дѣлалъ такъ быстро и скоро, что трудно было слѣдить за нимъ. Особенный интересъ имѣли его занятія въ физическомъ кабинетѣ, въ которомъ очень часто приходилось ему передавать студентамъ и объяснять ученіе о разныхъ физическихъ предметахъ и явленіяхъ. Здѣсь не было и слѣда той холодной официальности, какая неизбежно видна въ аудиторіяхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Чтенія принимали видъ дружеской бесѣды, часто прерывались вопросами и выраженіемъ такихъ или другихъ недоумѣній со стороны студентовъ. При этомъ случалъ Чеховичъ позволялъ себѣ благородныя шутки, которыя дѣйствовали на студентовъ, какъ пріятная приправа къ гастрономическому блюду, и сколько облегчали вниманіе слушателей, столько же возбуждали его. Тутъ среди дружеской ученой бесѣды, которою руководилъ и заправлялъ свѣдущій наставникъ, при интересныхъ физическихъ опытахъ забывалось время, и на душѣ ясно чувствовалось сожалѣніе о быстромъ времени, когда

приходила минута окончанія лекціи, и звонокъ возвѣщалъ о перемѣнѣ класса.

Труды Чеховича, по преподаванію своего предмета, его знаніе и профессорскія способности рано обратили на него вниманіе начальства, и сдѣлали имя его извѣстнымъ въ со-привосновенныхъ къ академіи кругахъ.

Наставники академіи и семинаріи не избалованы наградами, и обыкновенно почти не украшаются вышними знаками гражданскихъ отличій. Между тѣмъ покойному Чеховичу, можно сказать, посчастливилось на духовно-училищной службѣ болѣе чѣмъ кому нибудь другому. Что опредѣлено судьбою давать наставникамъ духовныхъ академіи, то Чеховичу удавалось получать скорѣе другихъ. На седьмомъ году своей службы (въ октябрѣ 1834 года), онъ сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ академіи: такъ рано получать званіе ординарнаго профессора рѣдкимъ случается въ академіи. Этотъ фактъ можетъ свидѣтельствовать о томъ, что начальство смотрѣло на Чеховича, не какъ на дюжиннаго и посредственнаго профессора. Дальше, съ 1834 года по 1845, онъ четыре раза получалъ денежные награды, равнявшіяся половинному или полному окладу профессорскаго жалованья. Это довольно много и часто, при нашихъ обычныхъ порядкахъ; потому что здѣсь на три года приходится единовременная выдача лишняго жалованья. Но за то съ 1845 года по 1862, въ теченіе семнадцати лѣтъ, онъ получалъ только благословеніе св. Синода и признательность начальства, и ни разу денежной награды. Это давало ему нѣкоторое право жаловаться на духовно-учебное управленіе, и предпочитать ему комиссію духовныхъ училищъ.

Служебное значеніе людей у насъ на государственномъ поприщѣ измѣряется чинами, которые даются и наставникамъ академіи, если они того пожелають. Но мы ихъ не приис-ляемъ къ наградамъ; потому что ихъ получаетъ человѣкъ, по

заведенному порядку, за выслугу лѣтъ. Послѣдній чинъ, до котораго дослуживается наставникъ академіи,—чинъ статскаго совѣтника, стоящій предъ нимъ почти непреступаемою гранью въ восхожденіи по служебно-чиновной лѣствицѣ. Чеховичъ получилъ этотъ послѣдній чинъ въ 1843 году, со старшинствомъ отъ 25 іюля 1841 года. Сдѣлавшись статскимъ совѣтникомъ, Чеховичъ, въ продолженіе почти 20 лѣтъ, уже не мечталъ о другихъ высшихъ чинахъ, считавшихся недоступными для наставника академіи. Но опираясь на примѣръ или исключеніе, сдѣланное для одного заслуженнаго наставника С. Петербургской духовной академіи, мѣстное начальство, во вниманіе къ долготѣтней отличо-усердной службѣ Чеховича, представило его, куда слѣдуетъ, къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Это представленіе сдѣлано за нѣсколько дней до смерти Чеховича, и ему не суждено было дожить до рѣшенія по этому представленію.

Будучи въ чинѣ статскаго совѣтника, Чеховичъ жалованъ былъ и орденскими знаками. Въ 1849 году, за 22-хъ лѣтнюю ревностную службу и особые труды по академіи, ему данъ былъ орденъ св. Анны 3-й степени. Въ 1855 году, за 28 лѣтнюю службу, онъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени, въ 1861 году, почти за 34-хъ лѣтнюю службу, орденомъ св. Анны 2-й степени. Сверстники Чеховича по роду службы и лѣтамъ могли *завидовать* ему въ *такомъ вниманіи высшаго начальства*; потому что другіе въ этомъ отношеніи не имѣли и такого успѣха, какъ Чеховичъ. Между тѣмъ, если бы намъ проводить здѣсь параллель съ другими родами службы, то какою бы скромною долею оказалась предъ нами доля самаго счастливаго изъ наставниковъ академіи.

Ученые и наставническіе труды Чеховича не ограничивались одною академіею. Его извѣстность дала поводъ свѣтскому вѣдомству пригласить его въ преподаватели физики во

вновь открывавшихся въ Кіевѣ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, съ сентября 1837 года и по іюль 1846-го, онъ преподавалъ физику и физическую географію въ университетѣ св. Владиміра. Въ 1842 году, по предложенію начальника кіевского института благородныхъ дѣвицъ, онъ принялъ на себя должность преподавателя физики въ этомъ институтѣ, которую исполнялъ до сентября 1850 года. При этомъ ему случалось преподавать свой предметъ, въ трехъ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, слушателямъ съ разными требованіями и различнаго развитія. И если намъ приходилось слушать отзывы о преподаваніи Чеховичемъ физики въ университетѣ и институтѣ, то они свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ приспособиться къ потребностямъ слушателей и надлежащимъ образомъ удовлетворять имъ. За отличное преподаваніе физики въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ онъ два раза Всемилостивѣйше награжденъ былъ подарками.

Мѣстные и временныя обстоятельства часто вызвали Чеховича изъ сферы его специальности на новую дѣятельность, и расширяли кругъ его занятій. Если учреждались въ Кіевѣ комиссіи, требовавшія знанія и труда, Чеховича обыкновенно приглашали къ участію въ дѣлахъ возложенныхъ на комиссію. Такъ онъ, въ первыхъ годахъ четвертаго десятилѣтія, занимался переводами разныхъ бумагъ въ слѣдственной комиссіи, учрежденной, по Высочайшему повелѣнію, въ Кіевѣ, по польскимъ дѣламъ (съ іюля 1831, по февраль 1835), и въ комиссіи военнаго суда, учрежденной при кіевскомъ ординарскѣ-гаузѣ, по тѣмъ же дѣламъ (съ октября 1831 года, по ноябрь 1832). Въ концѣ 1838 года и въ теченіе всего 1839 года онъ переводилъ и разбиралъ разныя бумаги въ секретной комиссіи, учрежденной въ Кіевѣ для изслѣдованія дѣла о тайныхъ обществахъ. Въ 1845 году, когда Высочайше учрежденная въ Кіевѣ временная комиссія для разбора древнихъ актовъ за-

паднаго края (существующая и до сихъ норъ), начала приступать къ своимъ дѣйствіямъ, Чеховичъ, какъ человекъ, зарекомендовавшій себя ученою дѣятельностію, тогда же избранъ въ число дѣйствительныхъ членовъ ея, и, нося это званіе до конца своей жизни, принималъ въ трудахъ и изданіяхъ комиссіи дѣятельное участіе. Открылась при университетѣ св. Владиміра комиссія для описанія губерній кievскаго учебнаго округа, — Чеховичъ и въ нее поступаетъ дѣйствительнымъ членомъ (въ 1857 году), и вмѣстѣ съ другими раздѣляетъ ея труды.

Въ самой академіи, кромѣ наставнической должности, Чеховичъ, по временамъ, несъ на себѣ другія обязанности. Такъ четыре года (съ іюня 1853 по 25 мая 1857 года), онъ былъ секретаремъ академическаго правленія. Оставивши эту кропотливую должность, требовавшую каждодневнаго присутствія въ правленіи, и мѣшавшую ученымъ занятіямъ, онъ сталъ завѣдывать только канцелярією кievскаго духовно-цензурнаго комитета, и въ должности секретаря духовно-цензурнаго комитета оставался до самой своей смерти. Въ послѣднее время, когда умножилась литературная и журнальная дѣятельность въ Кіевѣ, онъ сдѣланъ былъ цензоромъ собственно для журнала «Вѣстникъ югозападной и западной Россіи». Дѣло это было близко ему: какъ членъ временной комиссіи, учрежденной для разбора древнихъ актовъ западнаго края, онъ сроднился съ исторією и интересами этого края и видѣлъ необходимость безпристрастнаго органа, который бы историческимъ путемъ содѣйствовалъ къ разрѣшенію смутныхъ задачъ, носящихся въ областяхъ, когда-то принадлежавшихъ Польшѣ. Сочувствуя идеѣ журнала, онъ совѣтовалъ редакціи смягчать иногда горячій полемическій духъ, какимъ увлекались авторы многихъ статей. Среди живой борьбы очень естественно отвѣчать раздраженіемъ на раздраженіе, и оно можетъ являться совершенно невольно въ человекѣ, когда онъ видитъ предъ собою несправедливья

нападки и безцеремонныя искаженія фактовъ. Чеховичъ это понималъ, но выражалъ желаніе, чтобы историческая правда была выше обыкновенныхъ человѣческихъ увлеченій. Въ этомъ духѣ онъ относился къ тому журналу, который подлежалъ его цензорскому вѣдѣнію. На каунѣ его смерти имъ прочитана одна изъ горячихъ статей, и онъ дѣлалъ на поляхъ ея помѣтки, выражавшія желаніе умѣрить тонъ, съ какимъ въ ней дѣлаются правдивыя замѣчанія.

Въ нашемъ журналѣ Чеховичъ, какъ отличный знатокъ латинскаго языка, завѣдывалъ переводною частію. Большая часть твореній св. Кириана переведена имъ самимъ; а гдѣ въ первоначальномъ переводѣ трудилась не его рука, тамъ ему принадлежало исправленіе чужаго перевода и повѣрка его съ подлинникомъ.

Какъ видно изъ нашего простаго перечня занятій Чеховича, онъ не былъ одностороннимъ ученымъ, ничего не хотѣвшимъ знать, кромѣ своего спеціальнаго предмета. Его образованіе имѣло широкіе размѣры. Кромѣ физико-математическихъ наукъ, онъ особенно живо интересовался русскою исторіею, и въ знаніи исторіи юго-западнаго края Россіи, могъ спорить съ какимъ угодно специалистомъ по этой части. И по другимъ отраслямъ гуманныхъ знаній всякая замѣчательная лица обращала на себя его вниманіе и дѣлалась ему знакомою. Тебущюю литературою онъ интересовался не менѣе какогонибудь, только что кончившаго курсъ, юнони, и во все продолженіе своей службы неослабно слѣдилъ за нею. Его міровоззрѣніе было прочно и твердо; но онъ не замыкался съ нимъ въ неприступный кругъ, отталкивающій отъ себя вѣяніе новаго духа. Напротивъ, онъ шелъ всегда на встрѣчу новымъ вліяніямъ вѣмѣчиваго времени, и его твердая и мѣткая мысль умѣла угадывать въ неопредѣлившихся стихіяхъ настоящаго плодотворные элементы будущаго, и родниться съ ними своимъ со-

чувствіемъ. Онъ любитъ бесѣдовать съ развивающеюся юностію, и въ этомъ случаѣ онъ какъ бы забывалъ свою старость, и никогда ни словомъ, ни намекомъ, не давалъ почувствовать молодымъ собесѣдникамъ того, что они говорятъ съ устарѣвшимъ, затвердѣлымъ въ своихъ воззрѣніяхъ, ученымъ. Въ его сужденіяхъ и мысли замѣтна была до послѣдняго времени такая свѣжесть и ясность, какая свойственна скорѣе молодому человѣку, недавно начавшему свою ученую карьеру, чѣмъ шестидесяти-лѣтнему профессору, уже тридцать пять лѣтъ прошедшему на службѣ. Лѣта и сѣдина не ослабили его доброй и подвижной души.

Въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ Чеховичъ держалъ себя всегда съ достоинствомъ, и свои убѣжденія и замѣчанія, когда требовало того дѣла, выражалъ прямо, иногда даже рѣзко, не стѣняясь тѣмъ, что этимъ рѣзкимъ выраженіемъ самостоятельнаго мнѣнія можно обидѣть иного человѣка и возбудить противъ себя укоръ и нареканія. Его самосознаніе въ этомъ случаѣ было слишкомъ сильно и крѣпко, и быть чѣмъ бы то ни было человѣкоугодникомъ, жертвовать долею своей внутренней независимости и самостоятельности въ угоду какому бы то ни было авторитетамъ и отношеніямъ было не въ его характерѣ. Онъ сознавалъ, что онъ старшій братъ въ семьѣ наставниковъ академіи и всегда съ честію выдерживалъ роль, указанную ему положеніемъ его, какъ старѣйшаго члена академической корпораціи. Его самостоятельный и независимый образъ дѣйствія, чуждый всякой человѣкоугодливости, не вносилъ въ оффиціальную сферу никакого задора и не терпѣлъ здѣсь ничего страстнаго, способнаго раздуть вражду изъ столповенія мнѣній. Онъ умѣлъ устранять изъ дѣла всякую примѣсь личности, и между нимъ и его случайными оппонентами могъ вестись споръ только по различнымъ воззрѣніямъ на предметъ, но не по личнымъ расположеніямъ.

Въ семейномъ и домашнемъ быту Чеховичъ являлся человекомъ симпатичнымъ и живымъ, полнымъ благороднаго такта. Въ его домѣ, подъ его освѣжающимъ вліяніемъ, было легко, весело и свободно, но въ тоже время атмосфера, сложившаяся въ немъ, всякаго, переступающаго порогъ его, возбуждала и настраивала на тонъ благороднаго самочувствія, которое не позволяло ничего плоскаго, не допускало человека до соблазнительныхъ разговоровъ, а держало его внимательнымъ къ самому себѣ и правиламъ общественныхъ приличій и нравственности. При немъ, среди свободныхъ разговоровъ, чуждыхъ всякаго педантства, рѣчь собесѣдниковъ переливалась игривою рѣкою, и касалась то предметовъ науки, то новостей политики и литературы, то житейскаго быта и условій нашего собственнаго существованія и т. п. Намъ осталась достопамятною его послѣдняя бесѣда, которую мы слышали отъ него, въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ, за день до его смерти (18 ноября). Какъ бы предчувствуя свой близкій конецъ, онъ обратился къ обзорѣню пройденныхъ имъ лѣтъ, и оживилъ въ своемъ и нашемъ представленіи прежній бытъ наставниковъ академіи. «Прежде все въ Кіевѣ (говорилъ онъ), сравнительно съ нынѣшнимъ, удивительно какъ было дешево, и наставникамъ академіи при прежнемъ окладѣ, значительно меньшемъ теперешняго, гораздо легче и удобнѣе было существовать, чѣмъ теперь... Бытъ нашъ былъ лучше до тѣхъ поръ, пока монетною единицею не признанъ былъ рубль серебромъ. Прежде до сороковыхъ годовъ профессора академіи могли жить на болѣе широкую ногу, могли имѣть лошадей и экипажи (какъ самъ Чеховичъ когда-то); но какъ скоро приказали считать деньги на серебро, онъ тотчасъ же начали понижаться въ цѣнѣ, а цѣнность товаровъ стала быстро возрастать, прежнее жалованье оказалось несоотвѣтствующимъ новому денежному курсу. Напримѣръ квартирныхъ денегъ профессоръ академіи получалъ прежде 400 р. (асс.), и за эти деньги можно было въ свое время имѣть очень удобную и выгодную квартиру. А тутъ вмѣсто

400 р., какъ мы прежде считали, намъ стали давать только 114 р. (сер.). Какъ будто тоже, да не то; потому что за 114 р., какъ видите, нельзя нанять никакой квартиры... Тогда благосостояніе наставниковъ академіи съ разу начало понижаться; они увидѣли себя въ необходимости укоротить свои расходы, отказаться отъ многихъ удобствъ, въ которыхъ прежде привыкли, и отъ удовлетворенія многимъ потребностямъ развитаго челоуѣка. И вотъ наставники, имѣвшіе лошадей и ѣздившіе на дрожкахъ или экипажахъ, должны были распродавать ихъ, по открывшейся несостоятельности въ поддержанію подобнаго комфорта... При этомъ остановилась прогрессія, съ какою прежде, въ слѣдъ за современностію, увеличивалось содержаніе наставниковъ академіи. Посмотрите въ «Исторію Кіевской Академіи» пресов. Макарія; вы тамъ увидите, какое было быстрое движеніе въ увеличеніи нашихъ омадовъ; не проходило, кажется, десяти лѣтъ безъ того, чтобы не прибавили денегъ на содержаніе академіи и служащихъ въ ней. Но съ сороковыхъ годовъ произошелъ въ этомъ отношеніи замѣтный застоій, и сколько лѣтъ должна была ждать наша академія, пока сильное ходатайство высокопресвященнаго митрополита Нисдора могло порадовать ее новою прибавкою, значительно облегчившею наше положеніе, становившееся очень труднымъ въ послѣднее время...» Много подобныхъ вещей пересказалъ намъ покойный Чеховичъ; замѣчанія его часто бывали мѣтки и оригинальны. Мы считали бы полезнымъ обнаруженіе многихъ изъ нихъ, но не имѣемъ на то полномочія отъ воли покойнаго: онъ не любилъ печататься при жизни и, вѣроятно, не благословилъ бы насъ, еслибы мы попросили у него позволенія подѣлиться съ другими всѣмъ запасомъ его наблюденій, мыслей и замѣчаній, хранящихся въ нашей памяти...

Не считаемъ нужнымъ свидѣтельствовать и распространяться о христіанскомъ настроеніи души покойнаго Чеховича: какъ наставникъ духовнаго заведенія, онъ свято былъ преданъ той религіозной идеѣ, во имя которой воспитывался и воспитывалъ другихъ. Но мы не можемъ пропустить безъ вниманія

одной частной замѣчательной черты, сюда относящейся. Повойный Чеховичъ, глубоко уважая многосодержательный чинъ нашего православнаго богослуженія, съ избыткомъ питающаго и воспримчивое сердце и воспримчивый умъ, любилъ принимать, до послѣдняго времени, непосредственное участіе въ церковныхъ чтеніяхъ. Такъ напримѣръ въ великую субботу на литургіи онъ всегда читалъ въ своей приходской церкви талъ называемыя пареміи. Намъ разсказывали, что въ послѣднее время онъ почти постоянно ходилъ и въ будніе дни къ утрене и литургіи въ софійскій соборъ, находящійся не вдалекѣ отъ его дома, часто приходилъ прежде всѣхъ, болышею частію становился на клиросъ, и тамъ можно было слышать его голосъ, которымъ онъ, среди церковной тишины, произносилъ положенныя по уставу молитвы и славословія Господу и святымъ Его.

Заупокойную литургію и погребеніе надъ гробомъ Чеховича 22-го ноября совершалъ въ Братскомъ монастырѣ преосвященный Серафимъ, епископъ чигиринскій, викарій кіевской митрополіи, съ нѣсколькими архимандритами и многими протоіерейми и священниками, изъ которыхъ всѣ почти въ разное время были его учениками. Священники, видѣвшіе въ немъ своего прежняго наставника, собрались къ его погребенію, почти со всего Кіева, безъ нарочитаго приглашенія, по одной сочувственной и благодарной памяти къ его доброму и почтенному имени. Большое стеченіе народа въ церкви показывало, что его знали и цѣнили кіевское общество. Представители академіи, потерявшіе въ немъ своего достойнаго члена и дорогаго наставника, съ глубокимъ скорбнымъ чувствомъ молились о упокоеніи души усопшаго, и отъ избытка сердца взяли свою скорбь въ нѣсколькихъ теплыхъ рѣчахъ, проникнутыхъ сочувствіемъ къ покойному. Кромѣ напечатанныхъ здѣсь слова и рѣчи, принадлежащихъ наставникамъ академіи, еще двѣ рѣчи сказаны студентами академіи, въ которыхъ они выразили искреннее сожалѣніе о потерѣ своего уважаемаго наставника.

В. Пшонцикій.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

въ 1863-мъ году.

Кончается третій годъ, какъ Редакція *Православнаго Обозрѣнія* предприняла свое изданіе, поставивъ для него задачу—быть органомъ сближенія между духовною наукою и жизнью, между обществомъ и духовенствомъ. О направленіи *Православнаго Обозрѣнія* и успѣхъ выполненія его задачи могутъ безпристрастно судить постоянные его читатели по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ нашъ журналъ за весь почти трехлѣтній періодъ своего существованія. Какъ ни были разнообразны, и сильны предубѣжденія, вызванныя новостію задачи и первоначальными опытами ея выполненія, но съ теченіемъ времени они утратили свою силу въ людяхъ благомыслящихъ. Изданіе *Православнаго Обозрѣнія* не только пользовалось постоянно возрастающимъ сочувствіемъ общества, но имѣло вліяніе на опредѣленіе характера и другихъ духовныхъ журналовъ, по благородному сознанію многихъ изъ нихъ. Въ этомъ—и ясный признакъ, что задача нашего журнала была поставлена вѣрно; и вмѣстѣ сильное побужденіе для редакціи дѣлательнѣе и рѣшительнѣе стремиться къ возможно полному ея раскрытію.

Съ самаго начала мы высказали убѣжденіе, что жизнь Вѣры и сила духовной науки не ограничивается обла-

стію релігійознаго сознанія, но обнимаєть собою всѣ сферы чловѣческой дѣятельности—науку, искусство, общественную жизнь и пр. Эта истина получаетъ особенно важное значеніе при современныхъ обстоятельствахъ русской жизни. Нельзя довольно взвѣсить всю важность послѣдствій, намѣченныхъ коренными преобразованіями по всѣмъ сторонамъ жизни въ нашемъ отечествѣ. Одно изъ важнѣйшихъ послѣдствій, обѣщаемыхъ этими реформами, въ особенности желанною перемѣною законодательства относительно печатнаго слова несомнѣнно есть *открытое выступленіе релігійознаго вопроса* во всей обширности его смысла, во всемъ разнообразіи его практическихъ приложенийъ къ жизни. Въ виду такихъ обстоятельствъ, для духовнаго журнала отрывается настоятельная потребность, которой мы и будемъ служить по нашимъ силамъ,—потребность всесторонняго раскрытія тѣхъ жизненныхъ началъ, которыя хранятся въ христіанствѣ и православной церкви,—ихъ смысла, историческихъ судебъ и значенія для полноты развитія народнаго духа.

Но всеобщее движеніе русской жизни, вызывая усиленное вниманіе духовной литературы къ разъясненію релігійознаго вопроса, еще болѣе требуетъ отъ самаго духовенства подъема его дѣятельности и нравственнаго, а не внѣшне-формальнаго участія въ созиданіи общественной жизни. Здѣсь, по нашему убѣжденію, прежде всего и помимо правительственныхъ мѣръ нуженъ для духовенства *собственный подъемъ нравственнаго самопреобразования*, нужно, чтобы духовенство въ своей средѣ и въ области своего служенія глубже прониклось нравственными началами и духомъ общественности, нужно, чтобы оно изъ своей замкнутости серьезно пробудилось къ сознанію общихъ и высшихъ интересовъ православія. Въ этомъ его

III

великая сила, главнѣйшее условіе благотворности его служенія, опора его твердаго общественнаго положенія и залогъ улучшенія даже матеріальнаго его быта. Съ такимъ убѣжденіемъ Редакція *Православнаго Обозрѣнія* обращала особенное вниманіе духовенства на дѣятельность его по народному образованію, на вопросы о его отношеніяхъ къ народу, о мѣрахъ и условіяхъ лучшаго приготовленія будущихъ пастырей къ ихъ служенію и пр., и кромѣ того приглашала лицъ духовныхъ, въ особенности сельскихъ священниковъ и законоучителей, доставлять ей свои соображенія и замѣтки по означеннымъ предметамъ. Въ нынѣшнемъ году было доставлено въ нашъ журналъ изъ дальнихъ захолустьевъ Россіи не мало статей и корреспонденцій, дѣльных не только по содержанию своему, но и по литературному достоинству: и это, мы думаемъ, одно изъ отраднѣхъ приобрѣтеній для духовной литературы и для жизни самого духовенства. Редакція *Православнаго Обозрѣнія* снова предлагаетъ страницы своего журнала для всякаго добросовѣстнаго изложенія фактовъ и соображеній по вопросамъ о жизни церковной, народномъ образованіи, бытѣ духовенства, духовно-учебныхъ заведеній и т. п. Съ своей стороны Редакція постарается, чтобы въ ея журналѣ и *сельское духовенство* нашло чтеніе, особенно *необходимое ему въ настоящихъ обстоятельствахъ.*

Программа нашего журнала остается таже. Въ составъ *Православнаго Обозрѣнія* будутъ входить:

1) По предмету перевода Свящ. Писанія на русскій языкъ, будетъ продолжаться печатаніе опытовъ перевода *неканоническихъ* частей Ветхаго Завѣта, извѣстныхъ на греческомъ языкѣ, начатое въ нынѣшнемъ году, и вмѣстѣ печатаніе русскихъ переводовъ книгъ Ветхаго Завѣта

покойнаго миссіонера архим. Макарія. А такъ какъ въ связи съ дѣломъ библейскихъ переводовъ находится дѣло руководства къ изученію Библии, то Редакція предложитъ рядъ *руководительныхъ статей о священныя книгахъ*.

2) Статьи догматическаго, нравственнаго, церковно-историческаго и вообще пазидательнаго содержанія (проповѣди, изслѣдованія, размышленія, очерки, рассказы, письма). насколько преставаютъ онѣ опыты живаго направленія и общедоступнаго изложенія. Редакція постоянно будетъ заботиться о разнообразіи статей для общаго чтенія.

3) Статьи, нагбюція предметомъ общества иновѣрныхъ, религін нехристіанскія и философскія ученія о религін,— какъ въ видѣ общихъ обозрѣній, такъ и отдѣльныхъ извѣстій изъ современной религіозной жизни.

4) Въ критикѣ и библиографіи, не обходя замѣчательныхъ книгъ духовной литературы—русской и иностранной, Редакція будетъ заботиться не столько о полнотѣ перечня книгъ, сколько о *разясненіи вопросовъ*, возбуждаемыхъ ими, смотря по важности ихъ для современной мысли и жизни.

5) Замѣтки. Этотъ отдѣлъ уже значительно расширенъ не только въ объемѣ (для чего онъ уже печатается особымъ убористымъ шрифтомъ), но и въ содержаніи въ нынѣшнемъ году. Въ него входят *внутренняя корреспонденція, заграничныя замѣтки, разныя извѣстія*. Но при настоящемъ развитіи свѣтской и духовной журналистики и особенно при возрастающемъ числѣ епархіальныхъ вѣдомостей, которыя представляютъ иногда замѣчательныя сужденія по общимъ вопросамъ церкви и духовенства, но не имѣютъ широкаго круга читателей внѣ извѣстной епархіи, чувствуется потребность въ сведеніи, обобщеніи и оцѣнкѣ результатовъ разрозненной мѣстной литературной

дѣтельности. Поэтому *Православное Обозрѣніе* считаетъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на важнѣйшіе современные вопросы поднимаемые и рѣшаемые въ журналахъ и вѣдомостяхъ, и для этого вводитъ въ составъ этого отдѣла—*журнальныя замѣтки*.

б) **Приложеше.** Въ нынѣшнемъ году озаглаивается томъ подлинныхъ сочиненій мученика Густина въ русскомъ переводѣ. Въ 1863 году будутъ помѣщаться съ предисловіями и пояснительными примѣчаніями *Апологетическія Сочиненія* Татіана, Аѳнагора и апологін другихъ извѣстныхъ писателей.

Въ 1863 году *Православное Обозрѣніе* по прежнему будетъ выходить *ежемесячно* книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ.

Въ трудахъ Редаціи принимаютъ постоянное участіе священники: *Г. Н. Смирновъ-Платоновъ* и *П. А. Преображенскій*.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе: въ Москвѣ безъ доставки на домъ шесть рублей серебромъ, съ доставкою на домъ въ Москвѣ, равно съ пересылкою въ другіе города, семь рублей серебромъ.

Въ Москвѣ можно подписываться: въ *Канторъ Редаціи Православнаго Обозрѣнія*, на Остоженкѣ, въ приходѣ Новаго Воскресенія, въ домѣ свящ. Смирнова-Платонова; въ книжныхъ магазинахъ Гг. Базунова, Свѣщикова, Глазунова, Ѳерапонтова, Салаева и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

Въ Петербургѣ; въ книжныхъ лавкахъ Гг. Базунова, Овсянникова, Крашенинникова, Кораблева, Исакова, Давыдова и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные, во избѣжаніе различныхъ недоразумѣній, благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *прямо и исключительно* въ **КОНТОРУ РЕДАКЦИИ ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ ВЪ МОСКВѢ**. Адресъ Конторы извѣстенъ почтамту.

Новые подписчики на *Православное Обозрѣніе*, которые подпишутся не позднее выхода первой книжки, получатъ начало *неканоническихъ книгъ Ветхаго Завета—Товитъ и Юдиѣ* въ русскомъ переводѣ, пожѣщенныхъ въ нынѣшнемъ году и потому Редакція проситъ, чтобы они, обращаясь съ требованіями своими *прямо въ Контору Редакціи*, обозначали, что не подписывались на *Православное Обозрѣніе* въ 1862 году.

Редакторъ, Свящ. Н. Сергіевскій,
Ординарный профессоръ Богословія въ Московскомъ
Университетѣ.

состязаясь съ хорами и звучнымъ человѣческимъ голосомъ, перебираетъ отверстія органа и, то сдерживая дыханіе, то втягивая его внутрь и потомъ выпуская въ воздухъ чрезъ извѣстныя щели инструмента, и за тѣмъ прерывая звукъ на извѣстномъ колѣнѣ, — неблагодарный художнику, который далъ ему языкъ, — усиливается говорить пальцами! А что сказать о комическихкихъ бесполезныхъ усиліяхъ, — о великихъ неистовствахъ трагической рѣчи, — о напряженіи нервовъ во время крика? Хотя бы все это и небыло посвящено идоламъ, — и тогда вѣрные хрістіане не должны бы ни посѣщать этихъ зрѣлищъ, ни смотрѣть на нихъ; потому-что хотя бы во всемъ этомъ и небыло прямого преступленія, однако все же тутъ есть величайшая и вовсе неприличная вѣрнымъ пустота. Не явно ли безуміе тѣхъ, которые людямъ праздно въ доставляютъ занятіе — бить себя, и которыхъ первая побѣда состоитъ въ томъ, чтобы, высказать, несвойственную человѣческому желудку, аячбу, какъ бы въ изъясненіе почести увѣнчанному обжорству распутной Нундивы ¹⁾? Несчастное лице подставляется подъ удары, чтобы только насытить, еще болѣе несчастное чрево! Кромѣ сего — какая срамота въ самыхъ состязаніяхъ? Мужчина лежитъ подъ мужичиной, безстыдно обнявшись и сѣдлившись другъ съ другомъ. Высматриваютъ, кто побѣдитъ; но прежде всего побѣжденъ уже стыдъ. Вотъ одинъ пагой свачеть предъ тобою, другой съ напряженнымъ усиліемъ бросаетъ вверхъ мѣднй шаръ; не слава это, но безуміе! Удали зрителя, — и ты представишь одну пустоту. Потому-то вѣрующіе, хрістіане, какъ нѣсколько уже разъ говорилъ я, должны убѣгать отъ этихъ столь пустыхъ, парубковыхъ и нечестивыхъ зрѣлищъ: надобно блюсти отъ нихъ и зрѣніе наше и слухъ. Мы скоро привыкаемъ къ тому, что слышимъ и что видимъ. Умъ человѣческій самъ по себѣ скло-

¹⁾ Божья, у Рихлявъ, обжорства и торашества.

пенъ къ порокамъ; чтоже онъ сдѣлаетъ самъ съ собою, если будетъ имѣть скользкіе образцы тѣлесной природы, которая охотно предается пороку, — что онъ сдѣлаетъ, если она будетъ еще поощрена къ тому? Да, нужно удалять душу отъ всего этого.

Христіанинъ, если только пожелаетъ, имѣетъ гораздо лучшія зрѣлища, — онъ имѣетъ истинныя и вполне полезныя удовольствія, — если только признаетъ самъ себя. Не стану упоминать о томъ, чего пока нельзя еще созерцать: но онъ имѣетъ предъ собой ту красоту міра, которую можно видѣть и удивляться ей. Пусть онъ смотритъ на восхожденіе и захожденіе солнца, которыя попеременно возвращаютъ дни и ночи; на кругъ луны, своимъ возрастаніемъ и уцербомъ обозначающій теченіе времени; на сонмы свергающихся звѣздъ, постоянно съ высоты изливающихъ свѣтъ съ необычайною удобоподвижностію; пусть преемственно созерцаетъ отдѣльныя части цѣлаго года и самыя дни съ ночами, распределенныя по временамъ часовъ, — пусть созерцаетъ уравновѣшенную толщу земли съ ея горами, и непрерывно текуція рѣки съ ихъ источниками, — обширныя моря съ ихъ волнами и берегами, — постоянный, съ величайшею соразмѣрностію распростертый повсюду воздухъ, все оживляющій своимъ благораствореніемъ и, то изливающій дождь изъ сгущенныхъ облаковъ, то, по разрѣженіи облаковъ, снова возвращающій ясную погоду, — и во всѣхъ этихъ частяхъ природы пусть созерцаетъ обитателей, свойственныхъ каждой части: въ воздухѣ — птицъ, въ водѣ — рыбъ, и на землѣ — человѣка. Этого, говорю, и другія дѣла Божіи должны составлять зрѣлище для вѣрныхъ христіанъ. Какой театр, состроенный человѣческими руками можетъ сравниться съ этими дѣлами? Пусть онъ будетъ построенъ изъ великихъ грудъ камней, — но гребни горъ выше его; пусть потолоки его сіяютъ золотомъ, но блескъ звѣздъ совершенно ихъ потемняетъ. Такъ, никогда не будетъ удив-

латься дѣламъ человѣческимъ, кто признаётъ себя сыномъ Божиимъ!

Тотъ низвергаетъ себя съ высоты благородства своего, кто можетъ удивляться чемунибудь кромѣ Господа. Вѣрный, говорю, христіанинъ долженъ прилежать божественнымъ писаніямъ: въ нихъ найдеть онъ зрѣлища, достойныя вѣры. Онъ увидитъ тамъ Бога, творящаго міръ свой и, послѣ сотворенія всѣхъ животныхъ, созидающаго удивительнымъ и самымъ лучшимъ образомъ человѣка. Увидитъ міръ во грѣхахъ его и затѣмъ праведное потопленіе всѣхъ; награды благочестивыхъ и наказанія нечестивыхъ. Увидитъ моря, иссушенныя для народа, и воды, проторгившіяся изъ камня, для того же народа. Увидитъ хлѣбъ, сходящій съ неба, а не изъ житницъ, — увидитъ рѣки, послѣ того какъ остановлено теченіе воды, дающія сухіе переходы множеству народа. Онъ усмотритъ въ нѣкоторыхъ вѣру, побѣждающую пламень огненный, — животныхъ, укрощенныхъ вѣрою и содѣланныхъ ручными. Онъ будетъ созерцать и души, возвращенныя изъ узъ смерти; усмотритъ даже, какъ чудеснымъ образомъ возвращалась жизнь самымъ истлѣвшимъ тѣламъ; въ заключеніе же всего увидитъ еще особенное зрѣлище, — того самаго діавола, который торжествовалъ во всемъ мірѣ, поверженнымъ подъ ноги Христовы. Сколь благоприлично, братья, это зрѣлище! Какъ пріятно и какъ необходимо созерцать всегда надежду свою и отверзать очи во спасеніе свое! Подобнаго зрѣлища не представитъ ни преторъ, ни консулъ; но только Одинъ Тотъ, Который прежде всего, Который надъ всѣмъ и изъ Котораго все, — Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, Которому похвала и слава во вѣки вѣковъ. Желаю вамъ, братья, всегда быть въ добромъ здоровьи. Аминь.

КНИГА,

О ПОХВАЛѢ МУЧЕНИЧЕСТВУ, къ Моусею, Максиму и другимъ неповѣдникамъ.

Хотя и не прилично, возлюбленнѣйшіе братья, при расположенности говорить, обнаруживать какой нибудь страхъ, тѣмъ болѣе неприлично уменьшать славу такого пожертвования потому только, что сознаю, что самъ я начинаю колебаться; однакожь я часто говорю (не смотря на то, что духъ изнемогаетъ отъ одного размышленія, когда, съ одной стороны, воспламеняется страстію къ начинающейсѣ похвалѣ, а съ другой—сдерживается въ словѣ величіемъ подвига), что и не прилично бываетъ молчать, и опасно—мало говорить, развѣ когда имѣющему сильное рвеніе къ слову помогаетъ одно обстоятельство, что есть возможность получить извиненіе тому, кто не побоялся отвѣтиться на это. Почему, возлюбленнѣйшіе братья, хотя сила разсудка подавляется величіемъ предмета, такъ что на сколько бы она обнаружила себя въ изображенія достоинства мученичества, на столько же, будучи стѣснена самою важностію похвалы, а равно—будучи приведена въ изнеможеніе и совершенно разстроена сужденіемъ о достоинствѣ тѣхъ предметовъ, о которыхъ всего больше говорятъ, спутавшись въ самой себѣ, теряетъ способность говорить, и хотя, по освобожденіи даже отъ подобныхъ узъ, не выражаетъ открытымъ словомъ силы

этой похвалы; однако, если не ошибаюсь, въ самомъ изображеніи будетъ нѣкая сила, которая, ограждаясь значеніемъ дѣла, находитъ для себя опору даже въ томъ, въ чемъ неравносильное разуму сознаніе находило препятствіе къ слову. Итакъ, возлюблѣннѣйшіе братья, поелику мы, затрудненные столь разнообразными обстоятельствами вооружаемся всею любовію и всѣмъ стараніемъ для восхвавленія превосходныхъ и прекрасныхъ плодовъ спасенія; то я не боюсь уже, чтобы опасеніе за свою неспособность или отклонило меня отъ моего намѣренія, или совершенно уничтожило его во мнѣ, хотя бы кто, пожелавши всмогнуться въ то, о чемъ идетъ у насъ рѣчь и взвѣсивши— на чемъ основывается надежда пожертвованія и оцѣнивши всю важность его, и удивляясь какъ нельзя болѣе, что я отваживаюсь на это, когда, съ одной стороны, устранила меня обширность предмета, а съ другой—ревность къ исполненію своего обѣщанія доводила смущенный восторгомъ умъ до смятенія духа. Да и кого не утратить дѣло это? Кого непоразить оно своею изумительностію? Между тѣмъ, если не ошибаюсь, въ самой силѣ сознанія дѣйствительно есть чудная робость, которая и смущаетъ и возбуждаетъ насъ. И чѣмъ глубже будешь всматриваться въ могущество сознанія, тѣмъ болѣе, въ слѣдствіе самаго созерцанія достойной уваженія чистоты его, оно будетъ предполагать уваженіе къ обязательству своему.

Итакъ, вы должны подумать о томъ, сколь велика слава—принятіемъ одного удара очистить какое либо пятно жизни, нечистоту оскверненнаго тѣла,—и застарѣлая отъ продолжительнаго нагноенія пороковъ язва, и преступленіе, нажитое въ продолжительное время; чѣмъ можетъ и увеличиться награда и изгладиться преступленіе. Отсюда все совершенство и достоинство жизни заключается въ мученичествѣ. Оно есть основаніе жизни и вѣры, оно есть опора спасенія, союзъ свободы и чести,—и хотя есть нѣчто и другое, посредствомъ чего можно

достигать свѣта, однако достигать обѣщанной награды гораздо лучше посредствомъ искунительныхъ наказаній. Оцѣните, сколь велика слава—когда духъ, совлекшись похотей сей жизни и отрѣшившись отъ всей природы и общенія съ міромъ, противостоитъ нападенію противника и не страшится жестокости мучителя, когда человѣкъ воодушевляется тѣмъ именно мученіемъ, отъ котораго, повидимому, долженъ былъ погибнуть, когда онъ въ томъ именно находитъ укрѣпленіе своихъ силъ, чѣмъ наказывающій думаетъ увеличить мученіе. Ибо, хотя отскакивающая отъ твердыхъ реберъ когти (родъ орудій пытки) снова запусаются въ рану, и хотя, при ударахъ бичами, ремень съ оторванной частью тѣла снова возвращается на одно и то же мѣсто,—но мучимый стоитъ неподвижно, мужественно препобѣждая казни свои и сосредоточиваясь при этомъ въ самомъ себѣ; потому что во время этого торжества палачей, Христосъ, за котораго мучимый страдаетъ, тернить болѣе, чѣмъ самъ мучимый. И еслибы кто отвергъ когда Христа, то подвергается винѣ тѣмъ самымъ, чѣмъ долженъ былъ одержать побѣду; отсюда необходимо все терпѣть тому, для котораго отъ казни зависитъ побѣда.

Итакъ, поскольку мученичество есть величайшее дѣло, то мы должны, какъ предположили, говорить объ немъ съ трехъ сторонъ: что оно такое, каковы его свойства, и какую приносить оно пользу? Итакъ, что есть мученичество? Окончаніе грѣховъ, предѣлъ бѣдствій, вождь спасенія, учитель терпѣнія, обитель жизни, которымъ (мученичествомъ) совершенно уничтожается и то, за что на будущемъ истязаніи могло бы послѣдовать мученіе. Чрезъ него дается и подтвержденіе названію, и восполняется величіе названія, не потому, впрочемъ, чтобы величіе это могло уменьшиться само собою, или уничтожиться отъ преступленія отрицающагося, но потому что оно способствуетъ къ приумноженію славы, поскольку страхъ кругомъ

волнующагося народа смущаетъ самыя безстрашныя души, и угрозами злобствующей ненависти къ достоинству, которымъ Христось благоволилъ увѣнчать человѣка, придаетъ то, что умъ въ борьбѣ возвышается надъ самимъ собою на столько, на сколько мучитель думалъ побѣдить его. Тогда то обнаруживается вся твердость вѣры, тогда то выявляется и легковѣріе; и если ты благочестивымъ умомъ своимъ утвердишься противъ народныхъ безумствъ, то препобѣдишь и поборешь то, что невѣжественная молва взводила на тебя для поношенія Христа, подобно тому какъ плотина противостоитъ ярости моря, и хотя волны свирѣствуютъ и отраженный приливъ снова ударяетъ въ нее, однако укрѣпленіе остается непоколебимымъ, и, будучи покрыто всцѣпленными волнами, не поддается, пока наконецъ сила волнъ, разнесшись по скаламъ, сама сокрушится, и усмиренное море, плескаясь о скалы, взойдетъ въ открытые берега. Что иное и тамъ есть, какъ не пустая рѣчь, безумный разговоръ и преступное удовольствіе отъ безумныхъ словъ, какъ и написано: *очи имутъ, и не видятъ, уши имутъ и не слышатъ. Одебель бо несмысленное сердце ихъ, да не когда обратятся и спасу ихъ* (Псал. 113. 13, Ис. 6. 10). Нѣтъ сомнѣнія, что сказалъ онъ это о всѣхъ, у которыхъ всегда черствая душа и постоянно свирѣлое сердце, при руководствѣ безумія, при увлеченіи яростію и наконецъ при совершенномъ подавленіи ожесточеніемъ, которымъ они увлекаются и возбуждаются, совершенно отступаетъ отъ жизненнаго благочестія, чтобы вина воздвигнутаго гоненія увеличила тяжесть самаго наказанія, которое они заслуживали дѣлами своими.

Все это относится къ похвалѣ мученичества, все это увеличиваетъ славу страданія, въ которомъ усматривается надежда будущей жизни, въ которомъ Самъ Христось дѣйствуетъ; предъ нами опыты онаго, которыхъ желаемъ, предъ нами и сила его, которою мы защищаемся. Въ этомъ случаѣ довольно

вѣзѣно сказать — чрезвычайно велика и достойна удивленія почесть эта, такъ что мы не можемъ ни умомъ постигнуть ее, ни словами выразить. Ибо, что большее могла даровать намъ щедрая Любовь какъ не то, что Онъ первый на Себѣ Самомъ показалъ, что награждаетъ въ другихъ? Онъ содѣлалъ смертнымъ, чтобы мы могли быть бессмертными, и подвергся общему человѣческому жребію Тотъ, Который управляетъ человѣческимъ жребіемъ, чтобы ясно было, что Онъ для насъ совершилъ то, что претерпѣлъ; даровать исповѣданіе, присоветовать и мученичество, наконецъ благодареніями рождества Своего, особеннымъ уничиженіемъ и божественнымъ достоинствомъ Онъ обратилъ въ спасительное врачевство все, чѣмъ могъ помрачиться свѣтъ. Тѣ, которые удостоились этой почести (мученичества), совершенно освободились отъ отвратительнѣйшей бездны міра, — они побѣдили условіе насильственной смерти. Почему и сомнѣваться въ томъ, сколько заслуживаютъ у Господа тѣ, которые славу Божию предпочли своему избавленію; истекшая кровь представить, въ послѣдній день суда, лучшими тѣхъ, которые въ смерти своей явились мучениками. Такимъ образомъ смерть содѣлываетъ жизнь болѣе безопасною, смерть скорѣе приводитъ къ славѣ. Такъ, каждый разъ, когда на стебли хлѣбные падаетъ дождь, поливаютъ разбухнувшіеся зерна и созрѣваетъ лѣтомъ обильная жатва; такъ каждый разъ, когда на виноградной лозѣ появляется много побѣговъ и листьевъ, очищаютъ лозу ножомъ, и ягода наливается лучше: точно также и въ приумноженіе будущаго благополучія обращается то именно, въ чемъ заключается обида. Равнымъ образомъ, очень часто бываетъ полезно впускать на поля огонь, чтобы отъ жара бѣгущаго пламени открылись темныя поры земли; полезно сорныя травы выжигать огнемъ, чтобы могъ входить обильный посѣвъ, чтобы густая жатва могла красоваться распускающимися колосьями. Такъ точно бываетъ и въ отношеніи къ мученичеству, — сна-

чала—смерть, а потомъ—плодъ для того, кто осуждаетъ жизнь на смерть, чтобы чрезъ смерть сохранить жизнь.

Можетъ ли что нибудь быть превосходнѣе и возвышеннѣе—какъ среди столькихъ пытокъ палачей съ непоколебимую преданностию сохранить всю силу вѣры? Можетъ ли что нибудь быть величественнѣе и прекраснѣе—какъ, находясь подъ мечами столькихъ мучителей, немолчно исповѣдать Гоенода, виновника своей свободы и счастья? И особенно—если будешь представлять, что вѣтъ ничего поноснѣе безчестія, вѣтъ ничего гнуснѣе рабства, что ты долженъ желать и просить только одного, чтобы вырваться изъ этой погибельной жизни, чтобы совлечься золь міра, и чтобы тебѣ, среди разрушенія вселенной, имѣющей вотъ скоро погибнуть, явиться чуждымъ земной заразы? Ибо на что нуженъ этотъ свѣтъ тебѣ, которому обѣщанъ свѣтъ вѣчный? Какая нужда тебѣ въ этомъ соотношеніи жизни и природы, тебѣ, котораго призываетъ къ себѣ вся полнота небесъ? Правда, можетъ удерживать любовь къ настоящей жизни, но только тѣхъ, которыхъ во время вѣчнаго отмщенія злодѣяній, будетъ мучить неизъяснимо яростный огонь; можетъ удерживать пристрастіе къ этой жизни, но только тѣхъ, для которыхъ и смерть—наказаніе, и продолженіе жизни муча. А для тебя, который при всеобщей смертности сохраненъ собственно для того, чтобы могъ быть мученикомъ, для тебя весь міръ теряетъ значеніе и земля переходитъ. Не каждый ли день мы видимъ похороны? Видимъ новыя кончины, содѣлавшіяся непрерывными въ слѣдствіе жестокыхъ болѣзней; мы видимъ послѣдствія каждаго новаго бѣдствія, видимъ опустошеніе населенныхъ городовъ, чтобы изъ всего этого могли познать, какъ высоко должно быть цѣнимо достоинство мученичества, къ прославленію котораго побудило насъ и настоящее бѣдствіе.

Итакъ, возлюбленнѣйшіе братья, прошу васъ, усерднѣе присматривайтесь къ тому, въ чемъ заключается спасеніе и

въ чемъ полагается преимущество. Мнѣ извѣстно, да и вы также очень хорошо знаете, что мы подлежимъ суду всѣхъ окружающихъ насъ; извѣстенъ также и заповѣданный намъ образъ поведенія, чтобы мы безъ всякаго страха борьбы поддерживали достоинство такого наименованія, мы, которыхъ еще прежде сего любовь къ вѣчной памяти должна была отклонять отъ привязанности къ этому свѣту, которыхъ обѣтованія будущихъ благъ должны были отрывать отъ всего, которыхъ наконецъ желаемое общеніе съ Богомъ должно было отвлекать отъ всѣхъ пороковъ, если только мы не сомнѣваемся, что должны пострадать и умереть. Итакъ, мы должны цѣнить и съ любовію принимать божественныя благодѣянія, которыя, сверхъ величія своего, заключаютъ въ себѣ такую награду, которую человѣческая посредственность едва можетъ выразить словомъ. Для нашей крови отверсто небо, предъ кровію ни во что обращается геенна, и между всякою славой и вѣнцемъ титло крови является и выше и прекраснѣе. Такъ, когда обремененный добычею воинъ возвращается съ поля битвы, то онъ каждый разъ радуется за свои раны; такъ и мореплаватель, когда только, послѣ продолжительной бури, достигнетъ спокойныхъ береговъ, свое счастье цѣнитъ по испытанной опасности, потому что на самомъ дѣлѣ, если не ошибаюсь, пріятенъ тотъ трудъ, которымъ достигается благополучіе. Итакъ должно переносить и терпѣть все, и не должно желать кратковременной радости, чтобы потомъ терпѣть всегдашнее мученіе. Ты долженъ помнить, что ты связанъ нѣкотораго рода обязательствомъ, въ которомъ заключается—или истинное условіе полученія спасенія, или—угроза заслуженнаго наказанія. Ты стоишь на срединѣ между счастьемъ и несчастіемъ, находишься между двумя огнями, въ одну сторону влечетъ тебя временная почеть, а въ другую—слава небесная. Если боишься потерять спасеніе, то долженъ знать, что тебѣ нужно умереть. Но ты, за кото-

раго Христосъ умерщвленъ, долженъ презирать смерть. Прошу, пусть предъ взорами твоими предстоятъ вмѣстѣ—примѣры страданій Господа, жертвоприношенія, награды и приготовленія мученія, и какое находится между ними различіе, посмотри на тѣ и на другія; и ты не могъ бы исповѣдать (Христа), еслибы не зналъ, на сколько повредишь себѣ, если отречешься (отъ Него). Мученики радуются на небѣ, а враговъ истинны огонь поядаетъ, — рай Божій украшается исповѣдниками, а наполненная отречшимися геенна горитъ вѣчнымъ огнемъ.

Не говоря о другомъ, одно то болѣе всего должно поощрять насъ—что краткое (выраженное однимъ словомъ) исповѣданіе Христа будетъ вознаграждено вѣчнымъ исповѣданіемъ, какъ написано: *иже исповѣсться Мя* (на земли) *предъ челоуки,* и *Азъ исповѣю его предъ Отцемъ Моимъ и предъ ангелы Его* (Лук. 12. 8). Къ довершенію изображенія славы представляются также и знаки отличія добродѣтелей, какъ говорить: *праведные возсіяютъ, и яко искры по стѣблѣю потекутъ: судятъ языкомъ и обладаютъ людьми* (Прем. 3. 7, 8). Да, велика, возлюбленнѣйшіе братья, слава—украшать нуть вѣчнаго спасенія доблестію страданія, велико преимущество—предъ лицемъ Божиимъ, предъ очами Христа презирать муки челоуческаго насилія и не бояться ихъ! Такъ Даниилъ постоянствомъ вѣры побѣдилъ свирѣпость рыкающихъ львовъ, когда вѣровалъ, что нужно почитать одного только истиннаго Бога (Дан. 6. 26). Такъ когда (три) отрока ввержены были въ печь, то пламя обратилось на себя, доколѣ праведные находились въ огнѣ, потому что они, вѣруя въ Господа, не боялись геенны. Въ слѣдствіе сего и получили достойное еще въ настоящее время до полученія награды вѣчнаго спасенія. Богъ усмотрѣлъ въ нихъ такую вѣру, что они заслуживали, находясь еще въ тѣлѣ, видѣть то, что предъобѣщали себѣ послѣ смерти, потому что нельзя было и подумать о какой либо на-

градъ въ настоящей бѣдѣ. Между тѣмъ свирѣлость прекратилась, огонь погасъ; потому что у всѣхъ (отроковъ) было одно намѣреніе, котораго ни насиліе не могло сокрушить, ни гнѣвъ— уничтожить, и страхъ смерти не могъ отклонить ихъ отъ сохраненія благочестія. Такимъ образомъ, по благодати Божіей совершилось, чтобы чрезъ нихъ очевиднымъ образомъ былъ наказанъ царь, когда тѣ, которыхъ онъ считалъ погибшими, выходять изъ пламени невредимыми.

Теперь, возлюбленнѣйшіе братья, приступлю къ тому, чѣмъ могу удовлетворительно показать, въ чемъ собственно заключается достоинство мученичества. Хотя это достоинство всѣмъ извѣстно, и по признакамъ принадлежащей ему славы должно составлять предметъ исканія; однако необходимость обстоятельствъ еще болѣе усиливаетъ намѣреніе; ибо великое благодѣаніе, если кто увѣнчается въ то время, въ которое предполагаешь себя увѣнчаннымъ, если умереть мужественно. Итакъ если мученичество всегда высоко и важно, то особенно оно важно теперь, когда самъ міръ приходитъ въ разрушеніе, когда отчасти поколебалась вселенная, когда изнемогающая природа представляетъ свидѣтельства послѣдняго разрушенія. Ибо въ то время, когда собирается на небѣ туча, то пасмурный воздухъ указываетъ на близость дождя, и каждый разъ, когда свирѣлая буря угрожаетъ колышущемуся морю, молнія блестя въ темныхъ облакахъ: равнымъ образомъ и въ то время, когда море начинаетъ сильно волноваться, то мало по малу вздымается водяной валъ, мало по малу бѣлѣтъ поверхность моря, и потомъ уже замѣтивъ, что оно дѣлается такъ яростнымъ, что въ тѣхъ скалахъ, о которыя оно ударяетъ, бросаетъ ибну гораздо выше волтъ, которыя выплескивала возмущенная глубина. Ты читаешь, что написано: *что мы воздадимъ до послѣдняго кондранта* (Матѳ. 5. 26); по этому жребію не подвергнутся мученки; потому что умиловительная

жертва, принесенная Господомъ, увѣнчаетъ, какъ не причастныхъ общей скорби, тѣхъ, которые, въ надеждѣ на вѣчное спасеніе, побѣдили земныя желанія.

Итакъ, возлюбленнѣйшіе братья, вотъ здѣсь прежде всего и могъ бы рассмотреть, въ чемъ можетъ заключаться значеніе мученичества. Но для того, чтобы обнять все, мы должны помнить, кака я слава—приступить къ пречистому Христу, быть участникомъ (Его) страданія, вѣчно царствовать съ Господомъ, быть непричастнымъ грозныхъ бѣдствій этого міра и, во время страшнаго пораженія моровымъ повѣтріемъ, не смѣшаться съ прочими въ общемъ жребіи. И какъ я умоляю о вѣнцѣ, если тебѣ обѣщается конецъ жизни въ то время, когда ты находишься среди страшныхъ бѣдствій природы,—не возрадовался ли бы тогда всею душою? Велибы предстоять тебѣ покой въ то время, когда смущаютъ тебя тревоженія этого міра,—не почелъ ли бы ты смерть врачевствомъ? Находясь между орудіями палачей и истязаній, пребывай твердъ и мужественъ, размышляя о томъ, какова казнь отречься въ то время, въ которое не можешь пользоваться жизнью, ради которой отрелся бы, потому что Господь знаетъ, что для того приготовляются тяжкія мученія и губельныя орудія наказанія къ гибели нашей, чтобы содѣлать насъ мужественными къ перенесенію всего. *Сынъ, говорить, приступая работами Господеви, пребывай во благочестіи и смирзль, и уготови душу во испытаніи.* И блаженнѣйшій апостоль Навель, восклицая, говорить: *мнѣ еже жити Христомъ, а еже умерети приобрѣтеніе есть* (Филип. 1. 21). Почему, возлюбленнѣйшіе братья, намъ должно твердою вѣрою, крѣпкою преданностію противостоять жестокии угрозамъ вѣка и неистовымъ крикамъ гонителей; равнымъ образомъ не должны быть малодушными тѣ, которымъ принадлежитъ надежда безсмертія и жизнь небесная, которые пламенѣютъ любовью къ свѣту и радуются объ обѣщанномъ безсмертіи.

А то, что руки сдавлены сжимающими оковами и окружающія шею тяжелыя цѣпи гнетутъ своею тяжестью, или—что растянутое на орудіи пытки тѣло трещитъ на раскаленныхъ доскахъ,—то это не жажда крови, но для испытанія. Ибо какимъ образомъ мы могли бы познать и самое достоинство мученичества, еслибы не побуждались желать его съ вредомъ даже для своего тѣла? Я видѣлъ, и истина не обманываетъ меня, какъ часто руки палачей разрывали члены, и свирѣпый мучитель выворачивалъ истерзаніе суставы; и однакожь не побѣждалъ, не смотря на клики осуждающихъ. Подлинно, великое дѣло—не быть побѣдену страданіями, не пасть подъ казнями мучителей. Но были и другіе возгласы, и думаю: дѣтей имѣеть, ибо есть у него въ домѣ помощница-супруга, и однакожь онъ не уступастъ предъ узами (брачныхъ) обѣтовъ, и не оставляетъ своего намѣренія при всемъ препятствіи со стороны любви. Нужно полять это обстоятельство, и силы къ этому нужно искать очень глубоко, ибо не маловажно то исповѣданіе, за которое человѣкъ страдаетъ и готовъ умереть. Такимъ образомъ, возлюбленнѣйшіе братья, сила мученичества такова, что черезъ нее побуждается къ вѣрѣ тотъ, кто хотѣлъ убить тебя. Читаемъ, что написано: *въ скорби буди мужественъ, и въ униженіи своемъ буди терпимъ, понеже о немъ искушается злато и сребро*. Итакъ, понеже Господь искушаетъ насъ земными испытаніями, и испытующій Христосъ избавляетъ насъ отъ золъ этой жизни, то мы должны быть благодарными и радоваться, что Онъ не только избавляетъ насъ отъ оныхъ вѣчныхъ мукъ, но и радуется, что мы очистились отъ всякой заразы.

Съ другой стороны, одной только непорочности Онъ требуетъ отъ тѣхъ, которыхъ признасть участниками вѣчнаго наслажденія и охотно принимаетъ въ небесное царство. Онъ Самъ сказалъ, что все принадлежитъ Ему, не только то, что растеть

на низменныхъ мѣстахъ, и что вьется по скатамъ горъ, но и что находится въ необъятномъ пространствѣ небесъ, и что заключается въ глубинахъ влокоцущаго моря. Вотъ въ слѣдствіе того, что все находится въ Его власти Онъ и требуетъ отъ насъ однихъ только добрыхъ дѣлъ; золоту, какъ Онъ сказалъ, мы должны быть подобны. Ибо какъ золото очищается огнемъ въ горнилѣ, такъ и мы должны все терпѣть, чтобы быть чистыми отъ всякой скверны, какъ Онъ сказалъ чрезъ Пророка Своего: *аще предъ лицемъ человеческимъ и муку примутъ, упованіе ихъ безсмертія исполнено: и вмѣстѣ наказани бывше, великими благодѣтельствовани будутъ, яко Богъ искуси ихъ и обрѣте ихъ достойны Себя, и яко всесподіе жертвенное пріять я* (Прем. 3. 4, 5). Такимъ образомъ, если увлечаетъ тебя честолюбіе и привязываетъ множество заключенныхъ въ кладовыхъ денегъ, которыя всегда отклоняютъ отъ добраго намѣренія, и преданную Господу своему душу подавляютъ страхомъ мученія; то, прошу, повторяй небесныя слова, сказанныя Самимъ Христомъ: *кто погубитъ душу свою имене Моего ради, приметъ въ сей жизни сторицею, а въ будущей—насладитъ жизньъ вѣчный* (Матѣ. 10), что мы должны почитать выше всего, дороже всего и полезнѣе всего. И пусть на дорогихъ одеждахъ будетъ бросаться въ глаза узорами пурпуръ и золото просвѣчивать тонкими нитями, пусть дорогіе металлы, о которыхъ ты заботишься, находятся въ кладовыхъ; но, если нешибаюсь, все это полтется пустымъ и бесполезнымъ, если, при изобиліи у тебя всего, неостанетъ у тебя одного спасенія. Такъ и Духъ святой говорить, что мы ничего не можемъ дать вмѣсто души своей. *Аще міръ весь пріобрѣдешь, говорить Онъ, душу же свою отщетиши, какая польза тебѣ? Или что дастъ человекъ измѣну за душу свою* (Матѣ. 16. 26)?

Суетно все, что видимъ, и что, будучи основано на непрочномъ основаніи, не можетъ поддержать своей прочности;

ибо что беретъ начало свое во времени, временемъ и сокрушается. Потому, дабы не показалось что либо приятнымъ или вождельнымъ, и дабы не предпочеть чего либо желанію вѣчнаго спасенія, все отринутое божественными заповѣдями, не имѣть въ себѣ права и законности. Чтобы слыть, находясь въ пыткахъ, не разстроилъ отца, и чтобы стѣсненное сердце, несмотря на твердое, незыбланное мужество, не измѣнило какънибудь стремленій въ чуждую волю, Господь опредѣлялъ закономъ своимъ—среди великихъ мученій хранить одну истину и одно спасеніе; въ этомъ опредѣленіи — и жена, и дѣти, и внуки, это опредѣленіе имѣя въ виду нужно, оставляя въ сторону всякое потомство, исторгать побѣду. Ибо и Авраамъ тѣмъ собственно благоугодилъ Богу, что, искушаемый Богомъ, не пощадылъ сына, и еслибы усумнился убить его, то едва ли получилъ бы извиненіе въ этомъ. Святая преданность вооружила руку, а отеческая любовь, повинуваясь повелѣнію Господа, заглушила въ себѣ порывы любви. И не ужаснулся того, что пролилъ бы кровь сына, и не вострепеталъ при повелѣніи; между тѣмъ Христосъ не былъ еще убитъ за него. Ибо что можетъ быть вождельнѣе того, что Онъ Самъ прежде претерпѣлъ то, чему училъ, чтобы ты страдалъ теперь не по принужденію? Что можетъ быть приятнѣе того, что Онъ-Богъ и Владыка нашъ дѣлаетъ сонаслѣдникомъ небеснаго царства страдающаго за Него человѣка? Я не знаю, предъ чѣмъ болѣе благоговѣть, предъ тѣмъ ли что сознаніе едва можетъ постигать, такъ какъ оно всегда изумляется предъ величіемъ даровъ,— или предъ тѣмъ, что величіе Божіе такъ неизмѣримо, что, сверхъ всякаго ожиданія, предлагаетъ даже то, чего несвойственно было желать намъ при разсмотрѣніи своихъ поступковъ. Ибо, еслибы давалось намъ только вѣчное спасеніе, то за одну вѣчную жизнь мы должны бы считаться облагодѣтельными. Но теперь, когда въ будущей жизни Онъ даруетъ

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Третья книга царствъ, гл. XX—XXII (перев. съ евр.).
- II. Жизнь св. Іоанна владимирца.
- III. О книгѣ Преподобности Соломоновой (событія историко-библиографическаго изслѣдованія) (продолженіе).
- IV. Забѣты покаянника св. Горы. А. А.
- V. Слово на погребеніе профессора кievской духовной академіи, статскаго совѣтника, Певедиста Павловима Чеховича, скончавшагося 29 ноября 1862 года. В. Шатищкинъ.
- VI. Рѣчь при погребеніи аринларнаго профессора кievской духовной академіи, статскаго совѣтника, Венедиста Павловима Чеховича. Авафана Абедитицева.
- VII. Свѣдѣнія о жизни покойнаго профессора к. д. академіи, В. П. Чеховича. В. Шатищкинъ.
- VIII. Творенія св. священномученика Кипріяна, епископа кароагенскаго. Трактаты (перев. съ лат.).

Приглашаются въ редакцію объ изданіи Православнаго Обозрѣнія и Гудьскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ 1863 г.

Подписка принимается въ Редаціи журнала при кievской духовной академіи, въ конвенторіяхъ, въ правленіяхъ духовныхъ семинарій и училищахъ учащихся. Цѣна за годовое изданіе журнала съ доставкой на домъ и пересылкою во все города **ШЕСТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРЯМЪ**. Выписывавшіе журналы этого, вмѣстѣ съ «Воскреснымъ Читаніемъ», платятъ за оба журнала вмѣстѣ **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го Ноября 1862 года.

Ценсоръ *Н. Шеголевъ*.

господствующій въ ней духъ, проникающій всѣ частныя понятія и управляющій теченіемъ всѣхъ мыслей, есть чистый и святой духъ божественнаго откровенія, а не пытливый, изыскательный духъ мірскаго, человѣческаго любознудія, — и на концѣ что силою и дѣйствіемъ этого живаго и могущественнаго духа и тѣ не многіе элементы, кои заимствованы писателемъ ея не изъ духа библіи, а изъ греческой философіи, такъ преобразованы въ внутреннемъ своемъ характерѣ и направленіи, что почти совсѣмъ теряютъ первоначальный, чисто научный характеръ свой, и для непосредственнаго чувства, въ вооруженнаго товымъ анализомъ исторической критики, совершенно не замѣтны. Отъ этого и цѣлостное впечатлѣніе, производимое чтеніемъ и изученіемъ этой свящ. книги, совсѣмъ и то, какое выносится обыкновенно изъ чтенія богословскихъ сочиненій, болѣе или менѣе пронянутыхъ духомъ философаго изслѣдованія и умозрѣнія. Тогда какъ эти послѣдніе сочиненія, какъ плоды болѣе или менѣе яснаго и глубокаго мышленія, въ движеніи своемъ къ истинѣ всегда посредствующаго понятіями, и дѣйствуютъ болѣе или менѣе сильно и глубоко на одно только мышленіе, возбуждая въ умѣ читающихъ ихъ непосредственный рядъ однихъ только понятій, въ извѣстной связи и послѣдовательности, а на другія стороны души дѣйствуютъ только чрезъ посредство понятій же, — книга Премудрости Соломоновой, какъ плодъ живаго и непосредственнаго религіознаго созерцанія, пронянутаго духомъ библіи, — какъ свободное и непосредственное изліяніе мыслей истиннаго благочестиваго и богомысленнаго духа, и дѣйствуетъ непосредственно на самое такъ сказать средоточіе духовной жизни нашей на религіозное чувство и совѣсть, возбуждая въ душѣ читателей воспріимчиваго къ впечатлѣніямъ божественнаго, то истинно религіозное и святое настроеніе духа, которое образуется и можетъ образоваться въ насъ только подъ влияніемъ духа свя-

того. И если по этому христианская церковь, не смотря на то, что и слогъ этой книги, во многихъ мѣстахъ, отзывается вѣдѣньемъ греческихъ риториковъ, и нѣкоторыя мысли ея носить на себѣ печать генія греческой философіи, съ самыхъ древнихъ временъ признала ее достойною быть публично и торжественно читанною въ собраніяхъ вѣрующахъ и, какъ книгу проповѣданную духомъ истиннаго благочестія и святости, причислила къ книгамъ священнымъ; то и въ этомъ случаѣ она обнаружила ту проповѣдательность въ дѣлѣ различія духовъ, которая ей всегда присуща. И такъ все, что можно сказать положительнаго объ отношеніи писателя книги Премудрости Соломоновой къ греческой философіи, сводится окончательно только къ слѣдующему, довольно общему, положенію: что живя въ много ученой Александріи, гдѣ было такое множество публичныхъ философскихъ школъ всѣхъ отбѣнокъ, возбуждавшихъ въ разнообразномъ, смѣшанномъ изъ различныхъ національностей, народонаселеніи ея сильныя умственные движенія, онъ не былъ совершенно чуждымъ и безучастнымъ зрителемъ тѣхъ умственныхъ движеній, кои происходили въ окружающей его духовной атмосферѣ и волею или неволею подчиняясь неизбежному вліанію окружающей его среды, пропитанной различными философскими теоріями, какъ это всегда бываетъ, къ однимъ изъ этихъ, современныхъ ему, философскихъ ученій, которыя противорѣчили нравственно-религіознымъ убѣжденіямъ его напр. ученію Мегариковъ и Епикурейцевъ) относился совершенно отрицательно, а къ другимъ, которыя по основнымъ началамъ и стремленіямъ своимъ, болѣе или менѣе согласовались съ его собственнымъ религіознымъ міросозерцаніемъ, (какъ напр. къ ученію Платона и Стоиковъ) положительно и съ сочувствіемъ, — и что это сочувственное отношеніе его къ нѣкоторымъ философскимъ теоріямъ — преимущественно къ Платоническимъ, — не обошлось ему совершенно даромъ, не оставивъ по себѣ

- тебя, чтобы ты говорилъ мнѣ только правду, во имя
17. **Иеговы**. Тогда **Михей** сказалъ: «я вижу, всѣ израильтяне разсѣяны по горамъ, какъ овцы, у которыхъ нѣтъ пастыря. **Иегова** говоритъ: нѣтъ у нихъ начальниковъ, чтобы всѣ они возвратились въ дома свои съ миромъ». Тогда царь израильскій сказалъ **Иосафату**: «не говорилъ-ли я тебѣ, что онъ не пророчествуетъ
18. о мнѣ добраго, а только злое. *Михей* сказалъ: «отъ того, что я слышу слово **Иеговы**. Я вижу **Иегову** сидящаго на престолѣ и все воинство небесное, стоящее около Него, по правую и по лѣвую сторону Его.
19. **Иегова** говоритъ: «кто соблазнить **Ахава**, чтобы онъ пошелъ и попалъ на **Рамоеъ Галаадскій**? И говорить одинъ то, другой другое. И вышелъ духъ и сталъ предъ лицомъ **Иеговы** и сказалъ: «я соблазню!»
20. **Иегова** спрашиваетъ у него: «чѣмъ?» «я пойду,—отвѣчаетъ онъ,—и буду духомъ жи въ устахъ всѣхъ пророковъ его». И сказано ему: «ты соблазнишь и
21. успѣешь, иди и сдѣлай такъ!» И вотъ теперь **Иегова** далъ духа жи въ уста всѣхъ этихъ пророковъ твоихъ; но **Иегова** говоритъ о тебѣ злое. *Услышавъ это*
22. **Цидкiя** сынъ **Кенагановъ** подошелъ и ударилъ **Михея** по щекѣ, говоря: «какъ это духъ **Иеговы** перешелъ
23. отъ меня, чтобы говорить чрезъ тебя?» **Михей** отвѣчалъ: «вотъ ты увидишь это въ тотъ день, когда
24. отъ меня, чтобы говорить чрезъ тебя?» **Михей** отвѣчалъ: «вотъ ты увидишь это въ тотъ день, когда
- 25.

будешь ходить изъ комнаты въ комнату, чтобы
скрыться». Тогда царь израильскій сказалъ: «возмите 26.
Михея и отведите его къ Амону начальнику города
и къ Иоасу, царскому сыну, и скажите имъ: такъ го- 27.
ворить царь, заберите вотъ этого въ темницу и кор-
мите хлѣбомъ горести и водою горести ¹⁾ до моего
счастливаго возвращенія. И сказалъ Михей: «если 28.
ты возвратишься счастливо, то не Иегова говорять
чрезъ меня». И прибавилъ: «слышите это всѣ люди!»

И пошелъ царь израильскій и Иосафатъ царь 29.
іудейскій въ Рамоѣ Галаадскій. Царь израильскій 30.
сказалъ Иосафату: «я выйду на сраженіе переодѣв-
шись, а ты въ своихъ одеждахъ». И переодѣлся царь
израильскій и вышелъ на сраженіе. А царь сирійскій 31.
приказалъ начальникамъ колесницъ, которыхъ у него
было тридцать два: «не сражайтесь ни съ малымъ, ни
съ большимъ, но только съ однимъ царемъ израиль-
скимъ». Какъ только начальники колесницъ увидѣли 32.
Иосафата, то сказали: «это никто другой, какъ царь
израильскій!» И бросились на него, чтобы сразиться,
но Иосафатъ закричалъ. Начальники колесницъ уви- 33.
дѣвъ, что онъ не царь израильскій, отступили отъ

¹⁾ Хлѣбъ и вода горести означаютъ не какой нибудь особенный видъ пищи, но образъ содержанія преступниковъ въ темницѣ. Древніе не имѣли по-
вѣгя о милосердіи къ узникамъ и всячески стѣсняли заключенныхъ, давая имъ
въ пищу хлѣбъ и воду самаго худшаго качества.